Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Алтайский государственный университет»

На правах рукописи

Красильникова Оксана Сергеевна

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧУЖОГО В РУССКО-ФРАНЦУЗСКОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВВ.: КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Специальность 5.10.1. Теория и история культуры, искусства

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель –
доктор философских наук,
доцент Попов Е.А.

Барнаул – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Актуальность темы исследования. Одной из актуальных проблем современной культуры являются вопросы межкультурной коммуникации, так как в условиях глобализации усиливается интенсивность культурного обмена. Мировая история демонстрирует разные модели социально-экономического и внешнеполитического взаимодействия: миграция, миссионерство, торговля, туризм, дипломатия, завоевательные походы. Эти формы обусловливают как противостояние, так и взаимопроникновение собственного культурно-исторического наследия и чуждого ему. Оппозиция Свой – Чужой носит универсальный, постоянный, динамичный характер, имея отношение ко всем сферам человеческого бытия, поскольку она непосредственно связана с фундаментальными основами системности культуры.

Насыщенность современной реальности различного рода противоречиями между культурами в условиях нарастания тенденций глобализации, интеграции, мультикультурализма и плюрализма ставит вопрос о необходимости теоретического осмысления оппозиции Свой – Чужой и ее ценностно-смысловой трансформации.

Понятие «межкультурная коммуникация» (далее МКК) до сих пор не получило однозначного определения в научном дискурсе. В данной работе под термином «межкультурная коммуникация» понимается культурное взаимодействие, в ходе которого трансформируются стереотипы, оценки сторон, уточняются ценности и понимание, рецепция и интерпретация как Своего, так и Чужого. На ценностно-смысловую систему Свой – Чужой в МКК оказывают влияние разные факторы: ближайшее окружение, взаимодействие с соседями, конкретные культурно-исторические условия. Одним из влиятельных факторов, обусловливающих создание новых и разрушение привычных стереотипов, актуализирующих смыслы бытия, мировоззренческие сдвиги взаимодействующих сторон являются – локальные, гражданские, политические конфликты, напряженные этнические и межрелигиозные отношения и войны, так как в этом случае происходит непосредственный и повсеместный контакт сторон.

Важным практическим моментом, который обусловливает актуальность настоящего исследования, является изменение, динамизм ценностно-смысловой системы Чужого в современных условиях противоречий между системами ценностей, столкновения культур. Опыт осмысления и рецепции трансформации Чужого в русской культуре конца XVIII – первой четверти XIXв. помогает выявить варианты соприкосновения российской и европейской культуры, оценить уникальность и систему ценностей Своей культуры в кризисные для этих отношений периоды и возможности восстановления культурного диалога после этапов обострений.

Настоящее исследование представляет собой анализ культурфилософского аспекта трансформации Чужого в русско-французской межкультурной коммуникации конца XVIII – первой четверти XIX в. Исследование может иметь прикладное значение для дальнейшего понимания проблемы столкновения культур, которое, согласно прогнозу С. Хантингтона, может составить основное содержание исторических событий XXI в.[1] Между тем анализ культурно-исторического опыта прошлого позволяет оценить степень рисков проникновения элементов той или иной культуры в национальную и возможные последствия такого проникновения.

Таким образом, основанием выбора темы исследования стала гипотеза о том, что культурфилософская рецепция трансформации ценностно-смысловой системы Чужого открывает возможности для глубинного понимания субстанциональных, цивилизационных и интериоризационных процессов социокультурной динамики, идентифицируемой посредством межкультурной коммуникации, которая зачастую оценивается в социально-политических коннотациях, что не дает полной картины всех происходящих в культурном пространстве определенного исторического периода изменений. При этом ценностно-смысловая система Чужого проанализирована на примере усвоения и переработки восприятия в России ценностей и смыслов бытия Свой – Чужой в МКК. Отметим, что рецепция Чужого в культуре зависит от эпохи, конкретных

[1] Хантингтон С. Борьба между цивилизациями // Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. М., 2016.С. 200–201.

культурно-исторических условий, а также от парадигматики его оценивания. Многолетнее подражание французской культуре в элитарных кругах России, изменчивость социокультурной ситуации деформировали формы русско-французской МКК и определили их противоречивое состояние в исследуемый культурно-исторический период. Необходимо установить, что ценностно-смысловая система Чужого за четверть века трансформировалась как в народной, так и в элитарной культуре. Динамика этих трансформаций в разных слоях общества тоже несколько различается.

Теоретический поиск в этом направлении может систематизировать накопленный научный материал, классифицировать научные подходы в понимании концептуализации проблематики Чужого в контексте отношений со Своим в межкультурной коммуникации, а также экстраполировать особенности трансформации Чужого, происходящей в отдаленное культурно-историческое время, на современность.

Состояние разработанности проблемы. Привлечение тех или иных источников и литературы определяется характером решаемых в исследовании задач. В соответствии с этим в диссертации использовались источники, содержащие философские, культурно-исторические концепции отечественных и зарубежных авторов. Значительный вклад в понимание проблематики культуры как ценностно-смысловой системы внесли П.С. Гуревич[2], Э. Гуссерль[3], Х. Йоас[4], О.И. Жукова[5], М.С. Каган[6] и другие авторы, при этом в круг рецепции исследователей попадают ценностные детерминанты человеческого бытия. В то же время Э. Кассирер[7], М.В. Ковалева[8], И.В. Кондаков[9], Н.П. Копцева[10],

---

[2]Гуревич П.С. Проблема целостности человека. М., 2004.
[3]Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб., 1998.
[4]Йоас Х. Возникновение ценностей. СПб., 2018.
[5]Жукова О.И. Самость, ее типология и место в самоопределении человека: автореф. дис. д-ра философ. наук. Томск, 2010.
[6]Каган М.С. Цивилизация в культере и культура в цивилизации // Теоретическая культурология. М. ; Екатеринбург. 2005. С.168–177.
[7]Кассирер Э. Трагедия культуры // Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 112–140.
[8]Ковалева М.В. Феномен культуры в русской религиозной философии к. XIX – начала XX века: автореф. дис. канд.филос.наук: 09.00.13. Курск, 2009.
[9]Кондаков И.В. Архитектоника русской культуры: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01. М.,1998.
[10]Копцева Н. П. Проблема истины в философском познании: дис. … д-ра филос. наук: 09.00.01. Иркутск, 2000.

Ю.М. Лотман[11], Ю.В. Маслянка[12], В.М. Межуев[13], Е.А. Попов[14], М.Д. Попкова[15], О.К. Румянцев[16], Т.А. Семилет[17], Л.Н. Столович[18], П.А. Сорокин[19] и другие сосредоточивают внимание на факторах, влияющих на трансформации ценностных структур бытия. В этом аспекте культура предстает как взаимосвязь и взаимообусловленность всех социокультурных компонентов, как коммуникативное пространство, наделенное символическими смыслами бытия, как «форма общения между людьми и возможна лишь в такой группе, в которой люди общаются»[20].

В философском дискурсе закладывается феноменологическая основа понимания Чужого, формулируется его определение в общем виде, задается проблематика возможности понимания Чужого, он изучается через призму отношений Своей и Чужой культур (Э.Гуссерль[21], Б.Вальденфельс[22]).

Ряд идей органицизма Н.Я. Данилевского[23] и О. Шпенглера используются нами для анализа проблематики «чужести» и непонимания между носителями культурами в условиях межкультурной коммуникации[24].

Концепция диалогизма имела важное значение для анализа культурфилософского аспекта МКК (М. Бубер, М.М. Бахтин, В.С. Библер). Так, М. Бубер обратился к коммуникации как особому событийному осмыслению: в основе события лежит попытка понять другую сторону. Позиция диалогизма одновременно выступила и культурной стратегией, и методом понимания Чужой

---

[11]Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – н.XIX века). СПб., 2015. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. СПб., 2016.
[12]Маслянка Ю.В. Проблема смысла жизни: философский и художественный аспекты // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. 2018. № 3. Философия. Т. 1. С. 3–11.
[13]Межуев В.М. Философская идея культуры //Теоретическая культурология. М., Екатеринбург. 2005. С.114-124
[14]Попов Е.А. Особенности витального комплекса русской культуры XX – начала XXI вв.: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13. Барнаул, 2006.
[15]Попкова М.Д. Культура XX века: кризис самоидентичности и проблема границ //Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 22 (276). С. 41–44.
[16]Румянцев О.К. Манеры целеполагания как проекты времени культуры//Теоретическая культурология. М., Екатеринбург, 2005. С.44-66
[17]Семилет Т.А. Культурвитализм – концепция жизненных сил культуры. Барнаул, 2004.
[18]Столович Л.Н. Красота. Добро. Истина: Очерк истории эстетической аксиологии. М., 1994.
[19] Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
[20] Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре... С. 6.
[21]Гуссерль Э. Картезианские медитации. М., 2010.
[22]Вальденфельс Б. Своя культура и Чужая культура. Парадокс науки о Чужом // Логос. 1994. № 6. С. 81–90.
[23]Данилевский Н.Я. Почему Европа враждебна России? Европа ли Россия? // Россия и Европа. М., 2016. С. 39–111.
[24] Шпенглер О. Введение. Идея судьбы и принцип каузальности // Закат Европы. М., 1993. С. 128–201.

культуры, где «Я – Своя», «Ты – Чужая/Другая» культура [25]. Авторы отмечают, что диалог как метод познания действительности снимает жесткое противостояние Своего – Чужого, так как в диалоге отсутствуют отношения иерархии и намерения изменить Другого.

Вместе с тем М.М. Бахтин в ключевых работах «Эстетика словесного творчества», «Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук» и других указал на неравенство участников диалога, заложенное «ценностными контекстами действующих лиц» [26]. По его мнению, разные культурные миры детерминировали отличимые ценностные реакции.

Если М.М. Бахтин определил, что ключевой механизм в понимании Другого – «вненаходимость», то В.С. Библер выделил онтологические основания диалога: взаимопонимание, самодетерминация, самоопределение. Подлинное взаимопонимание требует от оппонентов коммуникации способности к самопознанию, адекватному восприятию достижений Своей и Иной культуры, критичности[27].

Рецепция Чужого отражена и в подходе Ю.М. Лотмана. Важным моментом его культурно-семиотической концепции стало обоснование тезиса о необходимости осмысления аксиологической значимости Чужого в любой культуре. Отмечается, что каждая культура начинается с разграничения мира на «наше», «свое», «культурное» и «чужое», «враждебное», «опасное», «хаотичное»[28].

Между тем в культурно-историческом измерении пассионарной концепции Л.Н. Гумилева стереотипы поведения – одно из оснований культуры. Соответственно, оппозиция Свой – Чужой считается важным механизмом, формирующим Свою культурную идентичность и позволяющим использовать «несхожесть как принцип», оценивая роль Чужого в Своем этносе[29].

---

[25]Бубер М. Я и Ты. М., 1993. 173 с.
[26]Бахтин М.М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000. С. 17.
[27]Библер В.С. Диалог и культура (общаясь с Бахтиным) // Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М., 1991. С. 95–166.
[28] Лотман Ю.М. Понятие границы // Внутри мыслящих миров. СПб., 2016. С. 200–221.
[29] Гумилев Л.Н. Этнический стереотип поведения // Этногенез и биосфера Земли. СПб., 2001.С. 99–104.

В историческом контексте Б. Ф. Поршнев исследовал оппозицию «мы и они». Он обнаружил проявление этого противостояния на протяжении всей истории, начиная с первобытной культуры. Системы сигналов языка в межчеловеческих отношениях помогают остановить или предотвратить потенциально опасные действия врага и также провести отличие Своих от Чужих[30].

Важное значение для рецепции Чужого имеет методология структурного функционализма Б. Малиновского[31], построенная на интерпретации фактов и понимании функциональных связей культуры. Согласно позиции ученого, любые обычаи, идеи, ценности, верования выполняют важную функцию, создают внутреннее единство и детерминируют формирование и развитие культуры во всем многообразии ее форм. Отдельно Б. Малиновский не рассматривал Чужого, но его интерпретация функциональных связей в культуре позволяет оценить необходимость и предназначение наличия Чужого. Чужой как враг, оппонент или партнер коррелируется со Своей культурой и помогает выстраивать определенные соподчиненные отношения, в том числе субстанциональные или цивилизационные.

Принципиально важной для понимания ценностно-смысловых трансформаций в пространстве культуры является позиция Б. Вальденфельса, который определил вектором переосмысления Чужого оценивание опыта Своей культуры, которая всегда оказывается в центре познания. При этом он обращает внимание на кажущуюся степень доступности Чужого опыта, текста и культуры[32].

Анализ отдельных аспектов межкультурной коммуникации представлен в работах американского антрополога Э. Холла[33]. Он впервые вводит понятие межкультурной коммуникации и определяет ее как систему, включающую скрытые правила и контексты. В продолжение контекстуального понимания

[30]Поршнев Б.Ф. Вторжение вещей // О начале человеческой истории. М., 2006. С.589-604.
[31]Малиновский Б. Научная теория культуры. М., 2005.
[32]Вальденфельс Б. Своя культура и Чужая культура…С.83.
[33]Hall E The silent language. DOUBLEDA, 1959; Hall E. Beyond culture. Garden City, N.Y., 1976.

культуры К. Гирц[34] формулирует интерпретативную концепцию: ее главный тезис основан на том, что культуру необходимо анализировать с помощью интерпретаций культурного контекста; культура включает многочисленные иерархические сети, которые состоят из значений, слов, концептов, символических форм, ценностей, помогающих идентифицировать Своего.

Анализ специфики МКК в других направлениях продолжили С. Биби[35], соавторы Дж. Берри, П.Р. Дасен, Ю.Х. Поортинга, М.Х. Сегал[36], Э. Гриффин[37], Дж. Нельеп[38], И. Пиллер[39]. Национальные особенности коммуникативного поведения рассматривали В. Гудикунст[40], С. Нишимура, А. Невги, С. Телла[41], а также Г. Хофстеде[42]. Ученые исследовали ценности, стили, специфику отдельных культур, обращали внимание на онтологические характеристики ценностно-коммуникативных изменений в бытии человека и развитии культуры. Прагматические аспекты коммуникации проанализировали Х. Гудолл[43], А.В. Павловская[44], К. Янг[45].

Разноплановый спектр вопросов МКК в философском ключе рассмотрели Л.А. Холова (динамика изменений образа Чужого)[46], В.Г. Фельде (анализ оппозиции «Свой – Чужой» в срезе основных исторических типов мировоззрения)[47], К.С. Илиополова (противоречия «Свой – Чужой»)[48]; в

---

[34]Geertz C.Available light: anthropological reflections on philosophical topics. Princeton, N.J., 2000; ГирцК. Интерпретациякультур. М., 2004.
[35]Beebe S.A. Business & Professional Communication: Principles and Skills for Leadership.Boston, MA, 2010; Beebe S.A., Beebe S.J., Ivy D.K. Communication: Principles for a lifetime. Boston, 2007.
[36] Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M.H., Dasen P.R. Intercultural Communication // Cross-Cultural Psychology. Research and Applications. Cambridge, 2016. P.407–413.
[37] Griffin E. A first look at communication theory. 6th edition. Boston, 2006.
[38] Neuliep J. Intercultural Communication: A Contextual Approach (5th edition). Thousand Oaks, 2012.
[39]Piller I. Intercultural Communication: A Critical Introduction (2nd edn.), Edinburgh, 2017.
[40]Gudykunst W. Asian American ethnicity and communication. Thousand Oaks, Calif., 2001.
[41]Nishimura S., NevgiA., TellaS. Communication style and cultural features in high/low context communication cultures: A case study of Finland, Japan and India.
[42]Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. OnlineReadingsinPsychologyandCulture. 2011. 2(1).Электронныйресурс.
[43]Goodal H.L. Business and Professional Communication in the Global Workplace. 3-nded.Cengage, 2009.
[44]Pavlovskaya A. National Identity in international education revisiting problems of intercultural communication in the global world // Training Language and Culture. 2021. T.5. № 1. P.20-26; Pavlovskaya A. Culture Shock! Russia: A Survival Guide to Customs and Etiquette. Marshall Cavendish; 2nd edition, 2011.
[45]Young K.S. Business and Professional Communication: A Practical Guide to Workplace Effectiveness.WavelandPress, Inc., 2012.
[46]Холова Л.А. Трансформация образа Чужого в социальной реальности постсоветского пространства: дис. ...канд.философ. наук. Астрахань, 2022.
[47]Фельде В.Г. Оппозиция «свой – чужой»в культуре: дис. …канд. филос. наук: 09.00.13. Омск, 2015.

культурологическом – А.П. Садохин (механизмы взаимодействия в МКК)[49], в историческом аспекте – А.П. Павловская (еда как маркер Чужого в МКК)[50].

Отдельное исследование Л.А. Холовой посвящено трансформации образа Чужого на постсоветском пространстве. Автор выявляет различные аспекты трансформации образа Чужого как процесса, в котором выражаются интенции развития общества[51].

Межкультурной коммуникации в контексте изучения Чужого посвящены диссертационные исследования Ж.А. Верховской[52], И.В. Наместниковой[53], И.В. Пахоловой[54], Р.К.Тангалычевой[55]. Исследованию проблематики Чужого и Своего посвящены сборники статей, в том числе «Чужое: опыт преодоления»[56], «Свое» и «чужое» в культуре[57], «Свое среди чужого, чужое среди своего»[58] и др.

В коллективной монографии А.П. Романовой, Е.В. Хлыщевой, С.Н. Якушенкова, М.С. Топчиева[59]раскрывается аксиологическое значение Чужого в реальной и виртуальной действительности. Различные аспекты рецепции Чужого в ценностно-смысловом понимании представлены в работах И.М. Дзялошинского, М.И. Дзялошинской[60], В.Г. Лысенко[61].

---

[48]Илиополова К.С. Противоречие «Свой-Чужой» в социокультурной коммуникации: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Ростов-н.-Д., 2010.

[49]Садохин А.П. Межкультурная компетентность: сущность и механизмы формирования: дис. …д-ра культурологии: 24.00.01. М.,2009.

[50]Павловская А.В. «Гастрономические войны» в свете проблем межкультурной коммуникации // Коммуникативные коды в межкультурном пространстве как средство формирования общегуманитарных компетенций человека нового поколения. М., 2022. С. 439–449.

[51]Холова Л.А. Трансформация образа Чужого... С. 7.

[52]Верховская Ж.А. Межкультурная коммуникация как фактор социокультурных изменений: дис. … канд. культурологии: 24.00.01. М., 2006.

[53]Наместникова И.В. Межкультурная коммуникация как социальный феномен: дис. …д-ра философ. наук: 09.00.01. М., 2003.

[54]Пахолова И.В. Социокультурный опыт «чужого»: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11. Самара, 2010.

[55]Тангалычева Р.К. Теоретико-методологические основания исследования межкультурной коммуникации в условиях глобализации: дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01. М., 2015.

[56]Чужое: опыты преодоления: Очерки из истории культуры Средиземноморья. М., 1999.

[57]«Свое» и «чужое» в культуре. Барнаул, 2011.

[58]Свое среди чужого, чужое среди своего. М., 2016.

[59]Романова А. П., Хлыщева Е. В., Якушенков С. Н., Топчиев М. С. Чужой и культурная безопасность. М., 2013.

[60]Дзялошинский И.М. Язык вражды в российских СМИ // Дзялошинский И.М., Дзялошинская М.И. Как создают образ врага. Чебоксары, 2019. С. 189–202

[61] Лысенко В.Г. Познание чужого как способ самопознания (попытка ксенологии) // Вопросы философии. 2009. №11. С. 61–77.

Ряд ученых, например Л.Н. Гумилев[62], Ю.С. Степанов[63], понимают оппозицию Свой – Чужой как важный элемент культуры, проявляющийся на разных уровнях. В продолжение этой идеи А.В. Шипилов приводит варианты оппозиции «Мы – Они» в разных типах общества. Исследователь считает, что в индустриальном, постиндустриальном обществе реализуется вариант Свои – Чужие, в традиционном же – «высшие – низшие»[64].

Вышеперечисленные исследования сыграли большую роль в культурфилософском осмыслении оппозиции Свой – Чужой. Однако проблематика этой антитезы до настоящего времени представляет интерес и открыта для изучения.

Для анализа обозначенной в настоящей работе темы большое значение имеет формирование общего представления о русско-французской коммуникации. Так, А.В. Востриков[65] рассмотрел связь двух культур в городской среде в XVIII в., А.С. Буцан[66] выявила основные этапы становления культурных связей России и Франции на протяжении десяти столетий, А.П. Седых, Н.В. Седых[67] оценили диалог культур России и Франции с позиций интерпретации лингвосемиотического подхода в рамках освоения лингвокультурных кодов глюттонического общения. В ряде диссертационных работ представлен анализ культурных связей России и Франции: Ю.М. Быстрова[68] (конец XIX – начало XX в.), Н.О. Ширалиева (XX в.)[69], лингвистический анализ русско-французского диалога: Н.Б. Имыкшенова (конец XVIII– начало XIXв.)[70].

Отдельные аспекты русско-французской коммуникации были проанализированы в диссертационных исследованиях В.С. Ржеуцкого

---

[62] Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб., 2001.
[63] Степанов Ю.С. «Свои» и «Чужие» // Константы: словарь русской культуры. М., 2004. С. 124–123.
[64]Шипилов А.В. Оппозиция «Мы – Они» в социокультурном развитии // Философская и правовая мысль: альманах. Вып. 5. Саратов; Санкт-Петербург, 2003. С. 280–304.
[65] Востриков А.В. Взаимодействие русской и французской культур в российской городской среде (1701–1796 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук: 24.00.01. Казань, 2009.
[66]Буцан А.С. К истории русско-французского культурного диалога // Вестник МГУКИ 2012. 6 (50). С.90–93.
[67]Седых А.П., Седых Н.В. Гастрономическая коммуникация как диалог культур: русские и французы. Электронный ресурс.
[68] Быстрова Ю.М. Русско-французские культурные связи в к. XIX– начале XX вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. Саратов, 2010.
[69]Ширалиева Н.О. Культурные связи Франции и России в XX веке: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2004.
[70]Имыкшенова Н.Б. Язык заимствований в процессе культурной диффузии (на материале русско-французского диалога XVIII-начала XX в.): дис. … канд. культурологии: 24.00.01. Улан-Удэ, 2007.

(французское землячество)[71], Т.А. Шанской (восприятие французской культуры русским дворянством)[72], Е.А. Куфен (динамика взаимовосприятия русских и французов)[73]. Эти исследования подчеркнули дифференциацию ценностей, норм, мировоззрения в различных культурных слоях русского общества.

Особый интерес для иследуемой темы представляют некоторые ключевые статьи: «Галломания в России» (А.А. Орлов)[74], в которой отмечена мировоззренческая трансформация дворянства от галломании к галлофобии и в обратном направлении; «Франция в восприятии русских военных: эволюция стереотипов (1814–1818)» (М.В. Губина): отмечается естественный фактор трансформации стереотипов – новые впечатления о Чужом складываются в результате непосредственной коммуникации[75].

Проблематика МКК представляется актуальной и разноплановой, она становится объектно-предметным полем в современных смежных дисциплинах: лингвистике, культурологии, политологии, этнологии и т.д. При этом в культурфилософском аспекте исследования заостряют внимание на особенностях ценностно-смысловых трансформаций человеческого индивидуального и коллективного бытия. Этому, в частности, посвящены работы соавторов Р.Т.Алиева, Д.М. Авторханова[76], В.К. Егорова[77], Л.М. Мусиной, Д.Н. Мустафиной[78], Н.В. Струниной[79], А.С. Соколова[80], соавторов М.В. Силантьевой, В.С. Глаголева и Б.Н. Тарасова[81], Г.К. Эзри[82]. Возникновению

---

[71]Ржеутский В.С. История французского землячества в России в XVIII – начале XIX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2003.

[72] Шанская Т.А. Восприятие французской культуры русским дворянством, первая четверть XIX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Казань, 2001.

[73]Куфен Е.А. Французы и русские в конце XVIII – первой половине XIX века: динамика взаимовосприятия культур: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. М., 2003.

[74] Орлов А.А. Галломания в России // Франция и Россия в начале XIX столетия. М., 2004. С. 20–29.

[75] Губина М.В. Франция в восприятии русских военных: эволюция стереотипов (1814- 1818) // Россия и мир глазами друг друга. Из истории взаимовосприятия. М., 2000. С. 136–148.

[76]Алиев Р.Т., Авторханов Д.М. Эволюция подходов к проблеме Другого/Чужого: от философского осмысления к феномену Другого/Чужого как объекту историко-культурного дискурса. Часть 2 // Философия и культура. 2018. № 6. С. 48–57.

[77] Егоров В.К. Ещё раз об оппозиции «свой-чужой» // Коммуникология. 2020. Т. 8, №1. С. 138–154.

[78] Мусина Л.М., Мустафина Д.Н. Межкультурная коммуникация: идентификация современных вызовов // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. №4. Электронный ресурс.

[79] Струнина Н.В. Стереотипы в межкультурной коммуникации и их критическое осмысление // Вестник Саратовского областного института развития образования. 2021. №1 (25). С. 99–102.

[80] Соколов А.С. В центре внимания межкультурное взаимодействие // Диалог со временем. 2020. № 72. С. 418–421.

[81]Силантьева М.В., Глаголев В.С., Тарасов Б.Н. Философия межкультурной коммуникации // Международные процессы 2017. Т. 15. № 2 (49). С. 64–76.

различных рисков в системе МКК посвящена монография А.В. Жукоцкой, С.В. Черненькой, С.Б. Кожевникова, Е.Г. Таревой, Г.М. Гогиберидзе. Отдельно в ней представлена культурфилософская рефлексия диалога культур[83]. Для нашего исследования представляют интерес статьи, включенные в сборник «Антропологические и аргументологические основания межкультурной коммуникации»[84]. В них концептуализируется проблематика Чужого/Другого в современной культуре.

Таким образом, анализ источников показывает, что проблематика Чужого в межкультурной коммуникации является объектом исследования в разных отраслях знаний. Культурфилософская рецепция позволяет увидеть ценностно-смысловые трансформации, связанные с коллективным и индивидуальным бытием человека, поиском ключевых смыслов бытия, построением уникальной для эпохи концепции личности. С этой точки зрения дальнейшее культурфилософское осмысление обозначенной проблемы позволяет рассчитывать на получение эвристически значимых научных результатов, раскрывающих не только особенности развития межкультурной коммуникации в определенный культурно-исторический период, но и демонстрирующих важнейшие ценностно-смысловые изменения, происходящие в пространстве культуры.

Объект и предмет исследования

Объектом диссертационного исследования является русско-французская межкультурная коммуникация конца XVIII – первой четверти XIX в. в многообразии составляющих ее явлений и форм.

Предмет исследования – культурфилософская рецепция трансформации ценностно-смысловой системы Чужого в русско-французской межкультурной коммуникации к. XVIII – первой четверти XIX в.

---

[82]Эзри Г.К Проблема межкультурной коммуникации в философской экспликации // Этнопсихология: Актуальные проблемы современного мира. Благовещенск, 2015. С. 210–216.

[83] Межкультурная коммуникация в современном мире: монография / А.В. Жукоцкая, С.В. Черненькая, С.Б. Кожевников, Е.Г. Тарева, Г.М. Гогиберидзе. М.,2018.

[84] Марков Б.В. Антропологические императивы межкультурной коммуникации // Антропологические и аргументологические основания межкультурной коммуникации. СПб., 2020. С.11–28; Говорунов А.В. Диалог культур: от понимания к непониманию // Там же. С. 64–77.

Основная проблема исследования состоит в излишней политизации процессов межкультурной коммуникации в общем и русско-французской МКК в частности, что не позволяет выделить в научном дискурсе ключевые аспекты трансформации тех или иных ценностно-смысловых систем, связанных с МКК и опирающихся на важнейшие смыслы человеческого индивидуального и коллективного бытия. Между тем предлагаемая в настоящей работе культурфилософская рецепция обозначенной проблемы позволяет приблизиться к идентификации МКК как такого пространства, в котором трансформация ценностно-смысловой системы Чужого является определяющей для понимания сущности взаимодействия двух культур в конкретном культурно-историческом периоде.

Целью исследования является культурфилософское осмысление трансформации Чужого в русско-французской межкультурной коммуникации конкретного культурно-исторического периода.

Основные исследовательские задачи:

- выявить культурфилософские основания исследования МКК в научном дискурсе;
- определить основные направления культурфилософской концептуализации проблематики Чужого в контексте отношений со Своим в отечественной и зарубежной интеллектуальной традиции;
- проанализировать ценностные основания архитектоники культурно-исторического взаимодействия России и Франции конца XVIII – первой четверти XIX в. и продемонстрировать их влияние на трансформацию ценностно-смысловой системы Чужого;
- исследовать значение трансформации Чужого для понимания культурфилософской специфики русско-французской межкультурной коммуникации конца XVIII – первой четверти XIX в. на основе совокупности ряда источников, в том числе не введенных ранее в широкий научный оборот.

Теоретические основания исследования определяются целью и задачами работы и включают следующие направления научной рефлексии:

1) рецепция культуры как ценностно-смысловой системы (Н. Гартман, П.С. Гуревич, Э. Гуссерль, Х. Йоас, О.И. Жукова, Э. Кассирер, М.В. Ковалева, Н.П. Копцева, Ю.В. Маслянка, В.В. Миронов, Н.П. Монина, Е.А. Попов, М.Д. Попкова, Т.А. Семилет, Л.Н. Столович и другие);

2) понимание МКК в культурфилософском дискурсе (К.-О. Апель, М.М. Бахтин, В.С. Библер, М. Бубер, О.В. Костюк, Н. Луман, А.П. Садохин, Ю.С. Степанов, Ю. Хабермас, Э. Холл);

3) выявление соотношения системы Свой – Чужой в социокультурном пространстве (Б. Вальденфельс, Л.Н. Гумилев, К.С. Илиополова, Ю.М. Лотман, В.Г. Лысенко, А.П. Романова, С.Г. Тер-Минасова, М.С. Топчиев, В.Г. Фельде, Е.В. Хлыщева, Л.А. Холова, С.Н. Якушенков и другие);

4) осмысление специфики русско-французской коммуникации в культурно-историческом контексте (А.С. Буцан, А.В. Востриков, М.В. Губина, Е.А. Куфен, Н.Б. Имыкшенова, А.А. Орлов, В.С.Ржеуцкий, А.В. Чудинов, Т.А. Шанская и другие).

Методологические основания. Ключевыми методологическими основаниями исследования являются культурфилософский и системный подход, позволяющие рассматривать культуру, ее ценности и различные состояния как проявления ценностно-смысловых трансформаций и сдвигов бытия. При этом данные подходы апеллируют к выявлению ценностно-смысловой системы Свой – Чужой в аспекте русско-французской коммуникации.

Значимым также является аксиологический подход, направленный на выявление различных состояний ценностей в их связи друг с другом и с другими объектами и атрибутами бытия, а также проявляющихся в результате ценностно-нормативной детерминации. Идеи Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, В.Виндельбанда, А. Вебера, Б.П. Вышеславцева, Н. Гартмана, П.С. Гуревича, М.С. Когана, Н.И. Лапина, Н.О. Лосского, Г. Риккерта, Л.Н. Столовича, М. Шелера, В.К. Шохина и других составляют суть данного подхода в исследовании различных аксиологических аспектов бытия культуры.

Структурно-функциональный подход позволил рассматривать культуру как единое целое, каждый элемент которого выполняет свои функции. Этот подход применялся для описания функциональных взаимосвязей в структуре исследуемых явлений. Идеи Б. Малиновского определили исследование культуры как взаимосвязанных элементов, обладающих выраженными функциональными свойствами.

Применение компаративистского подхода направлено на сравнение ценностно-смысловых систем Своего – Чужого. Основы данного ракурса исследования заложены в работах М.Блока, М.Вебера, Г.Д. Гачева, А.С. Колесникова, А.В. Павловской, М.Т. Степанянц, В. Шубарта.

Важное место в исследовании занимает междисциплинарный подход, дающий возможность использовать данные, полученные в рамках других областей знания и связанные с рассматриваемой проблематикой. При этом акцент сделан на междисциплинарной рецепции феномена МКК, а также ценностно-смысловых трансформаций, возникающих под воздействием различных социокультурных процессов.

Методы исследования. Решение конкретных задач исследования предполагает соответствующий выбор методов исследования. В их числе как общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение, обобщение, типология и др.), так и методы культурно-исторического и историко-генетического анализа, которые позволили отметить значение ценностно-смысловой трансформации Чужого.

Источниковую базу исследования составили источники персонифицированного происхождения (воспоминания и письма Ф.Ф. Вигеля[85], С.Н. и Ф.Н. Глинки[86], Д.В. Давыдова[87], М.И. Кутузова[88], Н.Н. Муравьева[89], Ф.В.

[85]Вигель Ф.Ф. Записки. München, 2005.
[86]Глинка С.Н. Из записок о 1812 годе. Электронный ресурс; Глинка Ф.Н. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием Отечественной и заграничной войны 1812 по 1814 год. Электронный ресурс.
[87] Давыдов Д.В. Дневник партизана. СПб., 2012.
[88] Кутузов М.И. Письма, записки. М.,1989.
[89] Муравьев Н.Н. Записки, 1814–1815 год // Русский архив 1886. Вып. 2. С. 71–146. Электронный ресурс.

Ростопчина[90], А.С. Шишкова[91]); сборник писем современников войны 1812 г.[92]; воспоминания А.П. Керн[93], О.С. Павлищевой (сестры А.С. Пушкина)[94]; переписка М.А. Волковой к В.И. Ланской[95]; пословицы[96], исторические песни[97], анекдоты о А.В. Суворове[98] и анекдоты, составленные Ф.М. Синельниковым[99]; рассказы крестьян, мещан об Отечественной войне 1812 г.[100]; карикатуры времени этой войны и др.[101].

Хронологические рамки исследования обусловлены историческими событиями мировой и отечественной истории от французской революции 1789–1799 гг. до Отечественной войны 1812 г., заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. и ограничены периодами правления Наполеона (1804–1815 гг.) и Александра I (1801–1825 гг.).

В исследуемый период в России происходила смена культурного вектора в отношении Франции, ее социокультурной жизни. Как следствие, наблюдались ценностно-смысловые трансформации, в том числе сопряженные с трансформацией ценностно-смысловой системы Чужого.

Научная новизна диссертационного исследования выражается в следующем:

1. Выявлены культурфилософские основания исследования межкультурной коммуникации, раскрывающие специфику рецепции указанного феномена в ценностно-смысловом ключе.

2. Проанализированы основные направления культурфилософской концептуализации проблематики Чужого в контексте отношений со Своим, что

---

[90] Ростопчин Ф.В. Мысли вслух на Красном крыльце. М., 2014.
[91] Шишков А.С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. Электронный ресурс.
[92]Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). СПб., 1882.
[93]Керн А.П. Воспоминания о Пушкине. Электронный ресурс.
[94] Павлищева О.С. Воспоминания о детстве А. С. Пушкина. Т. l. М., 1985.С. 29–39.
[95] Волкова М.А. Грибоедовская Москва: в письмах М.А. Волковой к В.И. Ланской, 1812–1818 гг. М., 2013.
[96] Даль В.И. Народ-язык // Пословицы и поговорки русского народа. М., 2000. С.343–347.
[97] Исторические песни о войне 1812 года // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М., 1987. С. 165–169.
[98] Екатерининские подвижники. Суворов – великий русский полководец. Анекдоты о Суворове // Святая Русь, или Всенародная история великого российского государства IX–XIX вв. Составлена по источникам Костомарова, Соловьева, Забелина и редким сочинениям Татищева и по древним рукописям Константином Соловьевым. М., 1994. С. 405–421.
[99] Синельников Ф.М. Анекдоты достопримечательнейших происшествий, случившихся в течение нынешней войны с французами. СПб., 1813. Ч.1. 137 с., Ч. 2. 133 с. Электронный ресурс.
[100]Толычева Т. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. М., 1872. Электронный ресурс.
[101]Подарок детям в память 1812 года. СПб., 1814. Электронный ресурс.

позволяет рассматривать сопряженность ценностно-смысловых систем Чужого и Своего в широком мировоззренческом контексте.

3. Идентифицированы ценностные основания архитектоники культурно-исторического взаимодействия России и Франции в период конца XVIII – первой четверти XIX в., способствовавшие трансформации ценностно-смысловой системы Чужого.

4. Установлены ценностно-смысловые принципы, в соответствии с которыми происходила трансформация Чужого в контексте русско-французской межкультурной коммуникации.

5. Определено значение трансформации Чужого для понимания культурфилософской специфики развития русско-французской межкультурной коммуникации в период конца XVIII – первой четверти XIX в.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В качестве культурфилософских оснований исследования межкультурной коммуникации идентифицированы следующие основания: информационное (МКК обеспечивает не просто передачу информации или ее транслирование, но и вычленяет наиболее значимые ценностно детерминированные кластеры информации, необходимые для опознавания и Своей собственной культуры, но также и Чужой), интериоризационное (межкультурная коммуникация рассматривается как способ передачи социального и культурного опыта в виде соответствующих социальных и культурных образцов от одного поколения носителей культуры к другому), семиотическое (межкультурная коммуникация определяется как пространство символов и знаков на границе Своего и Чужого), культургенетическое (МКК проявляется в различных культурно-исторических формах), аксиологическое (межкультурная коммуникация маркирует Свою культуру по принципу идентичных смыслов и ценностей), понимающее (межкультурная коммуникация способствует перепроверке и переоценке смыслов Своей и Чужой культур), диалогическое (межкультурная коммуникация концептуализирована через диалогичность, основанную на взаимопонимании,

коммуникативном равенстве субъектов, что позволяет фиксировать соприкосновения и расхождения смыслов участников диалога).

2. Ключевыми методологическими ракурсами исследования сопряженности ценностно-смысловых систем Чужого и Своего является культурфилософский и системный подход, направленные на выявление роли межкультурной коммуникации в осмыслении различных вариантов такого взаимодействия.

3. Анализ ценностных оснований архитектоники культурно-исторического взаимодействия русско-французских межкультурных отношений выявил черты конвергенции и дивергенции русской и французской культур. При этом мировоззренческой доминантой традиционной культуры оставалось православие, а элитарная культура была представлена двумя противоположными типами мировоззрений – либерально-просветительским и консервативно-охранительным. Данные социокультурные особенности способствовали трансформации ценностно-смысловой системы Чужого.

4. Трансформация ценностно-смысловой системы Чужого в контексте русско-французской межкультурной коммуникации осуществлялась по двум основным принципам. Во-первых, по принципу следования диалогу культур и возникающими в соответствии с ним культурным ценностям и нормам, в результате чего Чужой принимал сторону Своего (принцип конвергенции). Во-вторых, несовпадение ценностного и мировоззренческого опыта Чужого и Своего на фоне культурно-исторических событий конца XVIII – первой четверти XIX в. приводило к политизации ценностно-смысловой системы Чужого (принцип дивергенции).

5. Культурфилософская специфика развития русско-французской межкультурной коммуникации в период конца XVIII – первой четверти XIX в. определяется через сопряженность смыслов бытия и ценностей, которые лежат в основании трансформации Чужого. Такая сопряженность связана с приобщением Чужого к ценностям Своего как определяющим направлениям развития межкультурной коммуникации в конкретный культурно-исторический период: ценностям патриотизма, гражданственности, уважения памяти предков и другим.

В таком случае культурфилософская рецепция Чужого позволяет идентифицировать данные ценностно-смысловые изменения.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Теоретическая значимость заключается в том, что выбранный ракурс позволяет по-иному оценить МКК применительно к идентификации различных социокультурных процессов, их последствий и влияния на ценностный мир человека. Кроме того, обозначенный подход является основанием для разработки оригинальной концепции, в основе которой лежат представления об интегрированной специфике МКК, сопряженной с системными ценностно-смысловыми трансформациями бытия. В таком случае возможно преодолеть преобладающий в современном научном дискурсе социально-политический крен исследований МКК. Также теоретизирование по поводу соотношения Своего – Чужого в культурфилософском аспекте выявляет глубинные смыслы человеческого бытия – субстанциональные и цивилизационные.

Практическая значимость определяется прежде всего тем, что в современной геополитической ситуации материалы диссертации акцентируют внимание на необходимости выработки и поддержания долговременной культурной стратегии в патриотическом воспитании молодежи. Опыт осмысления Чужого в русской культуре конца XVIII – первой четверти XIX в. на примере рецепции ценностно-смысловой трансформации Чужого способствует выявлению позитивных вариантов сохранения коммуникации российской и европейской культуры в кризисные для этих отношений культурно-исторические периоды. Кроме того, практическая значимость исследования состоит в использовании ключевых положений диссертации для разработки и внедрения в образовательные программы вузов соответствующих спецкурсов по теории и истории культуры, искусства, философии культуры, истории, социальной и культурной антропологии и культурологии.

Степень достоверности и апробации результатов

Применение адекватной цели к задачам настоящего исследования теоретико-методологической базы, выбор соответствующих методов позволили

выделить культурфилософские основания исследования МКК, направления концептуализации проблематики Чужого, зафиксировать различие в восприятии и понимании Чужого субъектами культуры. Широкий анализ разноплановых источников, включая авторитетных в данной области знаний авторов, обобщение ключевых результатов и положений их работ и сопоставление с основными наработками по настоящей диссертации определили высокую степень достоверности выводов, подтвердивших трансформацию ценностно-смысловой системы Чужого. Кроме того, на степень достоверности повлияла та часть источниковой базы, в которой представлены аутентичные источники, содержащие сведения о рассматриваемом конкретном культурно-историческом периоде.

Отдельные положения диссертации отражены в ряде статей, опубликованных в научных журналах и сборниках, а также использованы при подготовке докладов и сообщений к следующим научным конференциям разных уровней:

VII Международной научно-практической конференции «Язык. Культура. Образование. Проблемы современной коммуникации» (Барнаул, 2022); VIII Международной научно-практической конференции «Развитие образования, педагогики и психологии в современном мире» (Воронеж, 2021); Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Социальные коммуникации: философские, политические, культурно-исторические измерения» (Кемерово, 2020, 2021); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы современного гуманитарного знания» (Кемерово, 2019, 2020); Всероссийской научно-практической конференции «Россия в европейской истории и культуре (к 205-й годовщине вступления русских войск в Париж)» (Краснодар, 27 марта 2019 г.); Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы гуманитарных наук в современных условиях развития страны» (Санкт-Петербург, 11 января 2017 г.); Международной научно-практической конференции «Культура. Духовность. Общество» (Новосибирск, 2014, 2015 гг.);

Международном научно-практическом форуме «Славянский мир. Диалог культур» (Кемерово-Омск, 17–18 октября 2011 г.).

Структура и объем исследования. Текст диссертации состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка, содержащего 284 наименования. Работа изложена на 176 страницах компьютерной верстки.

Глава 1. ОППОЗИЦИЯ СВОЙ – ЧУЖОЙ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС

1.1. *Культурфилософские основания исследования межкультурной коммуникации*

Проблемы взаимоотношения культуры и коммуникации, взаимодействия культур исследуют не одно десятилетие. Наибольшую актуальность этот вопрос приобрел в период глобализации в конце XX–XXI вв., так как увеличение культурных контактов способствует взаимовлиянию культур, интенсивному обмену[102]. МКК исследует в контексте глобализации[103], диалогических особенностей[104], современных проблем [105], антропологическом измерении[106] и т.д.

Исследователи фиксируют двойственность этих процессов: с одной стороны, экспансия европейских ценностей, с другой стороны, сопротивление традиционных культур и стремление сохранить свою самобытность, свои жизненные силы и принципы. Интеграция и дифференциация, конфликты и сотрудничество, универсализация и стремление к обособлению – взаимосвязанные тенденции развития.

Исследование теоретического содержания понятия межкультурной коммуникации (далее – МКК) предполагает его интерпретацию в контексте взаимодействия культур: анализ содержания и соотношения понятий межкультурное взаимодействие, межкультурная коммуникация, диалог культур, коммуникативная сущность культуры.

Понятие «разнообразие культур» вошло в обиход европейской мысли лишь во второй половине XVIII в. До этого времени вопрос о национальных различиях, о самобытности культуры, взаимоотношениях, взаимодействии и взаимовлиянии культур не был столь актуальным для философской мысли. В XVIII в. в Европе

---

[102] Мусина Л.М., Мустафина Д.Н. Межкультурная коммуникация: идентификация современных вызовов // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. №4.

[103] Зубова М.В. Межкультурная коммуникация как фактор глобализации // Межкультурный диалог и вызовы современности: другость и инаковость в своем и родном. Орел, 2019. С. 182.

[104]Чуешов В.И., Белокрылова В.А, Мякчило С.А., Семенова В.Н., Чуешов К.В. Антропологические и аргументологические основания межкультурного взаимодействия и диалога культур // Антропологические и аргументологические основания межкультурной коммуникации. СПб., 2020. С.28–64.

[105]Межкультурная коммуникация в современном мире: монография / А.В. Жукоцкая, С.В. Черненькая, С.Б. Кожевников, Е.Г. Тарева, Г.М. Гогиберидзе. М., 2018.

[106]Марков Б.В. Антропологические императивы межкультурной коммуникации // Антропологические и аргументологические основания межкультурной коммуникации. СПб., 2020. С. 11–28.

активизируются процессы, которые привели к формированию философского осмысления культуры. В эпоху Просвещения преобладало понимание культуры как непрерывного прогресса человечества, опирающегося на всестороннее развитие разума, идеалов науки, прогресса, свободы (Д. Вико, Э. Шефтсбери, Ш. Монтескье, Вольтер, Дидро, Ж.Ж. Руссо, Ж. Кондорсе).

В настоящее время выделяют около 500 различных определений культуры, однако, суммируя их, можно представить ее как совокупность ценностей, норм, представлений, мировоззренческих установок и способов поведения, деятельности, языка, артефактов, которые люди усваивают в процессе инкультурации и используют их для адаптации в социуме.

Ввиду того, что культура – «негенетическая» память» коллектива, то есть не передается как врожденный образец поведения, она может усваиваться только в процессе общения индивидов, социальных, этнических, религиозных групп. Реальное существование культуры проявляется только во взаимодействии, информационном обмене между людьми. Ю.М. Лотман отметил, что культура – прежде всего понятие коллективное, общественное, то есть социальное, «культура есть форма общения между людьми и возможна лишь в такой группе, в которой люди общаются»[107].

В работе мы обращаемся к идеям Е.А. Попова о витализме в культуре, «жизнеутверждающий императив» которой основан на «определенных аксиологических принципах», когда ее национальное развитие оценивается с позиций «жизнеспособности…жизненный потенциал культуры …прежде всего аккумулирует необходимую для развития культурно-органической системы энергию»[108]. Культурвиталистская методология подчеркивает самобытность, неповторимость, и что особенно важно, «самоценность» каждой культуры. Т.А. Семилет отметила: «У каждой этнокультурной индивидуальности свои неповторимые черты …свои склонности и предпочтения и свои же неприятия и отвержения … культуры существуют не по простым механическим, а по сложным

[107]Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – н.XIX века). СПб., 2015. С.6.

[108] Попов Е.А. Виталистский императив современных представлений о культуре// Социология. Электронный ресурс. С. 108.

органическим законам…»[109]. Такой подход углубляет понимание социокультурной динамики, в том числе МКК.

Таким образом, значимым постулатом нашей работы будет представление о коммуникативном содержании культуры в парадигматике ценностно-смысловой системы Чужого в аспекте культурвитализма.

Современная наука не выработала единого подхода к пониманию терминов «коммуникация», «межкультурное взаимодействие», «межкультурная коммуникация», «межкультурный диалог», вследствие чего грань между ними очень тонка.

Коммуникация обычно понимается как акт или процесс передачи различными методами информации другим людям, так в русле социального процесса создается некая общность между его участниками. Для взаимодействия характерны сложность, соподчиненность, как материальное, так и ценностно-смысловое взаимовлияние.

В результате взаимодействия происходит изменение ценностей, модификация областей творческой и хозяйственной деятельности, преобразование духовных ориентиров, языка взаимодействующих культур. Если обе стороны готовы к интеракции, то ситуация культурного взаимодействия может трансформироваться. Ее отличительной особенностью становится многовариантность, перманентность, преобразование ценностей, стереотипов, возможность новой интерпретации культурного мира, с которым произошло столкновение.

Другими словами, взаимодействие – это реальное взаимовлияние, когда культуры взаимодействуют, то они смотрятся как в зеркало через призму этноцентризма, поэтому их межкультурное отражение не может быть идентичным и симметричным. Взаимодействие между культурами находит воплощение в их культурных мирах, оставляет след в мировоззрении, ценностях, смыслах, предметных и идейных заимствованиях, фольклоре. Взаимодействие

---

[109] Семилет Т.А. Особенности методологии культурвитализма // Философия, социология и культурология. С. 220. Электронный ресурс.

предполагает взаимообратную связь, взаимовлияние, которое является его отличительной особенностью, коммуникация, например, может состояться без взаимовлияния и ограничиться ответом.

Взаимодействие, по мнению С.А. Арутюнова, является важнейшим условием для развития любой культуры. Реальные случаи взаимодействия культур состоят обычно из комбинации нескольких форм воздействия. При этом, если этнос А воздействует на этнос В, то обычно имеет место и обратное воздействие В на А, но оно редко бывает симметричным и эквивалентным[110]. С.А. Арутюнов выделил следующие формы: прибавление, убавление, усложнение, обеднение. Например, крестовые походы, османское завоевания, несмотря на разрушительный характер, способствовали установлению культурных связей Запада и Востока. Великие географические открытия содействовали проникновению и межкультурной коммуникации Европы и цивилизаций Америки, Азии в форме порабощения, торговли, эксплуатации. Прибавление от усложнения, как и убавление от обеднения, различается не просто количественно. Прибавление не приводит к перестройке структурных связей культуры, а усложнение ее подразумевает. Согласимся с С.А. Арутюновым, что «процесс взаимодействия культур нельзя рассматривать как односторонний переход от множества к единству, от многообразия – к унификации, от этнического – к межэтническому и надэтническому. Взаимодействие между культурами носит сложный и противоречивый характер»[111]. Иногда приобретение, прибавление к Своему разрушает Свое, отчуждает от Своего. Данное суждение воспринимается парадоксально, без учета и изучения, конкретных культурно-исторических условий. Его идеи мы применили для анализа российско-французской коммуникации изучаемого периода и действительно, отметили противоречивый характер последней, имеющий отношение, как к прибавлению Чужого, так и убавлению Своего.

[110]Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 155.
[111]Там же. С.157.

Итак, граница, разделяющая две категории, тонкая, но анализ понятийного аппарата свидетельствует о том, что межкультурное взаимодействие – категория более объемная, чем межкультурная коммуникация. Обмен информацией, эпизодическая коммуникация могут или изменить ценностные ориентации, структуру культурной идентичности, образ жизни представителей той и другой культуры, или не оставят значительного отпечатка в культуре оппонента.

Формой культурного взаимодействия может стать диалог культур, целью которого является взаимопонимание сторон коммуникации. Для возникновения межкультурного диалога необходим определенный уровень культурной, коммуникативной готовности партнеров. В процессе диалога сталкиваются различные ценности, обнаруживаются и формулируются новые смыслы и устремления. Предпосылками диалога являются аутентичность взаимодействующих культур, их смысловое и мировоззренческое различие, содержательное «неравенство» друг другу, в основе которого «органическая связь между культурой и коммуникацией»[112]. Сопоставление ценностей, смыслов, детерминирует возможную диалогичность и предполагает понимание того, что Свое уникальное этнокультурное сосуществование воспринимается в сравнении как «достойное», а все прочие – как «дикость»[113].

Общее понимание «диалога» используют, когда говорят об отношениях между отдельными индивидами, социальными группами людей, народами и государствами, между разными культурами, религиями и историческими эпохами. Это означает, что диалог в широком смысле существует на разных уровнях, которые можно обозначить как микродиалог (диалог индивидов), макродиалог (диалог этнических культур) и мегадиалог (диалог цивилизаций). «В обыденном словоупотреблении понятия «диалог» и «общение», как правило, не различаются, поэтому чаще всего коммуникация и любой обмен суждениями являются диалогом. Но не всякое общение – диалог»[114]. Диалог предполагает взаимный обмен смыслами, идеями, представлениями, концепциями и т.д.

[112]Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. СПб., 2016. С. 31.
[113] Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб., 2001. С. 101.
[114]Садохин А.П. Межкультурная компетентность...С.27.

Поэтому для того, чтобы общение стало диалогом, необходима заинтересованность обеих сторон. Если данное условие не выполняется хотя бы одной из сторон, то диалога как такового не возникает.

Взаимопонимание – следующее основание диалога, каждый из участников может оставаться на своих позициях, но оппонента коммуникации оценивают не как противника, а как партнера, соучастника[115].

Диалог культур часто оценивают и как критическое усвоение ценностей Чужой культуры в процессе межкультурного взаимодействия. Главным для диалога является наличие Другого, который способен понять своего партнера.

Для термина «диалог» близкими по содержанию понятиями являются понятия «общение» и «коммуникация». Вместе с тем М.С. Каган отметил, что общение и коммуникация различаются по характеру связи вступающих во взаимодействие сторон. В общении нет отправителя, получателя сообщений, «есть соучастник общего дела», в коммуникации всегда есть информационная связь[116].

Таким образом, диалог выступает методологическим принципом взаимопонимания культур, так как сущностные характеристики любой культуры проявляются преимущественно в ее диалоге с другими культурами. Диалог культур способствует развитию языка (в форме заимствований), обмену духовными и материальными ценностями, предметами. Во время диалога создаются ситуации взаимообогащения, заимствования, миграции, через изучение и оценивание, формируются стереотипы, происходит узнавание новых особенностей оппонента в коммуникации. Процесс диалога носит сложный и неравномерный характер. Как правило, наиболее активный процесс диалога культур происходит при усвоении близких тому или иному типу мышления культурных ценностей. Диалог культур может возникать и развиваться только на основе их взаимодействия, которое является естественным механизмом. Принципы диалога (взаимопонимание, взаимообмен, коммуникативная

---

[115]Там же. С. 28.
[116]Каган М.С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. М., 1988. С.153.

готовность, заинтересованность) становятся площадкой для интерпретации позиций коммуникантов[117].

Взаимообмен как очевидный аспект диалога отметила И.В. Фотиева и предложила анализ условий успешности межкультурного диалога. «Первое условие: в культурах участниц диалога идейно-ценностное ядро должно быть в некотором смысле традиционным…Второе …заключается в близости идейно-ценностных ориентаций»[118]. Данный ракурс научной рефлексии усложняет понимание диалога. Согласимся с исследователем в пункте о предполагаемой близости ценностей, поскольку бывает сложно определить их из-за культурно-периферийных различий. Вместе с тем отметим, что «эффективный диалог предполагает активное взаимодействие равноправных субъектов»[119]. Сложность диалога заключается не только в достижении взаимопонимания – это его высшая стадия. Диалог предполагает ценностно-смысловые различия, недопонимания, предвзятость и субъективность, он также подразумевает «точки соприкосновения, взаимную заинтересованность и перспективу»[120].

Общее понимание коммуникации как социального процесса определило развитие такого направления, как диалогизм. Собственно говоря, основы такого подхода были заложены ранее – в идеях герменевтики Г. Гадамера (принципы контекста, диалогичности, герменевтического круга). Сложность рецепции в МКК увеличивается, поскольку участники коммуникации имеют стереотипные представления о Своей, Чужой культурах. Важный герменевтический вопрос о возможностях понимания Другого в принципе относительно нашего контекста исследования Чужого остается наиболее сложным в МКК.

Идеи М. Бубера, М.М. Бахтина и В.С. Библера представляют ценность для анализа исследуемой проблематики, потому что диалог является квинтэссенцией МКК.

---

117 Диалог культур // Межкультурная коммуникация в современном мире. М., 2018.С. 14–15.

118 Фотиева И.В. Принципы диалога культур: Россия и Монголия // Вестник алтайской науки. 2014.№4 (22). С. 441–442.

119 Межкультурная коммуникация в современном мире. М., 2018. С. 6.

120 Загрязкина Т.Ю. Следы Франции в России // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 4. С. 44. Электронный ресурс.

Диалогу как событийному осмыслению посвящены идеи М. Бубера[121]. Позиция диалогизма одновременно выступает и культурной стратегией, и методом понимания чужой культуры, где «Я – Своя», «Ты – Чужая/Другая» культура. Диалог как метод снимает противостояние Своего – Чужого, так какв его основе находится попытка понять другую сторону. Диалог – это онтологическая реальность, определением которой являются встреча и совместное бытие, направленные друг на друга и существующие лишь во взаимодействии. Для нашей проблематики исследования важны принципы диалога, выделенные М. Бубером (равноправные начала во взаимоотношениях, отсутствует намерение изменить Другого, не существуют отношения иерархии). Мы использовали принципы диалогизма, когда анализировали особенности культурно-исторического взаимодействия русско-французской культуры. Позиция диалогичного равенства должна подчеркнуть, что каждый ценен своей уникальностью.

Если М. Бубер выделил принципы диалога, то М.М. Бахтин учитывал многоголосие культур. В русле такой коммуникативной парадигмы он указал на неравенство участников диалога, заложенное «ценностными контекстами действующих лиц»[122]. Встреча культур – это соприкосновение с Чужим смыслом, преодоление замкнутости, односторонности. «При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, но они взаимно обогащаются»[123]. «Вненаходимость» понимающего во времени, пространстве, основана на осознании сопричастности Чужому/Другому/Иному. Данный тезис помогает оценить степень и возможность рецепции Чужой культуры в ракурсе взаимоотношений со Своим. В контексте нашего исследования культура русской элиты стала сопричастна не Своей, а Чужой культурной традиции.

Идеи диалога культур нашли продолжение в логике культурного развития В.С. Библера. Он уточнил ценностно-смысловой дискурс: «диалог, понимаемый в виде культуры– это не диалог различных мнений или представлений, это – всегда

---

[121] Бубер М. Я и Ты. М., 1993.
[122]Бахтин М.М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000. С. 17.
[123] Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С.353–354.

диалог различных культур (в пределе – культур мышления, различных форм разумения) … Это событие и взаимодействие двух (и многих) совершенно различных миров – различных онтологически, духовно, душевно, телесно»[124].

Диалог как форма коммуникации предполагает информационный обмен, в котором оппоненты попеременно переходят с позиций приема на позицию передачи информации, возникшей в культурном пространстве. Целью коммуникации в диалоговом режиме становится возможность взаимопонимания.

Диалогичное основание МКК помогло нам в решении вопроса о достижении цели русско-французского диалога, степени восприятия Чужого, понимании ценностно-смысловых концептов при соприкосновении культур.

Одним из общих параметров коммуникации, взаимодействия и диалога культур является обратная связь. Коммуникация выступает как способ организации прямых и обратных информационных связей между локальными подсистемами культуры – субкультурами (внутри отдельной культуры), индивидами внутри отдельной культуры. Поэтому процесс межкультурной коммуникации является необходимой составляющей межкультурного взаимодействия и взаимовлияния:

а) культур, передающих своеобразие общественно-исторических условий и специфику культурной жизни;

б) языка, отражающего культуру народа и выступающего как определенная форма культурного поведения;

в) субъекта – носителя культуры.

Коммуникация начинается с информационного обмена, дальнейшая трансформация в межкультурное взаимодействие детерминирована рядом причин – взаимное желание продолжить коммуникацию, ответная обратная связь, культурно-исторический контекст. Среди перечисленных детерминант обращает на себя внимание обратная связь, она встречается во всех сферах, связанных с взаимодействием. Понятие «обратная связь» было введено в науку Н. Винером. Ему принадлежит идея о перемещении информации в системе, в которой

---

[124]Библер В.С. Диалог и культура (общаясь с Бахтиным) // Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М., 1991. С.300.

обратная связь замыкает цепочку циркулирования информации, обратная связь – это воздействие с выхода системы на ее вход[125]. Обратную связь как понятие гуманитарных наук с кибернетическим понятием связывают только факт терминологической общности и функциональная направленность.

Таким образом, отмечена взаимосвязь понятий «коммуникация» и «взаимодействие», коммуникация оценивается как передача информации между ее участниками, она сопряжена с взаимодействием.

Понятия «коммуникация», «взаимодействие» и «диалог культур» в социокультурной модальности разделяются структурно.

«В структуре любой коммуникации различают пять основных функциональных компонентов, расположенных в линейной последовательности:

1) источник информации (адресант), генерирующий сообщение для передачи;
2) передатчик, преобразующий сообщение в сигналы, передаваемые по некоторому каналу связи;
3) канал связи;
4) приёмник информации, декодирующий сигналы и переводящий их в сообщение;
5) получатель информации (адресат), которому предназначено сообщение.

В соответствии с этой моделью источник информации (адресант) кодирует некоторую информацию знаковыми средствами той знаковой системы, которая используется в данной форме коммуникации. Для усвоения информации от адресата требуется обратная процедура представления содержания – декодирования. Помимо основных компонентов, данная модель, как правило, содержит фактор дисфункции, который может искажать смысл передаваемого сообщения, – так называемый шум (например, внешние помехи, наличие нескольких сигналов в коммуникационном канале и так далее), а также фактор предотвращения коммуникационных неудач – избыточность информации (повторение элементов сообщения). Таким образом, данная модель коммуникационного акта подразумевает адекватную передачу информации от адресанта к адресату. Структура целостного процесса коммуникации

[125]Белов А.Б. Проблема обратной связи в общении: обзор психологических исследований // Теоретическая и экспериментальная психология. 2012. Т. 5, № 2. С.81.

представлена множеством отдельных последовательных коммуникационных актов»[126].

В структуре социальной коммуникации – это два или более участников, ситуация, которую они хотят осмыслить, тексты, мотивы и цели, процесс материальной передачи текстов[127].

В семиотической концепции Ю.М. Лотмана структура диалога представлена участниками, т.е. это культура-приемник и культура-передатчик; попеременной направленностью сообщений, из которой следует, что стороны диалога «попеременно переходят с позиции «передачи» на позицию «приема» и передача ведется дискретными порциями с перерывами между ними»[128]. Он рассмотрел этапы восприятия «принимающей» стороной от момента поступления Чужого текста в культуру-приемника до того момента, когда культура-приемник трансформируется в культуру-передатчика и сама становится источником «потока текстов, направляемых в другие, с ее позиции периферийные, районы семиосферы»[129].

Семиотическое основание МКК выявляет возможности совместной расшифровки Чужого (текста, знака, смысла, ценности) в культуре, и на этом основании происходит консолидация со Своим.

Коммуникация может усилить взаимодействие и сделать его более значимым, что в свою очередь может трансформироваться в разные формы МКК, в том числе в диалог культур.

Таким образом, понятия «коммуникация», «взаимодействие» и «диалог культур» имеют как общее, так и особенное. Общее в структуре – это наличие участников, их соотнесенность с процессами обмена и передачи информации, конкретизация времени и пространства действия. Особенное – обусловлено дифференциацией элементов, входящих в структуру, и объемом содержания этих понятий. Дефиниция термина «взаимодействие» более объемная, поскольку

---

[126]Азаренко С.А., Рузавин Г.И., Флиер А.Я., Берштейн В.Л., Александров П.С. Коммуникация. Электронный ресурс.
[127]Цит по: Там же.
[128]Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. С.221.
[129]Там же. С.229.

предполагает взаимное воздействие и взаимное изменение субъектов. В коммуникации и диалоге акцент сделан на передачу текста. Структурные компоненты взаимодействия, коммуникации и диалога позволяют оценить полноту, степень взаимовлияния культур России и Франции в изучаемый период, их ценностно-смысловые системы.

Коммуникация, взаимодействие и диалог происходят в конкретных культурно-исторических, социальных, пространственно-временных условиях. Эти условия детерминируют специфику коммуникации, которая может стать отправной точкой, истоком как взаимодействия, так и диалога культур. В реальном процессе диалог может реализоваться далеко не полностью и трансформироваться во взаимодействие. Структурное разграничение этих понятий позволяет фиксировать их синергетический эффект, их взаимная дополняемость и интеграция составляют конституирующую основу МКК.

Оппоненты коммуникации не должны иметь одинаковые шифры, в противном случае функция коммуникации сведется к передаче понятных команд. Разница культурных кодов наводит на мысль о коммуникативном неравенстве, которое выражено в принадлежности оппонентов к разным культурным мирам, системам ценностей.

Доступ к знакам Чужого возможен, но условия понимания этих знаков будут отличимыми. Разница в условиях порождает ситуацию неравенства, что в свою очередь создает в МКК напряжение, задает новые смыслы, интерпретации, способствует пониманию того, что варианты трансформации в МКК многочисленны. В каждом знаке заключен смысл, который был зафиксирован предыдущими поколениями Своей культуры[130].

Первоначальное значение коммуникации – это передача информации, где главными составляющими были источник информации, сообщение, получатель информации (реципиент), канал передачи и шум. В основе такого понимания математическая модель Шеннона и Винера, которая описывала коммуникацию как процесс передачи информации от одного источника к другому.

[130]Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. С. 10.

Действительно, в большом массиве определений коммуникация соотнесена с передачей информации и с взаимодействием субъектов[131].

Далее в психологическом дискурсе коммуникация оценивалась не только как передача информации, но и как создание некой общности между участниками и генерация смыслов. Это атрибуты как межличностной, так и межкультурной коммуникации[132].

Кроме этих значений, понятие «коммуникация» приобрело социокультурный смысл, связанный со спецификой обмена информацией в социуме, исследующий преимущественно функциональные механизмы, процессы и формы социокультурной организации и регуляции коллективной жизни людей (ценностно-смысловые системы, нормы, обычаи, образы жизни, технологии деятельности).

В отношении концепта общения можно выделить две противоположные точки зрения о тождественности и нетождественности общения и коммуникации. Отметим, что в ряде лингвистических работ понятие «общение» отождествляется с понятием «коммуникация», общение оценивается как актуальная функция именно речевых коммуникативных практик[133]. Нам представляется, что понятия «общение» и «коммуникация» имеют как общее, так и особенное. Общее – их включенность в процесс обмена и передачи информации; особенное – обусловлено различием в объеме содержания этих понятий; за общением в основном закрепляются характеристики межличностного взаимодействия, за коммуникацией закрепляется еще и дополнительное значение – информационный обмен в обществе на самых разных уровнях, вплоть до торговли, политики и т.д.

Магистральное отличие общения от коммуникации в том, что оно осуществляется непосредственно, поэтому в нем представлен психологический и лингвистический аспекты. Коммуникация может быть, как непосредственной, так и опосредованной через артефакты. В ней представлены не только эти два

---

[131] Белов А. Б. Проблема обратной связи в общении: обзор психологических исследований // Теоретическая и экспериментальная психология. 2012. Т. 5, № 2. С. 81.

[132] Якупов П.В. Коммуникация: определение понятия, виды коммуникации и ее барьеры // Вестник университета. 2016. №10. С. 261–262.

[133]Шахаева Е.В. Феномен межкультурной коммуникации: системное описание существующих дефиниций (аналитический обзор) // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2018. № 24. С.60.

аспекта, но возможна невербальная передача информации. Поэтому понятие «коммуникация» гораздо шире по объему.

Нам представляется, что интерпретация коммуникации как постоянного интерактивного процесса находит подтверждение в культурно-историческом опыте взаимодействия культур. Данный нюанс значим для нашей темы, рассматривающей длительный и постоянно трансформирующийся процесс рецепции Чужого.

В первой половине XX в. ученые стали обращать внимание на взаимовлияние различных этнических культур в процессе вербального и невербального информационного обмена. Работы Ю. Хабермаса и Н. Лумана стали теоретической базой для исследования межкультурной коммуникации. «Коммуникативная деятельность» – понятие, введенное Ю. Хабермасом. Он отметил, что коммуникативные проявления встроены в различные отношения к миру и имеют отношения к кооперативному толкованию, поэтому ориентация коммуникации на взаимопонимание – это «предельный случай». «Взаимопонимание означает единение участников коммуникации насчет приемлемости некоторого высказывания; согласие [консенсус] – интерсубъективное признание притязания на значимость, выдвигаемого говорящим для этого высказывания»[134]. Повседневные коммуникативные практики образуют коммуникативную среду и воспроизводят культуру, общество, личность. Коммуникативная деятельность служит традиции и обновлению культуры, социальной интеграции, установлению солидарности, формированию личных идентичностей. Таким образом, коммуникативное действие детерминировано процессами социализации, инкультурации, интеграции и интериоризации[135].

Оппоненты в коммуникации предполагают, что их действия логичны, понятны не только им, но и представителям противоположной стороны. В этом заключается предполагаемое условие равенства субъектов коммуникации,

---

[134]Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. М., 2022. С. 540–541.
[135] Там же. С. 559.

главными критериями которого выступают понятность, правильность коммуникации как действия «ориентированного на взаимопонимание»[136]. Вывод Ю. Хабермаса о «равенстве субъектов коммуникации» помог нам проанализировать специфику русско-французской коммуникации 1812 г. и уникальность культурно-исторического взаимодействия исследуемого периода. Мы считаем, что взаимопонимание между культурами и достижение консенсуса (в интерпретации Ю. Хабермаса) между культурами, скорее всего, редко представляется возможным, так как внутреннее семиотическое пространство культуры дифференцировано (элитарная и народная культуры, либералы и консерваторы, крестьяне, горожане и др.).

Вместе с тем Ю. Хабермас не учитывал наличие коммуникативных барьеров (исторический опыт, традиции и пр.), которые препятствуют достижению понимания. В этой связи мы полагаем, что здесь необходимо рассматривать понятия «рецепция» и «интерпретация» как центральные, то есть каждый из субъектов коммуникации определенным образом воспринимает, интерпретирует и преобразует ситуацию, в которой протекает действие. Достижение взаимопонимания – главный, противоречивый и самый сложный аспект как в МКК, так и в диалоге культур. Это принципиальное замечание для нашего исследования, поскольку интенция достижения взаимопонимания влияет на модели рецепции трансформации Чужого.

В продолжение идей Ю. Хабермаса Н. Луман признавал, что коммуникация является системообразующей структурой для общества. Он отождествлял общество и коммуникацию: «Это отношение следует мыслить круговым образом: общество немыслимо без коммуникации, но и коммуникация немыслима без общества… Тезис самовоспроизводства через коммуникацию постулирует четкие границы между системой и ее внешним миром. Воспроизводство коммуникаций из коммуникаций имеет место в обществе»[137]. Коммуникация – это не передача семантического контента, а конкретно протекающее событие, она

[136]Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. С. 542.

[137] Луман Н. Общество общества. Общество как система. Медиа коммуникации. Эволюция. М., 2011. С. 11.

самодостаточна, способна «корректировать себя», в коммуникации «всегда коммуницируют о коммуникации»[138].

Для нашего исследования важно, что Н. Луман подчеркнул значение коммуникации. Она обладает активным творческим потенциалом и участвует в социокультурном конституировании общественной жизни, так как понятие «коммуникации» содержит гипотезу о рефлексивной самоотнесенности[139]. Следовательно, имеет значение историческая конкретика, необходимость анализа ситуативности коммуникации (война, мир, противостояние, перемирие, диалог, полилог).

По мере развития и проявления интереса к коммуникативной стороне культуры, оформляется дефиниция межкультурной коммуникации.

В контексте проблематики нашего исследования можно применить аксиологический и семиотический подходы анализа МКК. Аксиологическое рассмотрение коммуникации раскрывает ее ценностно-смысловой аспект и позволяет зафиксировать столкновение, взаимопроникновение или информационный обмен между системами ценностей. Согласно семиотическому подходу, коммуникативная функция является важнейшим назначением культуры. Культура как система знаков и символов представляет то, как обычные предметы воплощают культурное и общественное значение, так и их языковое выражение. Такой подход демонстрирует значимость коммуникации в системе символов и знаков, кодов, шифров, которые окружают культуру. Поскольку и аксиологический, и семиотический подходы связаны с информационными сообщениями разного характера, уместно использовать их интегрированный, взаимодополняющий эффект. Консолидация этих подходов позволит сфокусироваться на коммуникационной парадигме культуры в рамках МКК, выйти на связь культуры и коммуникации в ценностно-смысловом аспекте.

Родоначальник термина МКК Э. Холл конкретизировал и прагматизировал ее проблематику. Антрополог отметил, что трудности в межкультурной

---

[138]Луман Н. Общество общества. Общество как система... С.12.
[139]Там же.

коммуникации возникают, когда люди из разных стран не понимают друг друга, каждый склонен винить «этих иностранцев» в их глупости, обмане или агрессии. В своих трудах он впервые начал рассматривать вербальное и невербальное общение как вид деятельности, поддающейся изучению и анализу. Он пришел к выводу, что культуры имеют разный коммуникативный контекст. Ученый утверждал, что коммуникация – это культура, а культура – это коммуникация[140].

Его интерпретация коммуникации аналогична пониманию перманентной «коммуникативной рациональности» Ю. Хабермаса. В то же время Э. Холл считал, что модель МКК, основанная на взаимопонимании, не может быть достижима. Его личные, реальные антропологические примеры межкультурной коммуникации опровергали этот тезис. Главная причина межкультурного непонимания заложена в культурных различиях и «скрытых правилах», которые управляют людьми и формируют позиции превосходства одной культуры над другой[141]. В продолжение контекстуального понимания культуры К. Гирц указал, что в чужой культуре даже знание языка не ведет к пониманию. «Мы не понимаем людей. (И вовсе не потому, что не слышим, что они друг другу говорят). Мы не можем нащупать с ними общую почву»[142]. Его главный тезис основан на том, что культуру необходимо анализировать с помощью интерпретаций культурного контекста. Культура включает многочисленные иерархические сети, которые состоят из значений, слов, концептов и символических форм, они помогают определить Своего.

Соавторы В.А. Белокрылова, С.А. Мякчило, В.Н. Семенова, В.И. Чуешов, К.В. Чуешов отметили, что «контекстность» культуры связана с возможностью ее адекватной интерпретации со стороны. «Имманентный внутрикультурному пространству контекст несет дополнительное и зачастую определяющее

[140]Hall E. The silent language. DBYDoubleda. 1959. P.97.
[141]Hall E. Beyond culture. Garden City, N.Y., 1976. P. 57.
[142]Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004. С.21.

смысловое значение. Это обеспечивает определенную герметичность и создает трудности в межкультурных контактах»[143].

Мы учитывали этот подход, когда анализировали ценностные основания архитектоники русско-французского взаимодействия исследуемого периода.

В наиболее широком понимании МКК – совокупность разнообразных форм отношений и общения между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам, коммуникация между расами, этническими группами, религиями и субкультурами внутри больших культур[144]. Проблематика обобщенной трактовки МКК сохраняется[145]. Она указывает на разнообразие форм коммуникации, но такого понимания недостаточно, необходимо конкретизировать содержание понятия. Современные исследователи отметили как широкую, так и узкую интерпретацию МКК как «процесс взаимодействия между людьми, социальными группами, организациями, конкретными культурами, при котором осуществляется передача и (или) обмен культурной информацией посредством специальных знаковых систем (языков), приемов и средств их использования»[146].

В процессе теоретической разработки этого понятия синонимами межкультурной коммуникации стали «кросс-культурная», «межэтническая коммуникация», «межкультурная интеракция», понятие «интеракция» по смыслу ближе к взаимодействию[147].

Исследователи проблематики МКК продолжают уточнение ее отдельных аспектов. Так, И.В. Наместникова структурировала множество дефиниций коммуникации и выделила три основные группы интерпретации этого концепта с учетом терминологической специфики МКК. «Во-первых, коммуникация

---

[143]Чуешов В.И., Белокрылова В.А, Мякчило С.А., Семенова В.Н., Чуешов К.В. Антропологические и аргументологические основания межкультурного взаимодействия и диалога культур // Антропологические и аргументологические основания межкультурной коммуникации. СПб., 2020. С.42.

[144]Садохин А.П. Межкультурная компетентность... С.59–60.

[145]Крамаренко О.Л. К вопросу об определении понятия «Межкультурная коммуникация» // Человек в информационном пространстве. Ярославль, 2019. С. 423.

[146]Власова И.В., Власова Т.В. Межкультурная коммуникация: основные направления исследования в поликультурном мире // Язык. Культура. Общество. СПб., 2018. С. 57.

[147] Шахаева Е.В. Феномен межкультурной коммуникации: системное описание существующих дефиниций (аналитический обзор) // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2018. № 24. С.60–62.

понимается как средство связи любых объектов…Во-вторых, это общение, в ходе которого субъекты обмениваются информацией. В-третьих, под коммуникацией подразумевают передачу и обмен информацией с целью воздействия на общество и его составные компоненты…»[148].

В свою очередь Ж.А. Верховская в межкультурной коммуникации условно выделила: коммуникативную составляющую МКК, направленную на реализацию правил общения посредством знаков, символов, культурных традиций, характерных для той или иной социокультурной общности, с целью достижения взаимопонимания. Интерактивная составляющая как организация межличностного взаимодействия субъектов – носителей разных культур – с целью взаимоотношения. Перцептивная составляющая позволяет выявить механизм взаимного познания различных социокультурных общностей с целью взаимопознания[149].

Учитывая множество дефиниций МКК в отечественной и зарубежной научной литературе, Э.Р. Латыпова предложила сгруппировать их с учетом направлений развития понятия и разных аспектов МКК (адекватное понимание, функциональное взаимодействие, культурно-прагматические стратегии, взаимопонимание)[150].

Диалог культур и МКК объединяет коммуникативное стремление к достижению взаимопонимания, но в отличие от диалога число участников МКК может быть значительным и постоянно формировать новые коммуникативные пространства и информационные потоки. В таком случае акцент в МКК смещается на получение, накопление и трансформацию полученной информации. Оппоненты в МКК создают смысловые зоны – внешняя коммуникация, внутри этих зон могут пересекаться множественные культурные миры.

Семиотическое понимание МКК оценивает ее в виде системы символов и знаков, языковых выражений, которые создают особое семиотическое

[148] Наместникова И.В. Межкультурная коммуникация как социальный феномен. С.49.
[149]Верховская Ж.А. Межкультурная коммуникация как фактор социокультурных изменений: дис. … канд. культурологии: 24.00.01.М., 2006. С.45.
[150]Латыпова Э.Р. Основы построения межкультурного диалога // Современные парадигмы лингвистических исследований: методы и подходы. Уфа, 2018. С. 62.

пространство,и оно, в свою очередь, формирует основу взаимодействия, способствует фиксации, сохранению, передаче ценностей и принципов.

Мы провели аналогии с геометрическими фигурами при анализе понятий МКК и диалог культур. Так, диалог культур – это прямая линия коммуникации от адресанта (А) к адресату (В), от одного оппонента к другому и в обратном направлении.

МКК – это образ шара, на поверхности которого вступили во внешнюю коммуникацию культуры, внутри сферы проходят множественные, пересекающиеся коммуникативные линии соприкосновения, разъединения, они создают культурное напряжение, порождают ответы на вызовы со стороны внешней коммуникации. В нашем исследовании – это ответы элитарной и народной культуры на внешние вызовы со стороны французской культуры, иными словами, коммуникация – постоянный спутник как духовной, так и материальной культуры.

В своей работе мы опирались, в том числе, на идеи Ю.М. Лотмана о роли и взаимосвязи материальных и духовных ценностей, предметов. Он обратил внимание на символическую сторону материальной культуры, которая, в свою очередь, детерминирует особое коммуникативное пространство. «Вещи навязывают свою манеру поведения, поскольку создают вокруг себя определенный культурный контекст… надо уметь держать в руках топор, лопату, дуэльный пистолет…»[151]. Артефакты наглядно транслируют коммуникативную суть культуры.

Таким образом, можно отметить, что Ю.М. Лотман обращается к идеям о символической стороне коммуникации в культуре посредством мира вещей и предметов. Он особо отмечал символическую сторону культуры, символы как механизмы памяти культуры переносят тексты из одного пласта культуры в другой. Чужой всегда наделяется разными символическими значениями, его рецепция сложная и многообразная.

---

[151]Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. С.15.

Чужой в культуре сопряжен с многочисленными оттенками и коннотациями. Он не может быть однозначно положительным или только отрицательным. Этот принцип был использован в данной работе при анализе Чужого в русско-французской коммуникации.

Фактор культурной (языковой, семиотической) границы является фундаментальным для межкультурной коммуникации, так как ее участники неизбежно определяют себя и собеседника в терминах Свой – Чужой независимо от качественной оценки. Коммуникативный баланс поддерживается дуальным принципом симпатии и антипатии. Таким образом, в конкретном коммуникативном акте наличие семиотической границы является константой для межкультурной коммуникации.

По данной проблематике представляет интерес позиция Б. Вальденфельса. Он предложил два методологических подхода: эйдетическую и трансцендентальную редукции[152]. Эйдетическое понимание в коммуникации предполагает обращение к Другой культуре только в конкретных исторических обстоятельствах. Трансцендентальное понимание – постоянное обращение к опыту Чужой культуры, ее идеализация, наполнение культуры оппонента собственными семантическими конструкциями и интерпретациями. Если смотреть с одной стороны, то трансцендентальная редукция создает некоторую уверенность в том, что Чужая культура стала доступнее, понятнее и ближе, но, однако, со стороны Чужой культуры этого достичь невозможно. Б. Вальденфельс обозначил это термином «парадокс Чужого».

Методологический подход, описанный Б. Вальденфельсом, его «парадокс Чужого» позволили нам выделить внутренние (постоянное, умозрительное, интерсубъективное обращение к опыту культуры оппонента) и внешние детерминанты МКК (взаимодействие и сравнение культур), что в свою очередь помогло эффективному анализу русско-французской МКК в исследуемый период. Мы ориентируемся на данную методологию при исследовании Чужого в

[152]Вальденфельс Б. Своя культура и чужая культура: Парадокс науки о «Чужом». С. 86.

следующей ситуации. Народная культура конструировала образ Чужого и реализовывала обратную связь в случаях необходимости и реального взаимодействия (военные столкновения). Элитарная культура постоянно обращалась к Чужому опыту, часто идеализировала Чужого, трансформировала в виртуального, вымышленного Своего, создавала абстрактного Чужого. Методологические подходы, предложенные Б. Вальденфельсом, помогли проанализировать Чужого в народной и дворянской культуре с позиции респонзетивной (от латинского *responsio*– ответ) рациональности. Каждый субъект культуры давал собственные варианты ответов и трансформировал рецепцию Чужого относительно Своего культурного багажа.

Взаимодействие Своего и Чужого направляет вектор исследования к МКК. В литературе выделяются следующие подходы к МКК: психологический подход – влияние поведенческих реакций, представителей разных культур; этнолингвистический с точки зрения диалога культур и взаимопонимания; этнографический как обмен предметами, достижениями между культурами; культурологический как культурное взаимодействие и обмен, общение разных культур, которое приводит к изменениям не только в материальной культуре, но и в структуре поведения, изменении стереотипов.

Межкультурная коммуникация – это прежде всего процесс, характеристиками которого являются необратимые во времени, свершившиеся как факт, взаимосвязанные, длительные изменения, результатом которых являются нововведения в быту, в языке, в мировоззрении, в ценностях.

МКК возникает при встрече представителей разных культур, каждый из них действует в соответствии со своими культурными нормами. По определению Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, межкультурная коммуникация – адекватное понимание двух участников коммуникативного акта, детерминированного национальными культурами[153]. Однако, по нашим оценкам, оно не учитывает особенности интерпретации субъектами коммуникации вербальных и невербальных сообщений. В реальной жизни «адекватное понимание» в условиях

[153]Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 1990. С.26.

взаимодействия культур – это скорее коммуникативное намерение, идеальная модель МКК, чем повседневная практика.

Развивая такой подход, А.В. Шестопал и М.В. Силантьева подчеркнули ее интенсивность, многоаспектность, противоречивость, выраженную во «взаимодействии культурных форм, представляющих различные, иногда несоизмеримые виды социокультурных организмов»[154].

При анализе МКК необходимо учитывать ее системное понимание, по мысли М.С. Кагана, «…системы, то есть самоорганизованные множества элементов, отличающиеся целостностью, что порождает у них особые – системные – свойства, которые не сводятся к сумме свойств составляющих их элементов; такие системные объекты требуют их изучения именно в их целостном существовании, функционировании и развитии»[155]. Характерными признаками существования системы является наличие: а) элементов, составляющих систему; б) определенного типа взаимодействия элементов; в) устойчивой структуры, объединяющей элементы в единое целое.

Мы выделили на основе декомпозиции МКК ее структурные элементы (Свой, Чужой, граница, пространство, время, культурная дистанция). Элементы системы объединяются в пространственно-временном континууме и начинают взаимодействовать, отрицать, отчуждать или принимать, поверхностно или более глубоко, элементы Чужой системы. Относительно нашего исследования в систему МКК было включено русско-французское культурно-историческое взаимодействие исследуемого периода.

Маркеры Своего и Чужого не являются раз и навсегда установленными, они проявляют территориальную, индивидуальную и историческую неоднородность. Баланс негативных и позитивных коннотаций в восприятии Своего – Чужого меняется в зависимости от исторической эпохи, исторических и интертекстуальных событий[156].

---

[154]Силантьева М.В., Шестопал А.В. Межкультурная коммуникация в свете современных модернизационных процессов // Межкультурная коммуникация: современная теория и практика. М., 2012. С.10–17.
[155]Каган М.С. Цивилизация в культуре и культура в цивилизации // Теоретическая культурология. М. ; Екатеринбург, 205. С.109.
[156]Кашкин Б.В. Парадоксы границы в языке и коммуникации. Воронеж, 2010. С. 81–83.

Исходя из предложенных дефиниций следует, что межкультурная коммуникация – это обмен между двумя или более культурами, а также продуктами их деятельности в различных формах и на различных уровнях на основе прямой и обратной связи. Это коммуникация в разных национальных культурах, между разными эпохами, социальными слоями, возрастными и гендерными группами. Мы познаем чужую культуру «путем культурной интерпретации и адаптации этих культур друг к другу в условиях несовпадения большей части обеих…Сопоставляя… иную и свою культуру, я необходимым образом понимаю ценность и своеобразие собственной культуры»[157].

Завершая данный раздел, отметим, что в рамках культурфилософского исследования МКК рассматривается с позиций диалогизма, теории коммуникативного действия, феноменологической (эйдетической и трансцендентальной) редукции, семиотической концепции и культурвитализма. Представляется, что различные подходы к межкультурной коммуникации взаимосвязаны и дополняют друг друга, акцентируют внимание на разных аспектах сложных систем. Позиция диалогизма актуализирует проблематику взаимопонимания между культурами, приоритет диалога предполагает построение коммуникативных стратегий исходя из понимания ценности оппонента по коммуникации, но в практической плоскости реализовать этот принцип сложнее. Ориентированность на Другого – основа диалогического моделирования, фундаментальные принципы диалогизма –взаимопонимание и адресованность по отношению к Другому. В результате диалога образуется амбивалентный языковой, символический, коммуникативный знак, объединяющий свойства субъектов коммуникации. Методологическая установка диалогизма апеллирует «к согласию» как форме субъектных отношений и «к пониманию» как способу превращения Чужого в «Свое – Чужое» (М.М. Бахтин).

Диалогизм как интерсубъективный процесс равнозначно оценивает каждого участника МКК. Такой подход применялся в отношении исследуемой проблематики трансформации Чужого в русско-французской МКК. Отметим, что

[157]Миронов В.В. Философия и метаморфозы культуры. М., 2004. С.150.

отдельные критерии диалога (субъектное взаимодействие) существовали, но главная цель диалога – взаимопонимание– достигается крайне редко.

Теория коммуникативного действия считает коммуникацию системообразующей структурой, коммуникация понимается как социальный процесс, формирующий общество, преобразующий реальность. Коммуникация – это и способ бытия, в котором индивиды и культуры постоянно коммуницируют, трансформируют, сохраняют, поддерживают и совместно творят социокультурную реальность. Такое теоретическое понимание МКК позволяет проанализировать русско-французскую коммуникацию как непрерывный творческий процесс, итог которого был отражен в устном народном творчестве, эпистолярном жанре, художественной литературе, сформированных этнических стереотипах.

МКК можно проанализировать с позиций феноменологии. Э. Гуссерль добавил категорию «жизненный мир» в процесс понимания Другого. В его феноменологии прослеживается некая градация «Чужести». С одной стороны, это ««Чужесть» внутри «Родного мира», принадлежащая к его внутреннему горизонту,с другой – «Чужесть» вне «Родного мира»[158].

Семиотическая трактовка исследует символическую сторону коммуникации в которой символ «всегда представляет некоторый текст…обладает единым замкнутым в себе значением и отчетливо выраженной границей…»[159]. Анализ рецепции Чужого, созданной русско-французской коммуникацией, проходил с учетом его полисемантичности. Семиотическая интерпретация фиксирует преобразование, воспроизведение, переработку Чужого, смену символического вектора от героя и просветителя до врага и в обратном направлении.

Методология эйдетической и трансцендентальной редукции уточнила, что процесс обращения к Другому коммуникативному опыту является перманентным, повседневным. Опыт межкультурной коммуникации обусловлен как реальным историческим контекстом (война, торговые сделки, дипломатические миссии,

---

[158] Цит. по: Романова А. П., Хлыщева Е. В., Якушенков С. Н., Топчиев М. С. Чужой и культурная безопасность. С. 47.
[159] Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. С. 169.

путешествия и т.д.), так и сконструированным, воссозданным, приспособленным. Второй вариант позволяет непрерывно обращаться к Чужому, идеализировать «Своего Чужого», отчуждаться от Своего и создавать иллюзию понимания Чужого. Эфемерная видимость понимания Чужого представляется некой аберрацией, поскольку не учитывает понимания того, что Чужой, которого считают Своим, напротив уверен в своей непознаваемости, исключительности.

Культурвиталистское осмысление МКК подчеркивает ее жизнестойкость, сохранении жизненных сил Своей культуры в условиях агрессивного наступления Чужого (Отечественная война 1812 г).

Таким образом, мы можем утверждать, что в ходе межкультурной коммуникации трансформируются стереотипы, оценки сторон, уточняется понимание оппонентов в коммуникации, рецептируется Чужой. МКК всегда дает возможность для творчества многовариантного смыслового пространства, «коммуникативной рациональности». Это процесс континуальный и противоречивый. МКК можно определить через взаимодействие Своего –Чужого, которое будет формировать новые смыслы коммуникации. Следовательно, МКК одновременно является процессом трансформации и рецепции Чужого, модификации стереотипов и фактором социокультурных изменений.

Межкультурная коммуникация одновременно обладает конфликтогенным и диалоговым потенциалом. В случае несовпадения ценностей, отсутствия взаимного желания к коммуникации, наличии неблагоприятных факторов (война, латентное/открытое противостояние) конфликтные интенции реализуются в реальный сценарий конфликта культур.

В результате МКК формируется опыт общения, положительной «комплиментарности» (термин Л.Н. Гумилева). В МКК зарождаются новые формы рецепции Чужого (в нашем исследовании – это одновременное существование двух исключающих видов культурной галломании и политической галлофобии). Возможны обновление или возвращение к прежним смыслам после конфликта (ресемантизация), перспективы для решения культурных конфликтов. Исследователи МКК отмечают, что каждая культура нуждается не только в

понятном и собственном культурном опыте, но и в непонятном и Чужом. МКК – это всегда смысловая, сложная, многовариантная, неопределенная до конца структура, которая осуществляется в контексте дуальной оппозиции Свой – Чужой. Вектор МКК направлен в сторону взаимодействия, но варианты этого взаимодействия могут быть различными, наиболее эффективной формой МКК является диалог.

Следовательно, коммуникация занимает важное место среди социокультурных процессов, она выступает конституирующей основой для взаимодействия между культурами, странами, народами, государствами. Коммуникация постоянно продолжается в межкультурно-семантическом пространстве. Культура, общество невозможны без коммуникативных связей, которые выступают как аспекты интеграции и дезинтеграции, в случае несовпадения ценностей оппонентов в коммуникации. Социальные отношения конструируются посредством коммуникации, коммуникативные сообщества формируют разные типы коммуникации от нейтральной до дружеской или враждебной и в обратном направлении в зависимости от культурно-исторического контекста.

Коммуникативная суть культуры может быть выражена в разных формах – это может быть диалог с Другим, как подчеркнул М.Бубер, в коммуникацию могут вступать тексты культуры (Ю.М. Лотман), вещи также коммуницируют с человеком, представляют информацию об оппонентах. Культура создает бесконечное коммуникативное пространство, которое пересекают многочисленные связи общения, взаимодействия разных культур. Семантические коннотации коммуникации формируют новые коммуникативные поля. Различные типы общественных моделей конструируют варианты коммуникации.

Каждое общество представляет перманентный процесс коммуникации: от историй, рассказанных у костра, в первобытном обществе до мировых войн в глобальной цивилизации.

Спектр вопросов коммуникации начинается с проблематики Чужого, которая делает возможным многочисленные коммуникативные варианты.

Коммуникация существовала всегда, восточное/западное, традиционное/инновационное, элитарное/народное общества размещали в центре своих интересов разные проблемы взаимодействия. Это придает особую значимость коммуникации в культуре, во время МКК формируется информационное пространство, которое задает смысловые коннотации, коммуникативную семантику.

МКК могут выстраиваться на принципах диалогизма, реализации трансляции Своего или рецепции Чужого, поверхностно, дискретно, неполно или односторонне, но сохраняя интенции постоянства, демонстрируя взаимосвязь культуры и коммуникации, создавая многочисленные коммуникативные варианты и инверсии. «Коммуникация в этом смысле и есть сама жизнь, и по известному выражению Поля Вацлавика, «человек не может не вступать в коммуникацию»»[160].

Межкультурные коммуникации транслируют, трансформируют, перекодируют информацию, создают новые смыслы, активные и пассивные модели рецепции, перцепции, заимствования, культурной диффузии. Постоянная диффузия находится в основе коммуникативной сущности культуры. Субъекты коммуникации генерируют ценностные характеристики, обращаются к Своему опыту и культурной картине мира. Культурное проникновение повышает конфликтогенный потенциал МКК, это связано с эмоционально-оценочным, субъективным восприятием Чужого, которое чаще задает негативные, чем позитивные коннотации. Особую роль в преодолении конфликтности выполняет диалог культур.

Таким образом, культура создает модели коммуникации и взаимоотношений – от конфликта к консенсусу, основанные на сопоставлении, сравнении, изучении уникальности и рецепции Чужой культуры. Осознание и анализ противоречий в МКК является ключевым коммуникативным моментом

[160] Цит. по: Назарчук А.В. Учение Никласа Лумана о коммуникации. М., 2012. С. 10.

понимания, прежде всего Своего культурного опыта, перманентного обращения к Своему и актуализации семантики Чужого/Другого/Иного.

В глобальном социокультурном обществе коммуникативная суть культуры трансформируется под воздействием новых технологичных факторов, введения новых информационных и коммуникативных технологий, которые преобразуют коммуникативную среду и процессы, создают виртуальные образы Чужого, меняют привычные виды коммуникации и обратной связи.

В МКК доминирующим является коммуникативно-информационный аспект. В процессе коммуникации важно понимать, кто коммуницирует, участвует во взаимодействии, как используют информацию и связи, получают ли обратную связь, кому адресуется информация и в каком направлении организованы коммуникативные связи. Коммуникация в таком контексте становится необходимой предпосылкой функционирования и развития социокультурных систем. МКК обеспечивает связи между культурами, делает возможным накопление и передачу социокультурного опыта, организацию совместной деятельности. Коммуникативно-информационный обмен реализуется с помощью механизма трансляции культурных ценностей, посредством обмена символов, культурных норм. Все вместе взятое воспроизводит коммуникативную суть культуры, которая обладает активным и мощным творческим потенциалом, так как в процессе МКК идет непрерывный информационный обмен, что может стать источником создания, например, новой, ранее неизвестной рецепции Чужого.

Следовательно, изучение процесса межкультурной коммуникации может ориентироваться на исследование коммуникативных связей, возникающих между множеством коммуникативных групп со Своей системой ценностей и символами. Антитеза Свой –Чужой находится у истоков коммуникации, она детерминирует процессы структурирования и дифференциации между культурами.

В МКК важно получить как можно больше информации о Чужой культуре, поскольку это повышает ее способность к решению конфликтов, адаптации, самосохранению. Понятие Чужой является структурным элементом МКК и

детерминируется ценностно окрашенными стереотипами поведения и культурно-историческим контекстом, оно является ключевым в МКК. В этой связи поэтому межкультурную коммуникацию можно рассматривать как процесс, порождаемый взаимодействием, противопоставлением и противоречиями Своего – Чужого.

Завершая осуществляемую в данном параграфе часть исследования, можно еще раз подчеркнуть значимость тезиса о коммуникативной сути культуры в ценностно-смысловом аспекте, взаимосвязанность понятий культура и коммуникация в МКК. В ходе межкультурной коммуникации происходит трансляция информации, устанавливаются обратная связь, межкультурное взаимодействие. В случае положительной оценки рецепции Чужого коммуникация интенсивнее преобразуется в стабильную, взаимообратную, но в любом случае МКК помогает развитию как Своей, так и Чужой культуры.

Отметим отдельные сложные аспекты МКК: прежде всего это проблематика Чужого в контексте отношений со Своим, которая включает культурные барьеры, стереотипизацию, трудности понимания, интерпретацию и семантизацию Чужого. Культура не может существовать вне коммуникации, это постоянный процесс на границе Своего и Чужого.

В качестве культурфилософских оснований исследования межкультурной коммуникации идентифицированы следующие основания: информационное, интериоризационное, семиотическое, культургенетическое, аксиологическое, диалогическое, понимающее. Рассмотрим их подробнее. *Информационное основание:* МКК обеспечивает не просто передачу информации или ее транслирование, но и вычленяет наиболее значимые *ценностно детерминированные кластеры* информации, необходимые для опознавания и Своей собственной культуры, но также и Чужой; *интериоризационное основание:* МКК является способом передачи социального и культурного опыта от одного поколения носителей культуры к другому; *семиотическое основание:* МКК не просто ставит задачу кодировать ценную для поколений информацию или опыт, но и консолидировать носителей культуры для совместного расшифровывания (расповседневнивания, по Вальденфельсу), возникающих в пространстве

культуры кодов, символов, значений; *культургенетическое основание:* МКК служит для «опознавания» не только ей присущих конкретных культурных генотипов, но и генотипов других культур в условиях их диалога или даже полилога; *аксиологическое основание:* МКК маркирует Свою культуру по принципу идентичных смыслов и ценностей, включает Чужую в собственное коммуникативное пространство, учитывает аксиологическое неравенство в ценностно-смысловой парадигме и дальнейшие перспективы коммуникации; *понимающее основание:* МКК акцентирует внимание на смыслы участников коммуникации, задает интенции к анализу, перепроверке и переоценке смыслов Своей и Чужой культуры в конкретных культурно-исторических условиях; *диалогическое основание:* МКК концептуализирована через диалогичность, основанную на взаимопонимании, коммуникативном равенстве субъектов, в условиях ценностно-смыслового разнообразия, обмена ценностями, смыслами, идеями. Эти условия позволяют фиксировать соприкосновения и расхождения смыслов участников диалога.

1.2. Основные направления культурфилософской концептуализации проблематики Чужого в контексте отношений со Своим

Проблематика Чужого охватывает широкий спектр вопросов: разнообразные формы понимания Своего – Чужого, трансформация диспозиции Свой – Чужой, уникальность существования Своей культуры в условиях взаимодействия с Чужой, роль и место границы, факторы детерминации культурной антитезы. В связи с этим важными концептуальными вопросами в исследованиях по межкультурной коммуникации выступают понимание Чужого, его изменения, взаимодействие с опытом другой культуры, определение границы между Своим и Чужим.

Проблема Чужого интенсивно изучается в философском[161], лингвистическом[162], культурологическом[163], этнологическом[164], социологическом[165] дискурсах.

Чужой выражает особенности мировосприятия культуры, является культурной универсалией и остается актуальной проблемой гуманитарного знания. Процесс взаимодействия, общения, обмена между культурами в современном глобальном мире постоянен, интенсивен и требует осмысления вовлеченности отдельных культур в мировое пространство, аксиологической рефлексии. Концептуализация проблематики Чужого указывает на взаимосвязь концептуального и прикладного аспектов. Чужой в коммуникативном пространстве полисемантичен, модель коммуникации с Чужим многовариантна от источника фобий, конфликтов до метаморфоз опыта Своей культуры.

Утвержденная тематика делает необходимым теоретическое осмысление феномена Чужого. Лейтмотив Чужого приобрел широкий резонанс и постулируется так же в антропологическом[166]дискурсе.

Оппозиция Свой – Чужой имеет исторические корни и берет начало в первобытной культуре, носит вневременный характер и определяет все стороны бытия. В Античности Платон упоминает безымянного чужеземца из Элеи, отличного от остального эллинского мира в диалоге «Софист»[167].

---

[161] Марков Б.В. Включенность Чужого // Антропологические и аргументологические основания межкультурной коммуникации. СПб., 2020; Романова А.П., Якушенков С.Н., Лебедев В.И., Топчиев М.С. Феноменология Чужого в контексте культурной (этноконфессиональной) безопасности // Человек. Сообщество. Управление. 2011. №1; Романова А. П., Хлыщева Е. В., Якушенков С. Н., Топчиев М. С. Чужой и культурная безопасность. М., 2013; Холова Л.А. Трансформация образа Чужого в социальной реальности постсоветского пространства: дис. … канд. философ. наук. Астрахань, 2022.

[162]Абкадырова И. Р., Режук З. В Механизмы дистанцирования «чужого» в рамках оппозиции «свой – чужой» (на материале текстов современной испанской и французской литературы) //Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, вып.8; Бондарева А.А. О риторическом потенциале дихотомии «Свой-Чужой» // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2019. Т. 29, вып. 3; Катермина В.В. «Свой» и «Чужой» как отражение русского и английского национального характера // Язык науки и профессиональная коммуникация. 2020. № 1 (2); Тер-Минасова С.Г. Другому как понять тебя? // Когнитивные исследования языка. 2021. №2 (45).

[163] Орищенко С.С. «Свои и Чужие» в предметном поле современной культурологии // Художественная культура и трансформация индустриального менталитета в условиях моногорода. Магнитогорск, 2021. С.116–125.

[164]Лукьященко Е.И. Свой и Чужой. Этноцентризм// Вестник КРСУ. 2018. Т. 18, № 7.

[165] Буллер А. «Свой», «Другой», «Чужой» в фокусе социальных конфликтов // «Свои» и «Другие». Взаимодействие и восприятие культур Запада и России. СПб., 2020. С. 23–41.

[166] Антропологические и аргументологические основания межкультурной коммуникации. СПб., 2020.; Буллер А. Чуждость как феномен // «Свои» / «Другие» / «Чужие»: из истории взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России. СПб., 2021.

[167]Платон. Софист / пер. С.А. Ананьина. Электронный ресурс.

Противопоставление Своего и Чужого, по мнению Ю.С. Степанова, является основным элементом мировоззрения народа и проникает во все стороны жизни[168]. В зависимости от того, какой по объему коллектив рассматривать, можно найти в нем несколько особое, но всегда отчетливое различие Свои – Чужие. Такая культурная всеохватность концепта приводит к тому, что, используя параметр Свое – Чужое, человек все чаще характеризует не только взаимоотношения с себе подобными, но и объясняет различные процессы и явления современной жизни. Свой, по мнению Л. Муллагалиевой, это:

•принадлежащий себе, имеющий отношение к себе;

•собственный, составляющий чье-то личное достояние;

•родной или связанный близкими отношениями, совместной деятельностью;

•близкий, нашенский (прост.);

Чужой в межкультурном общении воспринимается в следующих значениях и смыслах:

•чужой как нездешний, иностранный, находящийся за границами родной культуры;

•чужой как странный, необычный, контрастирующий с обычным и привычным окружением;

•чужой как незнакомый, неизвестный и недоступный для познания;

•чужой как сверхъестественный, всемогущий, перед которым человек бессилен;

•чужой как зловещий, несущий угрозу для жизни[169].

Критерий чуждости, или инаковости различен. Н.Я. Данилевский, например, признаком чуждости считал принадлежность к противоположным культурно-историческим типам. Россия навсегда останется Чужой для европейцев, так как в основе русского культурно-исторического типа – православие, в основе романо-германского – католичество[170]. Европа XIX в. была почти безрелигиозной, русская культура сохраняла религиозность – это вновь

[168]Степанов Ю.С. «Свои» и «Чужие» // Константы: словарь русской культуры. М., 2001. С.126.

[169] Муллагалиева Л. «Свой – чужой» в аспекте межкультурной коммуникации // Государственная служба. 2008. № 3 (53). С. 138–142. Электронный ресурс.

[170] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2016. С. 94–95.

стало непреодолимой границей. Мы отметили мировоззренческие расхождения по границе религиозность/безрелигиозность в нашем исследовании в русско-французской коммуникации во время Отечественной войны 1812 г.

Интеллектуальная традиция Европы определяла Чужое как находящееся за пределами европейской цивилизации. О. Шпенглер предложил увидеть Чужое внутри Своей европейской культуры, а затем и в отношениях между культурами: «Русскому мышлению столь же чужды категории западного мышления, как последнему – категории…греческого…для современного китайца и араба с их совершенно иначе устроенным интеллектом философия от Бэкона до Канта не больше чем курьез»[171].

Европейские мыслители должны понять относительность Своего знания, которое будет границей для восприятия остальных культур. «Непреложные истины» и европейские «вечные достижения» будут значимыми только для европейца. По мнению ученого, культуры абсолютно одинокие, замкнутые сущности, понимание между ними невозможно и, как следствие, граница между культурами непреодолима, так как культуры мыслят разными категориями. Граница проходит на ценностном уровне, и она создает внешние и внутренние культурные барьеры, предрассудки. Таким образом, О. Шпенглер усложнил ракурс видения Чужого. Его идеи перекликаются с проблематикой Н.Я. Данилевского, когда последний рассуждал о взаимоотношениях России и Европы. Оба мыслителя солидарны в пункте невозможности достижения взаимопонимания между культурами. Их принципиальная позиция означала, что подлинный межкультурный диалог ограничен. Главный вопрос книги Данилевского: «Права или нет Европа, что считает нас чем-то для себя чуждым?»[172].

Начала собственной цивилизации не передаются народам другого типа (Н.Я. Данилевский), но воздействие одной цивилизации на другую возможно (пересадка, прививка, удобрение). Главное отличие идей О. Шпенглера

[171] Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993. С.153.
[172]Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С.87.

заключается в абсолютизации принципа непознаваемости, абсолютной чуждости культур, критериями которой являются проблема времени, пространства, другой язык, другие истины. «Феномен других культур говорит на другом языке. Для других людей существуют другие истины»[173]. Его концепция исключает взаимопонимание между культурами, Чужой ни при каких условиях не трансформируется в Своего или Иного. Одиночество культур детерминировано Своим собственным опытом, они существуют рядом друг с другом, подчиняются структурным нормам и не стремятся понять ценностные смыслы Чужой культуры.

Традиции органицизма получили продолжении в методологии культурвитализма. Т.А. Семилет отметила, что в процессе развития культуры «люди вырабатывают, изобретают средства общения, формы социального соединения, разделяются по видам деятельности и социальным функциям. У них возникает "общность": общепринятый язык, правила совместной жизни, общность мировоззрения, общность целей, единство устремлений и прочее…»[174]. Мы полагаем, что общие формы консолидации позволяют Свою «общность» противопоставить Чужой.

Проблема Чужого соотносится с тематикой противостояния культурных миров, выбором аксиологической позиции, системы жизненных ценностей. В масштабном измерении с сохранением Своей уникальности, согласимся с Е.А. Поповым, что «…с точки зрения культурвиталистских представлений… развитие национальной культуры оценивается с позиций жизнеспособности»[175]. Умение противостоять, отвечать Чужому, взаимодействовать с ним могут стать виталистскими характеристиками.

По мнению В.К. Егорова, оппозиция Своего и Чужого обусловлена в первую очередь тем, что она формируется «не только в ее настоящем, но и в прошлом ее субъектов и отношений между ними, с особым местом традиций,

---

[173] Шпенглер О. Закат Европы. С.155.
[174] Семилет Т.А. Особенности методологии культурвитализма // Философия, социология и культурология. С. 220. Электронный ресурс.
[175] Попов Е.А. Виталистский императив в современных представлениях о культуре // Социология. С. 108. Электронный ресурс.

культурно-исторической памяти, мифов и стереотипов, определяющих восприятие людьми, большими и малыми социальными группами всего того, из чего складывается облик «своих» и «чужих». Облик, формирующийся как реальными, так и искусственно сконструированными или навязанными доводами. При этом на сознание, психологию, поведение и «своих», и «чужих» существенное влияние оказывает экстраполяция этого содержательного и эмоционального «груза» на их возможное или сочиняемое будущее положение»[176].

Отметим, что в современном мире границы между Своим и Чужим в чем-то кажутся более размытыми. Общее представление о иной культурной традиции стороны, конечно, имеют, но это не делает Чужого более близким и понятным. Чужой включается, вовлекается в культурное и смысловое пространство, порождая новые связи, отношения, взаимодействия, что расширяет привычные взгляды как на Свое, так и на Чужое. Вследствие этого происходит трансформация как Своей культуры, так и Чужой, ранее бывшей чуждой.

Проблематику и противоречивость понятийно-семантической категоризации Чужого подчеркивает Г. Малетцке. Он выделяет следующие характеристики:

- чужой как внешний, иностранный (заграничный), то есть буквально находящийся по другую сторону территориально определенной линии. Данное пространственно-обусловленное отграничение чужого подчёркивает его доступность и недоступность, акцентирует значение Своего, родного, дающего ощущение теплоты, уверенности, защищённости;
- чужое как своеобразное, необычное, странное, находящееся в контрастирующем состоянии к собственному, привычному, нормальному;
- чужое как пока незнакомое, но доступное посредством ознакомления, освоения;
- чужое как непознаваемое, принципиально исключающее возможность знакомства;

[176] Егоров В.К. Ещё раз об оппозиции «свой – чужой» // Коммуникология. 2020. Т. 8, №1. С. 149.

- чужое как тревожное, опасное в оппозиции к доверительно родному;
- возможность превращения родного в незнакомое, инородное.

Кроме этого, Г. Малецке подчеркивает, что в межкультурной коммуникации важно присутствие взаимной «чужеродности» партнеров, которые осознают принадлежность к разным культурам и делают возможным межкультурное взаимопонимание[177].

Все подходы указывают на то, что в большинстве случаев Чужой противопоставляется Своему, родному, Чужой необходим в МКК как ее структурный элемент[178].

Формирование оппозиции Свой – Чужой во время военных конфликтов (войн, специальных военных операций) проходит и через официальный дискурс (пропагандистские материалы, пресса и другие СМИ, произведения искусства, литературы, культуры и т.д.), и через бытовой дискурс («из окопа», в эвакуации, в оккупации и пр.).

Основными целями официальной политики во время войны является, во-первых, создать в массовом сознании чувство ненависти к противнику –Чужому, во-вторых, поднять морально-психологический дух Своих граждан. В описании противника с помощью «архетипов» (по К. Юнгу – психических структур коллективного бессознательного) создается собирательный Чужой, наделенный огромным числом человеческих слабостей: глупостью, коварством, мародерством, пьянством. В то же время при описании Своих говорится о смекалке, мужестве и героизме. Таким образом, двойные стандарты в оценке Своих и Чужих действий неизбежно формируют деформированную картину мира, в которой «врагу» приписываются еще более злостные намерения.

Также бинарное противостояние на уровне Свой –Чужой проявляется через призму «мы –цивилизованные», а «они –варвары». В конце XVIII –начале XIX в.

---

[177]Цит. по: Куликова Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультур. Красноярск, 2004. С. 24, 41.

[178] Говорунов А.В. Свой, Чужой и Другой // Образ Чужого в катаклизмах русской истории. СПб., 2018. С. 10–15; Евгеньева Т.В. Образы «Своих» и «Чужих» в контексте российской истории // Политика развития государства и мировой порядок. М., 2019. С. 181–182; Лукин Д.С. Предпосылки формирования образов Своего и Чужого // Образ Чужого в катаклизмах русской истории. СПб., 2018. С.17–18; Черникова А.Е. Восприятие образов «Свой-Чужой» и «Другой» в отечественной имагологии // Запад и Восток: история и перспективы развития. Нижний Новгород, 2019. С.605–608.

вопрос самоопределения для европейцев был решен однозначно: европейская культура была признана наиболее развитой и совершенной, основанной на германо-римской традиции, следовательно, ей отводилась роль «наставника» для «отсталых народов», к которым принадлежали все неевропейские государства. Данное видение ситуации впоследствии привело к наполеоновской войне 1812 г. как акции «просвещения» российского народа, к культурному высокомерию французов, которые приезжали в Россию с просветительскими намерениями «привить вкус московитам»[179].

Концептуальное понимание Чужого функционально связано с осознанием границы. Наличие границы является системным свойством культуры, которое предполагает последовательное разграничение Своего и Чужого как механизма утверждения собственной культурной исключительности.

В этнокультурной концепции разделения цивилизаций С. Хантингтон указал, что их границы проходят по ареалам распространения языков, соответствующих образов жизни. Виды культурной идентификации определяют «модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта». Западная культурная парадигма исходит из того, что именно Запад является единственно верной и «универсальной» цивилизацией. Все иные цивилизации остаются за ее границами, следовательно, навсегда сохраняют статус Чужого. Такие «универсалистские» претензии Запада приводят к конфликтам[180].

Конфликтность Запада нашла отражение в формуле «West versus Rest» («Запад против всех»), это противостояние имеет исторические корни. Г.Г. Пиков отметил, что речь идет не только о современном Западе, но и о Западе христианском. Во многих культурах существовала дихотомия в форме противостояния сакрального и секулярного, веры и неверия, но только в Европе конфликтность стала основополагающей характеристикой во взаимоотношении с Чужим. В связи с таким ракурсом видения Запада, он предложил триаду Свой –

[179] Цит. по: Загрязкина Т.Ю. Следы Франции в России. Электронный ресурс.
[180]Хантингтон С. Борьба между цивилизациями // Тойнби А., Хантингтон С. Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. М., 2016. С. 193.

Чужой – Иной, где Иной – это не варвар, «не просто Чужой», а «люди с новой ментальностью»[181].

Иное – непостижимое, непонятное, неузнаваемое. Граница Своего и Чужого в Средневековье: христианское учение, которое маркировало арабов как Чужих (упоминание о них есть в Священном Писании), а индейцев как Иных, совсем непонятных (о них нет упоминания в Писании), как следствие, жестокое и обоснованное со Своей культурной позиции и логики отношение к Иному.

Дифференцированное понимание Своего –Чужого конструирует различное отношение к миру – активность или подчинение, прямолинейное или дипломатичное расположение к Чужому, попытка вписаться или противостоять существующему устройству Чужого. Отметим, что всегда важно учитывать конкретные культурно-исторические условия, реальное многообразие культурных миров, пересечение семиотических пространств множественности современных и прошлых культур.

По мысли Н. Фергюсона, для Запада характерна идея открытости культуры, которая на деле парадоксальным образом сочетается с типичным западным евро- или западоцентризмом и даже культурным расизмом. «Запад и остальные», – характерный подзаголовок многих солидных публикаций. Возвышение западной цивилизации – анти-«ориентализм», западные стандарты, уклад, институты превращаются в границу между Своей и Чужой цивилизациями[182].

Культура организует себя в форме определенного «пространства-времени», вне которых она существовать не может. Эта организация, по мнению Ю.М. Лотмана, реализуется одновременно как семиосфера и с помощью семиосферы. В своей семиотической концепции он отметил, что всякая культура начинается с бинарного разграничения мира на внутреннее (Свое) пространство и внешнее (Их). Граница позволяет отделить Наше, Свое, «культурное», «безопасное», «гармонически организованное» пространство от Их, Чужого, «враждебного»,

---

[181]Пиков Г.Г. Европейцы XIII века о Монгольской империи и Чингисхане // Terrahumana. Общество. С.75. Электронный ресурс.
[182]Фергюсон Н. Цивилизация: чем Запад отличается от остального мира. М., 2014. С. 29.

«хаотического»[183]. Элементы Чужого пространства зачастую оцениваются негативно исключительно потому, что они неизведаны, непонятны, отличаются от Своего, «родного», следовательно, представляют угрозу. Он также отметил полифункциональность границы, она одновременно принадлежит обеим пограничным культурам, обеим семиосферам. Коммуникация в культуре возникает в ситуации пересечения семиотической границы, в области соприкосновения, взаимоналожения и взаимопересечения различных языков/семиосфер. Пересеченность пространства многочисленными границами создает инвариантную ситуацию многократных переводов, трансформаций. «Функция любой границы…сводится к ограничению проникновения, фильтрации и адаптирующей переработке внешнего во внутреннее…отделение своего от чужого, фильтрацию внешнего…и перевод на свой язык. Таким образом, происходит структуризация внешнего пространства»[184]. Граница – необходимое условие существования любого культурного пространства, никакое Мы не может существовать, если отсутствуют Они.

Развивая мысль Ю.М. Лотмана, стоит, как нам представляется, обратить внимание и на иной аспект понятия границы. Она не только отграничивает, отделяет, но и в какой-то степени связывает, сопрягает различные культуры. Демаркация границы Чужого проходит через осмысление Своего и в обратном направлении. Характер элементов границы – нормы, смыслы, ценности, стереотипы, которыми она руководствуется, и определяют, с чем она соприкасается, что она пропускает, разрешает изучать и познавать. Следовательно, сам характер барьера диктует специфику компонентов культурного обмена и взаимодействия. Роль границы амбивалентна, она диалектически интегрирует отграничение, отделение, контакт, связь.

С.Г. Тер-Минасова обратила внимание на специфику культурного барьера, который проявляется при столкновении с Чужой культурой: «Подозрительный

---

[183] Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. С.200.
[184] Там же. С. 216.

чужак», опасный, неприемлемый, от него надо держаться подальше»[185]. Культурный барьер создает дистанцию, подчеркивает степень опасности Чужого, возникает при нарушении культурных норм, что может провоцировать межкультурные конфликты. Стоит обратить внимание на то, что нарушение норм Чужой культуры может происходить неосознанно, в этом заключается потенциальная угроза культурного барьера, имплицитная причина конфликта культур. Культурные барьеры затрудняют интерпретацию Чужого, делают его непознаваемым до конца, часто они неявные, в отличие от языковых, в этом заключается их скрытая угроза. Культурные барьеры МКК свидетельствуют о ее конфликтном потенциале, при столкновении с Чужим возможна болезненная переоценка Своего, оппоненты коммуникации дифференцировано реагируют на Чужие особенности культуры, и как следствие, перцепция Чужого приобретает множественные варианты от легкого несогласия и пассивного неприятия до активного противодействия, противопоставления и агрессивного утверждения Своего.

Культурные барьеры выполняют важную информационно-семантическую нагрузку, так как препятствия в отношении к Чужому помогают его изучению, приобретению культурного опыта, допускают сходства оппонентов по коммуникации, ошибочно интерпретируют невербальный опыт, формируют стремление давать оценки Чужому, создают культурное напряжение по причине неопределенности МКК.

По мнению А.П. Садохина, одним из главных барьеров являются этнокультурные стереотипы и предрассудки, которым свойственны ригидность мышления, конформизм в перцепции инокультурных ценностей, этноцентризм в восприятии представителей других народов. Под их влиянием происходит односторонняя рецепция иных социокультурных общностей, поскольку носитель стереотипов обращает внимание прежде всего на те явления и качества, которые

[185] Тер-Минасова С.Г. Глобальная деревня, или Вавилонская башня: языковая и межкультурная коммуникация // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2004. №1.

он хочет видеть в своем партнере, что усложняет процесс познания и восприятия Чужого[186].

По мнению Л.Н. Гумилева, граница, которая определяет Чужого – этнический стереотип поведения. Только стандарт поведения, принятый в этносе, создает отличимость Своего от Чужого. Неповторимый стереотип поведения является одновременно и механизмом, и критерием, и границей для противопоставления Чужому. Структура этнического стереотипа поведения – строго определенная норма отношений: а) между коллективом и индивидом; в) индивидов между собой; с) внутриэтнических групп между собой; d) между этносом и внутриэтническими группами. Единство, по мнению исследователя, создается благодаря ощущению этнической принадлежности, которая воспринимается непосредственно. Эти нормы рассматриваются как единственно верный способ существования этноса, то, что его объединяет изнутри и дает возможность противопоставить себя остальным этническим группам, создает границу, переход за которую маркирует тебя как Чужого. Проблематика Чужого в концепции этногенеза Л.Н. Гумилева актуализируется с помощью анализа этнических стереотипов, которые взяты за основу диспозиции Свои –Чужие, этнические стереотипы маркируют Чужого по его действиям, Чужие – те, кто ведет себе по-другому: «Мы такие-то, все прочие другие»[187]. Демаркация проводится как между культурами, так и внутри единой культуры. Стереотипы занимают ключевое место в восприятии Чужого.

Следует отметить, что впервые понятие «стереотип» было введено в научные круги в 1922 г. У. Липпманом, который считал, что «предвзятые мнения» управляют всеми процессами восприятия. Усвоение стереотипов, то есть формирование Своей «картины мира», происходит через ближайшее окружение (родители, родственники, друзья) и общности (этнические, религиозные, социальные); через фольклор – в народе бытует много анекдотов о характерных особенностях различных этносов, в которых высмеиваются отрицательные

[186] Садохин А.Н. Межкультурная компетентность. С. 209–210.
[187] Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб., 2001. С.103.

стороны других наций, а Свои воспринимаются как единственно правильные; через литературные источники и средства массовой информации.

Процесс стереотипизации имеет как положительную, так и отрицательную стороны. Как отметил А.П. Садохин, стереотипы эффективны только тогда, когда используются как первая догадка о человеке или ситуации, а не рассматриваются как единственно верная информация. Следует учитывать, что стереотип, как правило, аксиологически и эмоционально маркирован. «Чужая» социальная группа часто оценивается как нижестоящая, опасность стереотипов в том, что они уже содержат готовую оценку, которая не всегда реинтерпретируется и часто воспринимается как объективное знание.

В свою очередь О.К. Румянцев определяет понятие Другой/Чужой через границу собственного мира. В традиционных культурах, замкнутых на себе, лишь Свое – норма и ценность, все, что выходит заграницу собственного мира, – Чужое. По отношению к Чужаку уместны и насмешка, и вражда. Философ рассмотрел Чужое в историческом ракурсе. В Античности греки считали культурными только себя, называя остальных варварами, для средневековой Европы единство, принадлежность к Своему определялась через веру. Внутри христианского мира представитель иной культуры (католик, православный, протестант) воспринимался как Другой, но язычник как Чужой, который мог стать Своим. Чужие –Свои – не антитеза, а вариант взаимодействия и освоение Чужого опыта и трансформация в Свой собственный. В Просвещение и Новое время ценностная доминанта меняется, определяющим маркером единства людей становится разум. Отношение к каждому выстраивается через границу разума. «В трансцендентальном Другом потеряна радикальная инаковость Другого, поэтому постклассическая культура вынуждена оглядываться на архаического, ″первородного″ Чужого. Отношения с Другим как иным является теперь не познавательным отношением, а складывается в виде взаимодействия одного бытия и другого бытия»[188]. Философ ставит вопрос о существовании понятия

[188] Румянцев О.К. Манеры целеполагания как проекты времени культуры // Теоретическая культурология. М. ; Екатеринбург, 2005. С.50.

«чистая граница»: «Или для европейской границы она одна, а для другой традиции – другая? Это уже граница культуры с другой культурой, причем понятой как ино-культура, не-культура»[189]. Чужого можно либо поглотить, либо ассимилировать, при этом качественно не меняясь, но меняясь количественно. Это позволяет быть открытым по отношению к Чужому, значит, уже потенциальному Другому. Ради превращения Чужого в Другое придется меняться самому, став чуждым себе. Возможен и второй путь, когда разные суверенные способы бытия взаимодействуют друг с другом, являясь целью друг для друга. Постклассическая традиция нивелирует опыт Чужого, Другой – не Чужой и постулирует терпимое отношение и понимание Чужого. В вопросах самоидентичности роль Другого возрастает, Другой должен быть не данностью, а заданностью.

Идентификация Чужого предполагает определение факторов границы. Факторы разделения предложила В.Г. Фельде. В качестве границы в оппозиции Свой – Чужой она выделила следующие: биологический, этнокультурный, религиозная принадлежность, социальная стратификация, мировоззренческий, территориальный, гражданство, принадлежность к субкультурам, языковой, фактор имени, наличие/отсутствие связи, фактор культурного превосходства, фактор оценки, политический, гендерный факторы[190]. Относительно нашего исследования особый интерес представляют факторы наличия/отсутствия связи, фактор культурного превосходства, фактор оценки. Именно они интенсивнее остальных трансформируют Чужого в межкультурном пространстве. В.Г. Фельде указала, что факторы могут приобретать положительную, отрицательную или синтезированную оценку в зависимости от типа оппозиции Свой – Чужой (мифологический, религиозный).

Следует отметить, что системный подход рассматривает культуры как естественно исторически сложившиеся культурные общности, имеющие свои границы, это предполагает неизбежное разделение по шкале Свои, Иные, Другие,

---

[189] Румянцев О.К. Грани Эроса // В перспективе культурологии: повседневность, язык, общество. М., 2005. С.393.
[190] Фельде В.Г. Оппозиция «Свой-Чужой» в культуре. С.118–125.

Чужие, Чуждые и враждебные. В таком случае граница выполняет жизнеобеспечивающие функции – связь с миром. Данный подход указывает на связи между элементами системы Свой, Чужой, Граница, их взаимовлияние, взаимодополняемость, отчасти комплиментарность, обратную связь между ними, ответы на вызовы со стороны внешней среды, как в живом организме. Системная парадигма предполагает избирательность и осторожное отношение к Чужому. Мы придерживались системной модели понимания границы в исследовании русско-французской коммуникации.

Концептуализация границы помогает определить ее типы, их выделила М.В. Силантьева. Первый – граница – запрет связана с принципами строгости и очевидности, она абсолютна, онтологична, незыблема. Такую границу описывают как встречу «тождественного и Иного, в качестве Иного выступает сама граница». Второй– граница «разрешительная», основанная на принципе относительности. Там, где есть межкультурная коммуникация, «…предполагается совмещение «абсолютного» и «относительного»… Само установление собственных границ раскрывается и уточняется в культуре в большей степени через диалог с иной, отличной от нее культурой, – чем через системную самопрезентацию и самоповтор»[191].

Иные подходы, позволяющие выделить модели восприятия Чужого, предложила В.Г. Лысенко:

1) этологическая модель – страх, боязнь всего Чужого;

2) мифологическая, фантастическая – модель Чужого как аномалии по отношению к нам – носителям нормы;

3) модель антиподов: они (носители чужого) – наша противоположность, то, кем нам не следует быть;

4) модель первоначального состояния – чужие культуры – это наше детство, первобытное состояние – это «мы» на раннем этапе, на более низкой стадии развития;

[191] Силантьева М.В. Проблема «культурных границ» в современном мире: ценностный аспект // Вестник МГИМО Университета. 2014. 2 (35).

5) пассеистская модель (от франц. Passé – прошлое) – идеализация прошлого (теории золотого века, рая), разновидность модели первоначального состояния в отношении к неевропейским культурам;

6) гетеротопическая модель – чужие есть другой топос, другой мир. Наше отношение к этому чужому миру – осторожное любопытство. Мы даже можем допустить, что у «них» есть нечто ценное, чего нет у нас. Мы можем у них чему-нибудь научиться;

7) универсалистская гуманистическая – чужие и мы одного рода – рода человеческого, но принадлежим разным «видам»;

8) ксенофобская модель усиливает невозможность и страх восприятия Чужого. Мифологическая модель помогает самоутвердиться в своей нормальности, модель антиподов – в своей правильности, моральном и религиозном превосходстве. Начиная с гетеротопической модели может возникнуть понимание того, что через Чужое маркируется не только собственное превосходство, но и собственные слабости и недостатки[192].

Предложенные модели восприятия содействовали анализу русско-французской коммуникации изучаемого периода, в которой Чужой может варьироваться от мифологического, идеализированного до ксенофобского или гуманистического. Следовательно, помогают исследователю выбрать стратегию взаимодействия с Чужим, варианты эффективной МКК, чтобы попытаться избежать культурных конфликтов. В любой культуре в том или ином виде присутствует Чужой, эти модели перцепции демонстрируют его многовариантность и противоречивость.

В отношении Чужого при некоторых обстоятельствах на первый план выходит его восприятие как врага. Образ врага создает предпосылки для формирования нетерпимого, интолерантного поведения в отношении Чужого, такую модель можно проследить и во время военных событий 1812 г.

[192] Лысенко В. Г. Познание чужого как способ самопознания (попытка ксенологии) // Вопросы философии. 2009. №11. С.63–67.

Дефиниции толерантности разнообразны: это терпимость к чужим взглядам, убеждениям, поведению, умение терпеливо переносить (терпеть) чье-то воздействие (моральное, идеологическое или психологическое). В других аспектах понимания толерантность проявляется как максимум уважения личности к общечеловеческим ценностям. Иногда толерантность полностью отождествляется с терпимостью, которая представляет лояльное отношение к инакомыслию, предрассудкам, многообразию истины[193]. Терпимость – это качество, отражающее один из аспектов толерантности, по своему содержанию толерантность становится целевым устремлением, направленным против любой ксенофобии.

В нашем исследовании мы отметили индифферентность народной культуры к Чужому до начала Отечественной войны 1812 г., но война на незначительное время определила частично ксенофобские настроения в народе. Это в свою очередь стало защитными механизмами при взаимодействии с Чужим.

Исследователи МКК И.А. Стернин, К.М. Шилихина выделили следующие типы толерантности: бытовая, религиозная, этническая, культурная, поведенческая, коммуникативная и др.[194]

В отношении нашей проблематики исследования отметим, что в русской культуре начала XIX в. разные типы толерантного поведения пересекаются и создают семиотическое пространство. Религиозная толерантность распространена в дворянской среде, католицизм – привычное явление среди элиты. Необходимо отметить, что традиционная русская культура терпима, но не толерантна Чужому. В то же время в народной культуре религиозная толерантность– это терпимое отношение к человеку иной веры, но нетерпимое отношение к чужим религиозным идеям, так как переход за границу невозможен, не православный – всегда Чужой.

Исторические примеры привел Л.Н. Гумилев. В XV в. Иван III шел на Новгород «не яко на христиан, но яко на язычник». Московиты перестали

---

[193]Арцебашев И.Г. Этимологические виды толерантности и терпимости: альтернативность ценностного содержания. Электронный ресурс.

[194] Стернин И.А., Шилихина К.М. Виды толерантности // Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж, 2001. С. 9–12.

воспринимать новгородцев как единый этнос, поскольку новгородцы приняли союз с католиками и перестали быть Своими. В то время «индикатором этнической симпатии являлось вероисповедание»[195].

В своей диссертации Е.А. Попов отразил мнение, что «сами основы духовности, их коды сопряжены с "большим историческим временем", в котором рождается незавершимый диалог культур, ценностей, концепций личности и социума, а значит, они подвержены его влиянию и законам...Духовность порождает множеств иллюзий и аберраций, связанных с движением мира и интериоризацией человеческого самосознания. Это создает зоны напряженности, в которых человек, социум и культура часто оказываются в различных смысловых горизонтах, не апеллируя к интересам друг друга»[196].

Смысловое отношение к Чужому меняется в зависимости от политической ситуации, исторического контекста, культурно-исторических условий. Чужой, может проявляться как «иной», «другой», «потусторонний», «чужеземец», «враг», «монстр» и т.п.

Таким образом, в мировоззренческом понимании к Чужому можно выделить три конструкта: толерантность, интолерантность, ксенофобия, которые взаимообращаемы, могут сменять друг друга в зависимости от логики, системы ценностей, культурно-исторического этапа развития.

В спорах западников и славянофилов XIX в. интерпретация Чужого опыта стала границей внутри элитарной культуры. Как отметила М.А. Широкова, «пути общественного развития славянофилы рассматривали в свете антитезы «Россия – Запад», которая является основой их концепции российской идентичности»[197].

Для одних Чужим будет включение России в круг цивилизованных европейских государств, для других Чужое – признать устаревшую самобытность России. Чтобы сравнивать себя с Европой, надо «в каком-то смысле уже быть

[195] Гумилев Л.Н. От Руси до России. СПб., 2002. С.198.

[196] Попов Е.А. Особенности витального комплекса русской культуры XX – начала XXI вв.: дис. ...д-ра философ. наук: 09.00.13. Барнаул, 2006. С. 270.

[197] Широкова М.А. Роль исторической памяти в формировании российской культурной идентичности (на примере концепции славянофилов) // Политическое пространство и социальное время: власть символов и память поколений. Симферополь, 2022. С. 363.

Европой…ощущать свою близость с ней», то есть это возможно, когда Европу не оцениваешь как Чужое[198].

Западный рационализм рассматривает Чужое только в отсылке к Своему как исключительному и лучшему, поэтому Чужое не только противостоит Своему, но и оценивается как не до конца сформированное, дефективное, ущербное, как то, что требует корректировок с позиций Своих верных ценностей. Поэтому Чужое никогда не станет Своим, оно может быть ассимилировано, в противном случае Чужое оценивается как враждебное. Центрирование на Своем формирует идеологию европоцентризма, западноцентризма. В этом случае статусом уникальности в оппозиции Свой – Чужой наделяется только Свое. Подобное отношение к Чужому было характерно и для французов во время Отечественной войны 1812 г.

Феноменологический опыт исходит из попытки проанализировать Чужого как Чужого. В этом случае Чужое понимается как состоящее в неразрывной связи со Своим, но в то же время находящееся в непреодолимой недоступности.

Феноменологический метод уточняет, что возможно описать Чужого, не опираясь на Свое, хотя и в отношении к Своему. Такой метод использовал Б. Вальденфельс, он проанализировал проблематику Чужого в следующем контексте. Возможно ли, что Чужое станет Своим, может ли степень Чужого уменьшиться до исчезновения Чужого? Доступность Чужого опыта, текста или культуры всегда относительная, неполная. Ограничения не сдерживают стремления понимать Чужой опыт, но тогда Чужое становится понятным, наглядным, и его Чужесть нивелируется относительно Своего, поэтому истинного понимания и сближения с Чужим достичь не представляется возможным[199], поскольку в большинстве случаев присвоение Чужого осуществляется с позиций этноцентризма. В продолжение его размышлений укажем, что трансформацию Чужого в Свое ограничивают носители культуры, культурные барьеры. Если

---

[198] Межуев В.М. Философская идея культуры. Российская цивилизация // Теоретическая культурология. М., Екатеринбург, 2005. С.197.
[199] Вальденфельс Б. Своя культура и Чужая культура. Парадокс науки о Чужом // Логос. 1994. № 6. С.83–84.

Чужой – враг, тогда интерпретация Чужого опыта конструирует настроения ксенофобии и конфликта, интолерантного поведения.

В феноменологии Б. Вальденфельса Чужой представляется как звено в пространстве «между». «Между» – это «непросто нового рода феномен, но и нового рода организация или, как сказал бы Э. Гуссерль, нового рода логос феномена»[200]. Пространство «между» есть пространство диалога и пространство порядка[201]. Феноменологически это две концепции порядка. Одна, восходящая к Античности, универсалистская, в которой собственное «Я» расширяется до пределов Чужого, другая же, принадлежащая Новому времени, исходит из ограниченности личности нормами закона и морали. Феноменология пронизана этой двойственностью. В таком контексте коммуникация – это присоединение к единому целому (от латинского *communico* – делаю общим, связываюсь), при одновременном сохранении с «между», которое разделяет Я и Другого. В феноменологии Э. Гуссерля и Б. Вальденфельса отмечено, что понятие Чужого в любом случае складывается из элементов Своего, то есть это проекция себя вовне[202].

В свете проблематики Чужого, отношения к Своему, к границе, конструирования моделей Свой – Чужой представляют интерес концептуальные подходы российских, французских ученых, представленные в коллективном сборнике «Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья»[203]. Их объединяет феноменологическое понимание: Свое – доступное, находящееся во владении; Чужое – недоступное, не находящееся во владении. Феноменологический принцип Чужого, основанный на «проверяемой доступности непосредственно недоступного», позволил исследователям выделить два механизма освоения Чужого:

[200]Вальденфельс Б. Своя культура и Чужая культура… С. 81.
[201]Там же. С. 82.
[202]Романова А.П., Якушенков С.Н., Лебедева В.И., Топчиев М.С. Чужой и культурная безопасность… С. 47.
[203]Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. М., 1999.

1. Присвоение – «Чужое обращалось в Свое посредством направленного и глубоко осознанного акта имянаречения» (Ш.М. Шукуров)[204]. Присвоение радикальным образом меняет аксиологический статус Чужого и Своего, трансформирует паттерны чуждости ради манифестации масштабных границ Своего. Результатом присвоения становится обновленный образ Своего и семантически преображенный Чужой. Присвоение не приводит к исчезновению Чужого, Чужое продолжает сохраняться и присутствовать в Своем.

Излишняя открытость, постепенное освоение констант Чужой культуры приводят к ослаблению культурного иммунитета. Присвоение Чужого может привести к негативным системным последствиям, нарушающим целостность культуры, отчуждению от Своего[205]. В нашем исследовании мы отметили, что тотальное увлечение русской элиты французской культурой привело к отчуждению от Своей культуры.

2. Перевод – ситуация перевода непонятного Чужого в эпическую традицию (П.В. Шувалов). Чужие явления или не замечают, или уподобляют привычному, однаконе все Чужое является переводимым в процессе межкультурной коммуникации. «Явления чуждые уподобляются …родному, встраиваясь таким образом в традиционные структуры воспринимающей стороны, ″иное″ как бы приручается, ассимилируется, что снимает болезненный для воспринимающего субъекта конфликт между ″своим″ и ″иным″»[206].

Итак, в понимании Чужого можно выделить два принципиальных подхода:

1) когнитивное понимание Чужого (Б. Вальденфельс) утверждает, что Чужой опыт можно познать, сделать Своим, скорректировать, нивелировать Чужого с позиции Своей культуры. Полное исчезновения чуждости невозможно с позиций Чужого, поэтому понимание и восприятие Чужого всегда ограничено, частично, это всегда Своя интерпретация Чужого.

---

[204] Шукуров Ш.М. Александр Македонский: метаистория образа // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. М., 1999. С. 43.

[205]Шукуров Р.М. Имя и власть на Византийском Понте (чужое, принятое за свое) // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. М., 1999. С. 230.

[206]Шувалов В.П. Немощь Аттилы (властитель глазами германцев) // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. М., 1999. С. 275– 276.

2) агностическое понимание отрицает возможность познания Чужого опыта, это всегда собственная интерпретация, Своя экспликация, Чужое не поддается постижению, Чужой по своей сути имплицитен. К исчезновению Чужого не приводят присвоение, освоение, перевод, интерпретация Чужого опыта.

В целях исследования дихотомии Свой – Чужой в преломлении к теме диссертации мы посчитали оправданным применение историко-генетического подхода при реконструкции русско-французского межкультурного взаимодействия в конкретных политических и социальных условиях, культурно-исторического метода для интерпретации художественных (литературных) произведений, что позволило обратить внимание на характерные черты исследуемой исторической эпохи; структурно-функционального подхода для исследования отдельных элементов культуры, ряда общетеоретических методов, философского анализа с его помощью выделили общие типологические черты Чужого и подходы к его пониманию. Указанное позволило сделать вывод о том, что Чужое детерминировано культурно-историческим контекстом, поэтому имеет многочисленные оттенки.

С одной стороны, Чужой противопоставляется Своему, выполняет функцию границы и обусловливает необходимость «перевода» чужих реалий (Ю.М. Лотман), с другой стороны, именно Чужой помогает оценить исключительность Своей культуры и увидеть Свою культуру в разных вариантах, найти новые смыслы Своей культуры. Оттенки и варианты Чужого настолько разнообразны, что не всегда оформляются в единую схему Мы – Они – Свое –Чужое.

В нашем исследовании представлены основные коммуникативные парадигмы диспозиции Свой – Чужой и эксплицирован образ Чужого в культурной коммуникации. Один из вариантов – это жесткое противопоставление антитезы Свое – Чужое. Маркером Чужого может выступать вероисповедание, стереотипы, системы ценностей, традиции[207], пищевые привычки[208]. Это

[207] Гумилев Л.Н. От Руси к России. СПб., 2002.

[208]Павловская А.В. «Гастрономические войны» в свете проблем межкультурной коммуникации // Коммуникативные коды в межкультурном пространстве как средство формирования общегуманитарных компетенций человека нового поколения. М., 2022.

противопоставление различно воспринимается в мифологическом, религиозном, религиозно-тоталитарном и философском культурно-мировоззренческом типе[209].

Как было отмечено ранее, историческая ситуация, социокультурный контекст оказывают влияние на интерпретацию смыслов Чужого. Внешняя граница выступает как защитный механизм, как маркер, который отграничивает, разделяет Своих и Чужих. Граница может разделять культуру изнутри, создавая различные интерпретации внутреннего пространства Своей культуры и также отграничивать от внешнего, от Чужой культуры.

Различные аспекты образа Чужого фиксируют невозможность создания его непротиворечивой концептуальной модели. Анализ категории Чужой показал его структурирующую и консолидирующую роль. В результате межкультурной коммуникации и семантического обмена могут появиться такие формы восприятия Чужого: 1) Свое – Чужое – Наше («наши французы»); 2) Свое – Чужое – Другое (отличное от Своего и Чужого); 3) Свое –Иное (непонятое, которое противостоит и Своему и Чужому) –Чужое; 4) Другой/Чужой –Свой.

Попытки интерпретировать Чужое в контексте Своего смысла разрушают Чужое как Чужое, абсолютно Чужое невозможно понять. Эту парадоксальную особенность отметил Б. Вальденфельс. Чужой не трансформируется в Своего, он остается Чужим с точки зрения Чужого, но по мысли реципиента, границы Чужого стираются. В его конструкциях Чужой трансформируется в Своего, то есть в модель Свой – Чужой – Свой (Свои – Чужие – Наши). В реальной жизни возможный вариант Свой – Чужой – Другой. В подтверждение данной позиции сошлемся на российского историка XIX в., немца по происхождению А.Г. Брикнера: «Энциклопедическое образование давалось русским легко: не сделавшись при Петре немцами, голландцами и англичанами, русские после Петра обнаруживали некоторую способность превращаться в полу-французов»[210].

Идеи А.А. Орлова и Ю.М. Лотмана помогли нам в формулировании концепта культурный маятник. Так, А.А. Орлов отметил особенность

---

[209] Фельде В.Г. Оппозиция «свой – чужой» в культуре.

[210] Цит. по: Николаева Ю.В. Русские и французы друг о друге. Исторические корни национальных стереотипов // Русская и европейская философия: пути схождения. Электронный ресурс.

превращения русской галломании в галлофобию и в обратном направлении. В части нашего исследования это позволило провести аналогию с маятником в отношении к Чужому. В подтверждение мысли о культурном маятнике нам помогла идея Ю.М. Лотмана о том, что «реальные культуры…строятся по принципу маятникообразного качания»[211]. Схожую характеристику об антиномичности русской культуры отметил и Н.А. Бердяев[212].

Чужой помогает осмыслить собственную культурную исключительность, увидеть забытое и возвратиться к ценностям отечественной культуры, обратиться к Своему культурному опыту, патриотизму. Чужой относительно нашего исследования наделен такими виталистскими характеристиками, как динамизм, способность трансформироваться, мобильность.

В нашем исследовании в отношении к Чужому мы выделили такие механизмы, как избирательная толерантность, умеренная ксенофобия, которые в большей степени были свойственны народной культуре. Проблематика Чужого скоординирована с темой интерпретации, рецепции и вопросом понимания.

Примем во внимание замечание Ю.М. Лотмана о понимании «не перетолковывать чужую действительность по моделям своей…слово «понимание» коварно… Честность заключается в том, чтобы указать степень и направления приближения»[213]. Развивая мысль о векторе приближения к пониманию Чужого, отметим некую противоречивость. С одной стороны, оппоненты должны иметь желание коммуницировать, с другой стороны, например, в условиях военного времени, коммуникация вынужденная, однако понимание Чужого приобретает жизненную необходимость. Интенции к пониманию Чужого задают прагматический аспект научного и обыденного дискурса.

Американский антрополог Э. Холл анализировал причины непонимания Чужого в конкретной ситуации. Чиновники США классифицировали большинство иностранцев как «слаборазвитых американцев», используя за основу

---

[211] Лотман Ю.М. Понятие границы. С.54.
[212] Бердяев Н.А. Судьба России. М., 2007. С. 64.
[213] Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре... С. 585.

понимания «наивно эволюционный взгляд». Он пришел к парадоксальному выводу, поскольку культура скрывает гораздо больше от Своих участников, то для эффективного понимания Чужой культуры нужно научиться понимать Свою. Необходимо постоянно обращаться к Своему опыту, узнавать, «как собственная система работает…Это создает …информационный интерес, который может прийти только тогда, когда человек живет и ощущает контрасты, различия и шок»[214].

Наше исследование подтверждает тезис о том, что отношение к ценностно-смысловой системе Чужой детерминировано конкретными историческими условиями, аксиологическими различиями взаимодействующих культур. Противоречивое восприятие Чужого диалектически сопряжено со Своим, бинарная оппозиция обуславливает перманентное взаимодействие в рамках национальной и мировой культур. Отношения к Чужому меняются под влиянием коммуникативных детерминант: военный конфликт, опосредованное знакомство с Чужим, периодическое или постоянное взаимодействие. Наличие Чужого помогает осознать коммуникативный акт как сотворчество, даже если коммуникация имела односторонний и случайный характер.

Чужой предполагает осмысление Своего в контексте Чужой культуры и одновременное осознание Чужого в контексте Своей культуры. Это взаимообусловленный процесс, сравнивая Свое и Чужое, сокращая культурную дистанцию в МКК, Своему придаются новые смыслы, значение Чужого уточняется, актуализируется, конструируется новая семантика образа Чужого и восприятие Чужого становится многовариантным.

Проблематика Чужого позволяет выделить его онтологический, аксиологический, гносеологический статусы.

Онтологический статус Чужого ориентирует принять Чужого таким, какой он есть, не пытаться его понять, трансформировать и усвоить Чужое со Своих позиций, важно признать право Другой/Иной культуры на чужесть.

[214] Hall E. The silent language. DBYDoubleda, 1959.

Онтологически Чужой не преобразуется в Своего, следовательно, стратегии взаимодействия необходимо выстраивать с позиций осознания и признания Чужого как уникального, модель рецепции выглядит таким образом Свой – Чужой – Чужой, при сохранении статуса Чужого он может стать товарищем, другом, партнером в зависимости от историко-культурного контекста или «скрытых правил» (Э. Холл).

Аксиологический статус закрепляет за Чужим право на собственную систему ценностей, и как следствие, признает отличимость, неповторимость, непохожесть, уникальность, самоценность каждой культуры и реальное видение равноправия всех культур, паритет Своего и Чужого в условиях МКК. Это обстоятельство постулирует вопрос: как относиться к Чужому, если его система ценностей противоречит Своей? Система ценностей, враждебная Своей, маркирует Чужого как врага в условиях военного времени, конфликта.

Гносеологический статус открывает возможности и попытки для познания Своего с помощью сравнения с Чужим, указывает на конкретные отличия от Своего и воспроизводит следующие модели Свой – Чужой – Другой (не такой, как ранее), Свой – Чужой – Иной (непонятный и враждебный/непонятный и миролюбивый).

Отношение к Чужому обнаруживает специфику культуры, показывает уровень ее развития и является культурной константой. Современная реальность насыщена семантикой Чужого от киноиндустрии до его исследования в научном дискурсе. Это подчеркивает актуальность дальнейшей культурфилософской концептуализации проблематики Чужого.

Таким образом, в сфере межкультурной коммуникации проблематика Чужого сохранит актуальность и постоянство вследствие перманентных коммуникаций культур. Тема Чужого сопряжена с экспликацией и пониманием отчуждения от Своего, с границей в культуре. Встреча с Чужим рельефнее проявляет Свое, Чужой органически необходим как фактор «взаимного отзеркаливания» (М.М. Бахтин), Чужой создает ситуацию пограничья, является источником развития, механизмом формирования ценностей. Отметим также

амбивалентность в понимании Чужого, в нем расположен потенциал культурной инверсии, интенции к трансформации, парадоксальность природы Чужого заложена в его структурирующих свойствах, он находится в основании конструкции Своего, но сохраняет статус «terra incognita».

Чрезмерная открытость Чужому и абсолютная толерантность могут разрушить культурную идентичность, ассимилировать Свою культуру, ослабить культурный иммунитет. Можно отметить потенциальную опасность, заложенную в межкультурной коммуникации при встрече с Чужим, в этой ситуации актуализируется вопрос о защитных механизмах культуры, «сохранении и преумножении ее жизненных сил»[215].

Идеи Б. Вальденфельса, Л.Н. Гумилева, Ю.М. Лотмана, Е.А. Попова, Т.А. Семилет составили теоретико-методологическую основу данного исследования. Методология эйдетической и трансцендентальной редукции Б. Вальденфельса позволила понять феномен Чужого как конструкцию, в которой Своя культура обращается к Чужой либо в вынужденных, конкретных исторических условиях (эйдетическая редукция), либо это постоянное обращение и трансформация из «недоступного в доступное». Концепция этногенеза Л.Н. Гумилева оценила культурную антитезу Свой – Чужой с позиций стереотипизации, что дополнило новыми характеристиками Чужого в русско-французской коммуникации. Семиотический подход раскрыл символическое значение Чужого и позволил увидеть разноплановость, множество оттенков. Культурвитализм наделяет системно-органическими характеристиками культуру и социокультурную динамику. В свою очередь Свой – Чужой взаимодействуют в этой системе и по ее законам.

Эти способы обращения к Чужому формируют два мировоззренческих концепта и отношения к Чужому: столкновение с Чужим убеждает нас в том, что переход за границу невозможен (народная культура); тотальное принятие Чужого приведет к отрицанию Своего (часть элиты).

[215] Попов Е.А. Виталистский императив в современных представлениях о культуре // Известия Алтайского государственного университета. 2004.№ 2 (32). С. 107–110.

Чужой в противопоставлении Своему образует целостную систему, необходимость противоборства Чужому мобилизует защитные механизмы в культуре, особенно если формами МКК становится война, столкновения, агрессия. Следовательно, Чужой – фундаментальная характеристика культурной системы, исследование которого приобретает стратегическое, магистральное значение. Первоначальная конструкция опирается на принцип: Чужое –антипод Своего, следовательно, он основывается на таких параметрах, как бесструктурность, неорганизованность, неупорядоченность. Чужое воспринимается как внекультурное и противопоставляется «культурному центру» как «варварская периферия». «Противопоставляя себя друг другу, они… маркируют себя и иной тип культуры … зеркально противоположным… В подобной ситуации чрезвычайно трудно прийти к консенсусу, найти какое-то третье решение, некую сферу ″Между″»[216].

Исследование образа Чужого позволило составить и другие модели его рецепции, которые демонстрируют множество оттенков, сложность, противоречивость. Всеобъемлющим свойством Чужого является его основание для культурной самоидентификации и консолидации членов общества. Бинарность оппозиции трансформируется в троичность и усложняет ракурс видения Чужого, например, Свое –Чужое –Наше/Иное/Другое. Такие конструкции предполагают активную и творческую модификацию Чужого опыта и его обработку субъектами культуры.

Культурфилософская концептуализация проблематики Чужого в контексте отношений со Своим позволила выделить следующие направления: цивилизационное (Н.Я. Данилевский, Н. Фергюсон, С. Хантингтон, О. Шпенглер), феноменологическое (Б. Вальденфельс, Э. Гуссерль), семиотическое (Ю.М. Лотман), этнографическое (Л.Н. Гумилев), культурвиталисткое (Е.А. Попов, Т.А. Семилет).

---

[216]Илиополова К.С. Противоречие «Свой-Чужой» в социокультурной коммуникации (социально-философский анализ): дис. … канд. философ .наук: 09.00.11. Ростов-на-Дону, 2014. С.102.

В нашей работе мы предложили ценностно-смысловое направление, которое оставляет за рамками излишнюю политизированность Чужого, присутствующую в современном дискурсе. Оно позволяет соотнести статику и динамику рецепции Чужого, опираясь на ценностно-смысловые константы, отделить аксиологически осмысленное восприятие Чужого, от того, которое подвержено резким трансформациям и, как следствие, не имеет интенции к сохранению. Это важно учитывать в кризисные времена противостояния культур в МКК. Ценностно-смысловая рефлексия фиксирует столкновение, соприкосновение аксиосфер, положительный опыт динамики взаимодействия и выхода из конфликта.

Ценностно-смысловая концептуализация Чужого сопряжена с переработкой смыслов, представлений о нем относительно конкретного культурного контекста. Варианты восприятия Чужого могут быть различными от принятия, переработки до отторжения, но оно всегда ценностно окрашено и выражено в конкретных характеристиках. Реальный или мифологизированный, выдуманный Чужой наделяется Своими смыслами. Реципиент оценивает и уточняет смысловую информацию о Чужом. Мы можем отметить взаимосвязанность направлений. Так, ценностно-смысловое направление соотнесено с идеями Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера об отказе от европоцентризма, идеями культурвитализма Е.А. Попова, Т.А. Семилет с позиций самоценности как Своего, так и Чужого. Оно сопряжено и с этнографическим направлением. Их взаимодополняемость позволяет оценивать Чужого, опираясь на Свои стереотипы, но при этом исключается однозначность оценок, что позволяет рассмотреть вариации рецепции Чужого.

Предлагаемое нами ценностно-смысловое направление концептуализации проблематики Чужого в контексте отношений со Своим позволяет понять МКК как пространство, в котором трансформация ценностно-смысловой системы Чужого является определяющей для понимания сущности взаимодействия двух культур в конкретном культурно-историческом периоде. Ценностно-смысловое направление нацеливает на поиски причин непонимания, вражды и способов их преодоления, задает интенции дальнейшего исследования Чужого, помогает

вернуться к Своему в случаях отчуждения, наполнить смыслами Свое и Чужое. В кризисные периоды противостояния Своего и Чужого актуализирует патриотическое мировоззрение, накапливает опыт по обмену в ценностно-смысловой сфере и возможности восстановления диалога, полилога в условиях столкновения цивилизаций.

Глава 2. ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВАЯ СИСТЕМА СВОЙ – ЧУЖОЙ В РУССКО-ФРАНЦУЗСКОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

2.1. Ценностные основания архитектоники культурно-исторического взаимодействия России и Франции конца XVIII – первой четверти XIX в.

В разные исторические периоды и эпохи на первый план выходят определенные ценности. Культурно-исторический контекст детерминирует интенсивность взаимодействия культур, смыслополагания. Аксиологический дискурс в культурвиталистском измерении позволяет проанализировать взаимодействие культур как постоянное движение смыслов, ценностей, норм самобытных, неповторимых и самоценных субъектов. В контексте нашего исследования социокультурные фреймы (рамки) ограничены взаимодействием культур России и Франции конца XVIII –первой четверти XIX в., в которых формируются коммуникативные события между культурами в формах заимствования, отторжения, принятия, усвоения. Культурно-историческое взаимодействие исследуемого периода в оптике культурвитализма[217] отвечает на вопрос о жизненных силах, жизнеспособности русской культуры, которая вступила в коммуникацию с лидером европейского социокультурного пространства.

Для анализа ценностных оснований архитектоники взаимодействия России и Франции мы применяли дефиниции Н. Гартмана, Е.Э. Дробышевой. «Ценности суть принципы. Они …близки категориям бытия»[218]; архитектоника интерпретируется как «…некая универсалия существования культуры как системы, сопрягающая в себе …аспекты, структурно-морфологический и динамически-функциональный, представляющая собой циркулирующую систему коммуникаций…Архитектоническое движение (циркуляция) коммуникаций

[217]Попов Е.А. Основные тенденции образования жизненных форм в пространстве культуры // Известия Алтайского государственного университета. 2005. № 2 (36). С. 90; Семилет Т.А. Особенности методологии культурвитализма // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2-1 (78). С. 220.
[218] Гартман Н. Этика. СПб., 2002. С. 230.

задается смыслом как условием существования»[219]. В таком ракурсе «Ценности выступают универсалиями антропологического измерения архитектоники»[220].

Влияние французской культуры на развитие России признается многими авторами, Франция стала моделью, шаблоном, с которым русская элита сравнивала Свою национальную культуру. Это находило отражение в виде особого отношения к французскому языку, культуре и в конечном итоге определило широкое распространение галломании в большей части дворянского общества России. Французская культура была для русского светского общества чем-то большим, чем иностранная культура.

Культурно-историческое взаимодействие русской и французской культуры XVIII –первой четверти XIX в. носит длительный и прочный характер. Исследователи отмечают, что в XIX в. «…влияние французской культуры на жизнь русского образованного общества достигло своей кульминации. Это был период расцвета русской дворянской культуры»[221].

Культурно-историческая коммуникация в указанный период прошла проверку на прочность и была испытана войнами (1805, 1806, 1812–1814 гг.). Несомненно, что основным участником русско-французской коммуникации оставалось дворянство, однако во время Отечественной войны 1812 г. все слои русского общества приняли активное и непосредственное участие в русско-французской коммуникации.

Реальное развитие русско-французского культурного пространства пришлось на эпоху царствования Екатерины II, однако почва для этого процесса была подготовлена в период царствования Петра I.

Исследователь А.В. Востриков выделил этапы распространения французской культуры XVIII в. по степени ее включенности в пространство русской. В свою очередь это помогает понять истоки проникновения и распространения французской моды, идей, их влияния на русское общество,

---

[219] Дробышева Е.Э. Обоснование концепта «архитектоника культуры» в аксиологической парадигме // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6, вып. 2. 2009. С. 145.

[220]Дробышева Е.Э. Архитектоника культуры в аксиологическом измерении: автореф. дис. …д-ра философ. наук: 24.00.01. СПб., 2011. С.9.

[221] Буцан А.С. К истории русско-французского культурного диалога // Вестник МГУКИ. 2012. № 6 (50). С. 93.

возможности соприкосновения между культурами и передачу смыслов через представленные каналы. В истории взаимодействия русско-французской культур XVIII в. представляется оправданным выделить три этапа[222].

1. Зарождение культурных связей. В 1715 г. Петр I направил во Францию агентом по найму иностранных специалистов Ж. Лефорта для поиска мастеров самых разных профессий. Задачей приглашенных специалистов являлось не только выполнение конкретных заказов, но и передача знаний своим русским ученикам. Из-за предоставления правительством им налоговых и иных льгот французы охотно приезжали в Петербург, и в 1717 г. на Васильевском острове образовалась Французская слобода. Становясь субъектами социальной среды, французские специалисты способствовали проникновению французской культуры в быт петербургского общества. Однако на данном этапе межкультурная коммуникация не носила массового характера, развивалась медленнее, чем экономическое и политическое общение, которое было обусловлено социально-экономической ситуацией России, требующей модернизации, европеизации и реформирования.

2. Проникновение французской культуры в Россию усиливается в годы правления Елизаветы Петровны (1742–1762 гг.). Одной из причин, способствующих русско-французскому сближению, являлось личное расположение императрицы. Елизавета Петровна любила французский язык и культуру. По ее просьбе в Россию приехала французская труппа, под влиянием которой начал формироваться русский театр, репертуар которого был ориентирован на французские пьесы. Присутствие французов оказало огромное влияние на все стороны жизни русского дворянского общества: образование, искусство, бытовая культура. Некоторые элементы французской культуры прочно вошли в жизнь русского дворянства: французские танцы, светские игры, кухня и шампанское. Русское дворянство испытало гравитационную силу французской

---

[222] Востриков А.В. Взаимодействие русской и французской культур в российской городской среде (1701–1796 гг).: автореф. дис. …канд.ист.наук: 24.00.01. Казань, 2009. С. 12.

культуры. Это нашло выражение в ориентации на французскую систему воспитания и образования.

Русское дворянство усваивало манеры, этикет, общий характер поведения французского дворянства. В спектр ценностей элиты попадали традиции следования французской моде, интерес к французской литературе и французскому языку[223]. Особенностью этого периода стало то, что активная межкультурная коммуникация проходила на фоне сложной политической обстановки, но даже временный разрыв дипломатических отношений в 1748–1756 гг. не остановил его поступательное развитие. Это стало естественным следствием тенденции распространения идей французского Просвещения в Европе, которое не могло обойти стороной Россию, поскольку страна становилась значимой частью европейской культуры и политики.

3. *Активное использование достижений* французской культуры в годы правления Екатерины II (1762–1796 гг.). При Петре I и Екатерине II французов приглашали в качестве специалистов и администраторов. Наиболее массовая волна связана с последствиями Французской революции 1789–1799 гг., когда в Россию приехало более 10 тысяч иммигрантов[224]. Французская диаспора имела свои очаги расселения: Москва, Санкт- Петербург, теплые регионы на юге России, Поволжье, куда Екатерина пригласила потомков гугенотов, кальвинистов, подвергавшихся преследованиям во Франции. Французская диаспора распространяла Свою культуру и одновременно интегрировалась в Иную, тем самым создавала и развивала культурно-историческое взаимодействие и межкультурные коммуникации, являлась каналом диффузии и источником трансляции идей и ценностей. Деятели французской культуры воспринимали русских только как своих учеников, пусть даже и очень талантливых. «Нельзя сказать, что у России не было своих идей; но можно сказать, что она сделала своими наши идеи и полюбила их всем сердцем», – писал Ж. де Местр[225].

---

[223] Буцан А.С.К истории русско-французского культурного диалога. С.92.
[224]Полякова О.Б. Из истории французской диаспоры в России (XVIII– XIX вв.) // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 10. М., 2011. С.10.
[225] Цит. по: Загрязкина Т.Ю. Следы Франции в России // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 3.

Таким образом, этапы развития русско-французского взаимодействия отмечены интенсивным проникновением французского языка и культуры в Россию, восприятием и переработкой этого влияния в дворянской культуре и пиком галломании, который приходится на вторую половину XVIII – первую треть XIX в. Можно констатировать, что в аксиосферу русского дворянства были включены французский язык, манеры поведения, мода не только как обязательные, но и как приоритетные. Галломания, начавшаяся формироваться в годы правления Елизаветы Петровны, становится образом жизни в екатерининскую эпоху. Культурно-бытовое увлечение французской модой и стилем трансформируется в увлечение модными либеральными идеями Просвещения. Интерес к Франции в дворянской среде постоянно возрастает и перенасыщает русскую мысль.

Галломанию пережили в той или иной степени многие европейские страны, но в России она приобрела особенно глубокий, беспрецедентный характер, все без исключения сферы жизни образованного, светского общества были проникнуты преклонением перед Своими (французскими) учителями, просветительскими идеями и ценностями.

Основными факторами, определившими увлечение русского общества ценностями французской культурой, стали, с одной стороны, усиление роли Франции в мировой политике, истории, экономике, особенно после прихода к власти Наполеона и превращение Франции в империю, укрепление дипломатических связей (внешний); благосклонное отношение к Франции при императорском дворе России, интенсивность культурных русско-французских связей (внутренний). Внешние и внутренние факторы детерминировали ценностные изменения, движение архитектоники.

Вместе с тем Т.Ю. Загрязкина отметила такой фактор, как «высокая степень развития самого французского языка. Французский язык был нормализован раньше, чем другие европейские языки. Уже в XVII в. сформировался «образцовый язык», который обслуживал сферу светской жизни, науки и образования. При включении в европейскую систему координат русская культура

должна была заполнить лакуну, образованную в результате несоответствия стилистической системы русского языка новым потребностям: нужен был язык светского общения и научного стиля речи»[226].

Франция стала эталоном, примером для подражания в Европе, французский двор задавал модный тон, в котором французский язык и культура заняли первостепенное место. Русская культура была вовлечена в европейский историко-культурный контекст, следствием этого становится растущая необходимость в языке светского общения, научного и дипломатического стиля речи. Таким образом, французский язык занял нишу нейтрального светского общения, был непременным атрибутом дворянской жизни, дипломатии, карьеры. Французский язык с детства заменял родной и отчуждал от национального языка, деформировал ценности Своей культуры.

Французская культура продолжала транслироваться через такие каналы, как мода, гувернерство, заграничные путешествия. Начиная с XVIII в. все это вместе взятое формировало в русской культуре особое отношение к французам.

Екатерине II как «ученице Вольтера» была особо близка французская интеллектуальная культура. Она пригласила в воспитатели к Павлу Петровичу Д' Аламбера, затем выписала для наследника престола педагога республиканских убеждений Лагарпа, он был назначен в числе лиц, избранных состоять при Александре с «особым приказанием говорить с ним по-французски». Придворные стремились подражать императрице. Граф П.А. Строганов воспитывался французом Ж. Роммом. Обучать мальчика французскому языку ему не приходилось, он был для него почти родным. Общаясь с не говорящим по-русски учителем, Павел Строганов мог лишь совершенствовать языковые познания. Вместе с воспитателем юный Строганов ездил во Францию, парижане отмечали, что «он говорит по-французски лучше, чем мы»[227]. Они жили в революционном Париже, посещали клуб якобинцев, П. Строганов получил диплом Якобинского клуба. Влияние гувернера было безграничным «Воспитанником своим Ромм

[226]Загрязкина Т.Ю. Следы Франции в России...
[227] Чудинов А.В. «Русский якобинец» Павел Строганов. Легенда и действительность // Новая и новейшая история. 2001. № 4. С. 42–70. Электронный ресурс.

завладел всецело. Мальчик говорил его словами, думал его мыслями, подсказанными наставником…»[228].

Французская культура занимала особое место в дворянской среде. Интерес к французскому был настолько значимым, что домашние библиотеки состояли из книг на французском языке. Например, у графа Салтыкова в библиотеке было пять тысяч томов на французском языке и сотня книг на русском и других языках. П.А. Вяземский писал своем отце: «Мой отец говорил большей частью по-французски. Когда же ему приходилось употреблять в разговоре русский язык, он всегда думал по-французски»[229].

Ценности Чужой культуры становились Своими и, наоборот, такая ценностно-смысловая инверсия стала нормой дворянской культуры. По мнению А.С. Ахиезера, инверсия основана на минимальной рефлексии, инверсионный переход от одного полюса к другому происходит логически моментально, как самый простой способ принятия решения, простой выбор между двумя вариантами. «Инверсия есть форма альтернативного выбора, но в рамках исторически сложившейся культуры…способность использовать уже накопленные варианты, применяя их постоянно к новым ситуациям» [230].

В работе Ю.М. Лотмана упоминается о домашнем воспитании А.С. Пушкина, которому родители не придавали большого значения, оно было беспорядочным. Из домашнего обучения Пушкин вынес лишь прекрасное знание французского языка, а в отцовской библиотеке пристрастился к чтению (тоже на французском языке)[231]. Родные брат и сестра А.С. Пушкина вспоминали о влияния французского языка и культуры на жизнь будущего поэта. Так, Лев Сергеевич отмечал, что «на восьмом году жизни он сочинил маленькие французские комедии…воспитание его мало заключало в себе русского: он

[228] Чудинов А.В. «Русский якобинец» Павел Строганов.
[229]Вяземский П.А. Старая записная книжка. Ч. 1. Электронный ресурс.
[230] Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Новосибирск, 1997. С. 67.
[231]Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин: биография писателя. СПб., 2016. С. 15.

слышал один французский, гувернером его был француз, библиотека отца состояла из одних французских сочинений»[232].

Имена первых воспитателей А.С. Пушкина тоже французские: «…француз эмигрант граф Монфор…потом Русло, далее Шедель…дети и говорили, и учились только по-французски», – вспоминала сестра поэта О.С. Павлищева. В доме родителей А.С. Пушкина собиралось общество, к которому «принадлежало множество французских эмигрантов»[233].

Подобные воспоминания встречаются у А.П. Керн: «Все предметы мы учили на французском языке и русскому языку учились только шесть недель во время вакаций…»[234]. Керн вела записи по-французски, иногда во французский текст включала русские фразы. Молодое русское дворянство, воспитанное на французской литературе и культуре, часто воспринимало Францию как духовную родину и переживало за ее историческую судьбу больше, чем за собственное Отечество. Вольтер и Руссо в конце XVIII в. были идеалами и героями русской знати, русское дворянство переняло салонную культуру Франции, владение французским языком в дворянской среде было обязанностью, языковая реальность времени – повсеместное распространение французского языка и чтение оригинала французских текстов. «Культ Руссо, возникший в России в последней трети XVIII века, продолжал существовать и в то время, когда во Франции о нем вспоминали только историки»[235]. Идеалы Просвещения находили отклик в мировоззрении русской молодежи.

Следует отметить и иной аспект рецепции французской культуры, в частности гувернерства. Широкое распространение в России французских идей не всегда формировало однозначно положительное отношение к ним. С одной стороны, было стремление приобщиться, копировать французский образ жизни, привычки, культуру, но с другой стороны, существовало и некоторое ироничное отношение к французам. Так, например, в литературных произведениях Д.И.

[232]Пушкин Л.С. Пушкин Биографическое известие об А.С. Пушкине до 1826 года // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. l. М., 1986. С. 49.
[233] Павлищева О.С. Воспоминания о детстве А. С. Пушкина (со слов сестры его О. С. Павлищевой) // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников т. Т. l. С.31.
[234]Керн А.П. Воспоминания о Пушкине. Электронный ресурс.
[235]Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. С. 231.

Фонвизина[236], Ф.А. Эмина[237] восприятие французского гувернера было далеко от идеала.

Кроме того, тотальное французское воспитание и образование приводило к утрате «национальных корней» и связи с отечественной историей и культурой. С.Н. Глинка, воспитанник сухопутного шляхетского корпуса, отмечает в своих записках, что дети по вступлении в корпус попадали в руки французских воспитательниц и скоро забывали родной язык и историю. Русскую историю в XVIII в. преподавали на французском языке известные Леклерк и Левек, поэтому кадеты выходили из корпуса «совершенными французами», их прежде всего интересовало то, что происходит в Западной Европе[238].Министр народного просвещения граф А.К. Разумовский в докладе Александру I указывал на вред от иностранного воспитания: «Все пансионы в России содержатся иностранцами…они юным россиянам внушают презрение к языку нашему…и в недрах России из россиянина образуют иностранца…»[239]. Спрос на французских учителей опережал предложение настолько, что «французы любой профессии очень быстро переквалифицировались в гувернеров и учителей, не имея должной профессиональной подготовки»[240].

В такой системе обучения ценности отечественной культуры, русская история, литература были вынесены за рамки светского образования. Влияние Чужой культуры усиливалось и транслировалось через французских преподавателей, гувернеров.

Это давало повод консерваторам выступать с критикой отечественной системы образования. Интересно отметить, что и сами французы скептически относились к гувернерам из Франции, граф Ж. де Местр отмечал «…только люди посредственные …развратные…совершенно испорченные являются на север

[236] Фонвизин, Д.И. Разговор у княгини Халдиной. Письмо от Стародума. Москва, февраля, 1788// Сибирь. Журнал писателей России 380/ 3. 2020. № 3. С. 3–9.
[237]Эмин Ф.А. Письма Эрнеста и Доравры. Электронный ресурс.
[238]Цит. по: Бочкарев В. Н. Консерваторы и националисты в России в н. XIX века // Отечественная война и русское общество. Т.II. Электронный ресурс.
[239]Там же.
[240] Загрязкина Т.Ю. Следы Франции в России.С.33.

предлагать свою мнимую ученость…несчастная Россия дорого платит сонмищу иностранцев, исключительно занятых ее порчей»[241].

Можно отметить, что, в России мнения о дальнейшем развитии и взаимодействии с Западом разделились. Одни считали, что у России свой особый путь и историческая миссия, поэтому Россия не должна ничего заимствовать из европейской культуры (традиционалисты, консерваторы). Другие выражали горькое сожаление по поводу отсталости России, выступая за западноевропейский путь развития (западники, либералы). По этой причине возникает идеологический раскол на славянофилов и западников. Межкультурные коммуникации западников и почвенников создавали новые внутренние коммуникативные конструкции и выступали фактором трансформации ценностей западной культуры, в том числе французской. Это нашло отражение в полемике карамзинистов и шишковистов, либералов и консерваторов, в антитезе культурфилософской рефлексии Свой – Чужой. Столкновения проходили в едином культурном пространстве, но в разном ценностно-смысловом континууме. По мысли А.С. Ахиезера, «полюса дуальной оппозиции существуют как взаимопроникающие друг в друга, они существуют амбивалентно, друг через друга ... в процессе осмысления неосмысленных явлений, переосмысления ранее осмысленного»[242].

Данные факторы породили тенденцию к конвергенции российской и западноевропейской культур. Парадоксально, но даже в рамках одной семьи могли уживаться противоположные культурные настроения, мнения, ценности. Уникальный пример – семья московского генерал-губернатора Ф.В. Ростопчина. Его супруга, воспитанная на идеалах французских просветителей, болезненно воспринимала галлофобские выступления мужа. Она втайне приняла католичество, а затем способствовала переходу в католицизм детей. Несмотря на антифранцузские взгляды, Федор Васильевич пригласил для своих детей французского гувернера и сам был воспитан французом. После переезда семьи

[241]Бочкарев В. Н. Консерваторы и националисты в России.
[242]Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. С. 62.

Ростопчиных в Петербург в 1814 г., его жена возглавила известный светский профранцузский салон, стиль и состав гостей которого не отвечали ксенофобским настроениям Федора Васильевича. Дочь Ростопчиных вышла замуж за француза и стала известной французской детской писательницей Софьей де Сегюр.

Возможно, конвергенция французской и русской культуры в дворянской среде была настолько сильна, что современники Ростопчина этого противоречия не замечали, так как оно органично вписывалось в русскую культуру. Культуролог А.Е. Чучин-Русов полагал, что культурная конвергенция означает в действительности не столько сближение и смешение различных культур, сколько самоидентификацию культуры, ее «сближение с самой собой», выявление архитепических сущностей Своей культуры[243].

Следует отметить, что отношения между Россией и Францией в исследуемый период (конец XVIII –первая четверть XIX в.) характеризовались постоянными противоречиями и стремительно менялись. Россия становилась союзницей и противницей Франции, участвовала в антифранцузских коалициях. Ситуация осложнилась после Французской революции 1789 г., так как революционеры-якобинцы формировали новый стереотип «бунтарей» и «революционеров», со свойственными им ценностями, опасными для государственного устройства. Революционные события Франции стали переломным моментом в отношении к французам и французской культуре. Часть русского дворянства сочувствовала идеям революции, это было молодое поколение, воспитанное французскими гувернерами. Другая часть дворянства стремилась помогать эмигрантам – роялистам из Франции и размещала их в России. Революция 1798 г. не разрушила культурно-исторического взаимодействия между странами, а в какой-то степени вызвала еще большее участие в жизни французов, пострадавших от революции. Осмысление революционных событий Франции вновь становится мировоззренческим водоразделом русских консерваторов и либералов.

---

[243]Чучин-Русов А.Е. Конвергенция культур. М., 1997. С. 38.

Увлечение галломанией заставило традиционалистов обратить внимание на изменение нравов. Граф Ф.В. Ростопчин возмущался: «…как же предки наши жили без французского языка…Чему детей нынче учат? Выговаривать чисто по-французски, ноги вывертывать и всклокачивать голову. Тот умен и хорош, которого француз за своего брата примет. Как же им любить свою землю, когда они и русский язык плохо знают?»[244].

Однако, революционные события кардинально не изменили симпатии русского дворянства к Франции, к французскому языку, французской моде, изысканности. В петербургском модном журнале французские платья стали носить антиреволюционные названия «alacontre-revolution». Русский дворянин по-прежнему постоянно сталкивался с различными проявлениями французской культуры в повседневной жизни. Влияние французских идей в интерьере, моде создавали среду обитания дворянской семьи, которая характеризовалась определенными семантическими кодами и культурными установками. Поэтому французская культура в дворянской среде не воспринималась как Чужая, а была частью домашнего мира. Например, декабрист А.Е. Розен вспоминал, что до поступления в кадетский корпус, когда ему было 14 лет (1815 г.), он уже имел некоторое представление о французской литературе и о европейском образовании. «После обеда, отец отдыхал с час, и, пока не засыпал, я должен был читать ему или газету, или из книги, большею частью из Вольтера»[245]. Помимо воспитания, многие французские эмигранты породнились с русской знатью посредством браков и поступили на русскую службу.

Ценностные сдвиги в восприятии французов проходили в зависимости от этапа рецепции, который наполнялся различными смысловыми формами, которые предлагала официальная идеология. Исследовательница Т.А. Шанская выделила этапы 1801–1805 гг. – период культурной толерантности, 1805–1811 гг. – время культурной агрессии против империи Наполеона; 1811–1812 гг. – этап патриотическо-шовинистической пропаганды; 1813–1825 гг. – «период

[244]Ростопчин Ф.В. Мысли вслух на Красном крыльце. М., 2014. С. 421.
[245]Бокарев В. Н. Консерваторы и националисты в России в н. XIX века.

политического патронажа над Францией и спад правительственного контроля над ходом культурного диалога России и Франции»[246]. Она отметила, что несмотря на официальную идеологию, жесткой конструкции восприятия французской культуры не было.

Таким образом, можно констатировать важность военно-политического аспекта, который детерминирует процессы МКК. Другим важным инструментом влияния оставались мода, французская культура и язык.

Русское светское общество начала XIX в. продолжало сохранять постоянный интерес ко всему французскому. Особое внимание в России в этот период привлекала персона Наполеона. У всех книготорговцев в продаже имелись его портреты, которые пользовались большим спросом; в переводной литературе Наполеон воспринимался как герой, гениальный полководец. Но его агрессивная внешняя политика в Европе, войны 1805–1807 гг. привели к разочарованию в нем значительной части русского общества. Наполеон превратился в великого тирана и безжалостного завоевателя, монстра, противника христианской веры, хотя в угоду политической конъюнктуре о нем после заключения Тильзитского мира (1807 г.) воспрещалось писать критически.

Война 1812 г. особенным образом помогла переосмыслить Свою культуру, вызвала небывалый подъем патриотизма, который подталкивал некоторые дворянские семьи делать выбор в пользу отечественного воспитания. Московская дворянка М.А. Волкова писала в 1814 г. своей подруге: «Радуюсь, что у дочки твоей хорошие способности к иностранным языкам; только, пожалуйста, заставь ее прежде всего выучиться родному языку, чтобы она не говорила по-русски, как немка... Я предпочла бы другую крайность, а именно, чтобы дети мои говорили только по-русски, тогда по крайней мере они не казались бы смешными в глазах всей Европы»[247]. Подобные суждения встречаются в воспоминаниях столичных аристократов И.А. Раевского и М.Д. Бутурлина. Они с сожалением писали о том, что дети в их семьях имели смутное представление о русском языке и русской

[246]Шанская Т.А. Восприятие французской культуры русским дворянством... С.254–255.
[247]Цит. по: Шанская Т.А. Восприятие французской культуры русским дворянством...С.137.

истории. Бутурлин вспоминал, что ребенок мог рассказать «…как министрель Блондель освободил английского короля Ричарда Львиное …или о том, как несчастный малолетний дофин, сын Людовика XVI, посажен был в тюрьму «du Temple»… но о том, что был некогда на Руси мужик Сусанин, положивший свою жизнь для спасения родоначальника царствующего ныне дома, навряд ли...слыхали тогда»[248].

Результатом такого воспитания было появление образованного космополита со светским лоском, а не русского человека. Приведенные примеры подтверждают механизм, описанный С.А. Арутюновым как прибавление, который, действительно, добавил в русскую светскую культуру французский язык, при этом сделал Чужим язык Своей культуры. Прибавление качественно не обогатило культуру.

Линия напряженности галломанов и галлофобов, западников и почвенников особенно остро проявилась во время Отечественной войны 1812 г. Когда охваченную пожаром Москву покидал Н.М. Карамзин, его увидел франкофоб С.Н. Глинка, и воскликнул: «Куда же это вы удаляетесь? Ведь вот они приближаются, друзья-то ваши! Или, наконец, сознаетесь, что они людоеды, и бежите от своих возлюбленных!»[249].

В то же время А.А. Орлов отметил значительное влияние русско-французских войн 1805, 1806–1807 и 1812–1814 гг. на ослабление галломании в России. Особенно это проявилось во время Отечественной войны 1812 г. В стране начали появляться принципиально «русские» литературные кружки, такие, например, как «Беседа любителей русского слова» (1811–1816 гг.) во главе со знаменитым поэтом Г.Р. Державиным и адмиралом А.С. Шишковым. Стали выходить такие общественные журналы, как «Русский вестник» С.Н. Глинки (с 1808 г.) или «Сын Отечества» Н.И. Греча (с 1812 г.). «Патриотически-настроенные деятели, не отрицая ценности европейской культуры, призывали

---

[248]Цит. по: Шанская Т.А. Восприятие французской культуры русским дворянством...С.137.
[249]Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре… С. 474.

сограждан оставить некритичное следование западным вкусам и учениям, обратив внимание на историю, язык и культуру собственной страны»[250].

Динамика социальных отношений менялась от бонапартизма русского общества к патриотизму. Это иронично представлено в произведении А.С. Пушкина «Рославлев». Писатель воссоздал яркую картину трансформации общественных отношений, смену мировоззренческих позиций. «Светские балагуры присмирели…гонители французского языка взяли решительный верх…, и гостиные наполнились патриотами: кто высыпал из табакерки французский табак и стал нюхать русский; кто сжег десяток французских брошюрок, кто отказался от лафита и принялся за кислые щи. Все закаялись говорить по-французски; все закричали о Пожарском и Минине»[251].

Многие в русском обществе отмечали мобилизующую роль нашествия Наполеона, которое содействовало зарождению народного самосознания в подрастающем поколении, готовило основу для почвенников, обострило патриотические чувства, консолидировало русское общество.

Вместе с тем военно-политические события не оказали критического влияния на умаление роли французской культуры и ее исключения из российского культурно-образовательного пространства как культуры врага. Отношение к французской культуре было основано на взаимоисключающих культурных тенденциях – галломании и галлофобии.

В описании этого феномена можно провести аналогию со своеобразным культурным маятником, который описывает такую коммуникативную особенность, как резкий переход от одной позиции к другой, отсутствие срединности, постепенности. Ю.М. Лотман предложил использовать метафору «…маятникообразного качания между… системами» в отношении культур и текстов[252].

После Отечественной войны 1812 г. некоторые пленные офицеры наполеоновской армии остались в России и обучали детей. Военнопленные,

---

[250]Орлов А.А. Галломания в России // Франция и Россия в начале XIX столетия. М., 2004. Электронный ресурс.
[251]Пушкин А.С. Рославлев // Избранные сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1978. С. 432–433.
[252] Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. С.54.

больные, брошенные Наполеоном солдаты находили Свое место в Чужой культуре. В Саратове оказалось 3509 солдат, 170 обер-офицеров, два генерала, но в действительности их было больше, так как 908 французских военнопленных погибли от эпидемии[253].

В доме М.Ю. Лермонтова, например, жил раненый офицер наполеоновской гвардии Капе, именно он оказал большое влияние на будущего поэта, привил ему восхищение Бонапартом, в доме Пушкиных большинство учителей были французы, первый гувернер Л.Н. Толстого был француз Сен-Тома. Отечественная война 1812 г. не изменила домашних привычек и традиций французского гувернерства. Победители доверили воспитание своих детей бывшим врагам. Мы полагаем, что причина этого в том, что французов не воспринимали как Чужих.

Интеграция нескольких факторов – абсолютное доверие к французской культуре, традиция гувернерства, дань уважения перед французской цивилизацией сформировали специфику межкультурной коммуникации России и Франции. Культурно-историческое взаимодействие исследуемого периода характеризовало отсутствие отчуждения от французов в послевоенный период, не только в дворянской, но и в народной культуре.

Жестом примирения с французами на государственном уровне стало заявление Александра I во французском Сенате: «Я воевал с Наполеоном, а не с Францией. Я друг французского народа…». И чтобы доказать этот длительный союз с вашей нацией, я возвращаю ей всех французских пленных, находящихся в России»[254].

Французы, пожелавшие остаться в России после войны 1812 г., принимали русское подданство. Вместе с тем учителями были не только офицеры, но и представители городских низов, манеры которых не всегда были безукоризненны[255]. Правительство осознавало эту опасность и пыталось учредить

---

[253] Полякова О.Б. Из истории французской диаспоры в России (XVIII–XIX вв.) // Россия и Франция. XVIII–XX века. М., 2011. С. 10.

[254]Куфен Е.А. Французы и русские в конце XVIII – первой половине XIX века: динамика взаимовосприятия культур: дис. ...канд. культурологии: 24.00.01. М., 2003. С.70.

[255]Бочкарев В. Н. Консерваторы и националисты в России. Электронный ресурс.

контроль над новоявленными учителями. С 1820 г. иностранцы находились под тайным надзором полиции. Таким образом, в указанный период в российском обществе четко сформировались две противоположные позиции – либеральная (принятие Чужой культуры и оправдание бывшего противника) и консервативная (отрицание французского во имя сохранения русских традиций, языка, культуры). Межкультурная коммуникация либералов и консерваторов создавала поводы для постоянных дискуссий, итогом которых становилось уточнение роли отечественной и иностранной культуры, интерпретация рецепции Чужого.

Консервативная позиция, которая до войны находилась в меньшинстве, стала оказывать более значительное влияние на общественное мнение. Например, консерватор А.С. Шишков выступал против галломании, критиковал ненужные заимствования в русском языке, призывал вернуться к национальной традиции. А.С. Шишков образно свидетельствует о проникновении французской культуры: «Французы учат нас всему…Мы без знания языка их почитаем себя невеждами и дураками…французы запрягли нас в колесницу… и управляют нами…и те у нас в посмеянии, которые не спешат отличать себя честью возить их…»[256]. Однако, несмотря на патриотические призывы, дома он говорил исключительно на французском языке.

Консерваторы могли призывать правительство и молодежь к возврату традиций, чистоте русского языка, но от кандидата на престижное место, помимо происхождения, рекомендательных писем, профессиональной пригодности, требовались свободное владение французским языком, «светский лоск».

В целом, в послевоенный период отношение к французской культуре и французам радикально не изменились, частично Отечественная война 1812 г. скорректировала русскую галломанию. Для примера, в Петербурге в салоне дочери Кутузова Хитрово, в Москве в доме Веневитовых собирался кружок «любомудров», здесь постоянно велись разговоры о судьбе Франции,

[256] Шишков А.С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. Электронный ресурс.

обсуждались ее политические и культурные новости, что является свидетельством устойчивого интереса к Франции в среде русского дворянства.

Война 1812 г. для большинства дворян не стала причиной отказа от привычного, сложившегося ранее образа жизни, в котором французская культура прочно занимала Свое место, а галломания была в центре русско-французских отношений. Консервативное дворянство продолжало критиковать Своих – Чужих на французском языке. Так в русской культуре появился феномен «русский парижанин». Русские офицеры участвовали в заграничных походах, длительное время пребывали во Франции, что тоже делало их причастными к судьбе Франции и ее традициям. В заграничных походах 1813–1814 гг. культура Франции «нового порядка» нравилась молодым офицерам, формировала их культурные привычки и политические взгляды.

До военных событий 1812 г. в народных массах восприятие француза не имело значения, он оставался абсолютно Чужим в силу отсутствия прямого взаимодействия. Отметим, что внешнеполитические факторы трансформировали Чужую культуру в Иную – Свою. Война 1812 г. послужила формой МКК, источником познания, интерпретации, семантизации Чужого и непосредственной формой коммуникации между французами и народной культурой. Военные события стали катализатором восприятия Чужого (француза) не как абстрактной категории «немца», не имеющего отношения к культурному слою народной жизни, но как реального врага.

Если в дворянской среде в результате постоянного взаимодействия культурная антитеза Свое –Чужое трансформировалась в Свое –Чужое –Наше, то в народной культуре это было невозможно. Народная культура не могла трансформировать границу Чужого. Этого не позволяла сделать религиозная традиция. Во время войны 1812 г. неуважительное поведение французов в отношении к православной церкви (в храмах устраивали конюшни, использовали церковную утварь в быту, стреляли по иконам) убедило русский народ, что они безбожники, антихристы, враги, чужаки. Например, генерал Сегюр вспоминал, как русские крестьяне верили в то, что французы – это легионы дьявола под

начальством Антихриста, духи ада, вид которых вызывает ужас, что прикосновение французов оскверняет. Пленные заметили, что «несчастные русские мужики не решались пользоваться посудой, которая служила им, и что они ее сохраняли для самых нечистых животных»[257]. Народная культура по отношению к Чужому была настроена категорично, его атрибутировали по внешнему виду и речевой культуре. Знание французского языка, одежда, похожая на французскую, позволяли маркировать Своего и Чужого. Генерал-лейтенат, командир партизанского движения Д.В. Давыдов вспоминал, что во время войны крестьяне принимали их за французов, когда слышали французскую речь[258].

События войны повлияли на восприятие всех социальных слоев и групп, в том числе удаленных от театра военных действий территориально, то есть находившихся в провинциальном тылу, что было обусловлено включенностью Чужого в часть бытовой обстановки (квартирование, мародерство, пленные и т.п.).

Первые упоминания в русском фольклоре о французах появились в связи с войной между Россией и Францией 1798–1799 гг., а именно в народных преданиях о переходе Суворова через Альпы, однако этот образ, тем не менее, не получил сколько-нибудь самостоятельного выражения и воспринимался как абстрактный образ врага (иноземные «нехристи»)[259].

В 1812 г. француза воспринимали более детально, так как количество русских людей, вступивших в непосредственный контакт с французами, насчитывало уже миллионы.

Можно констатировать, что русско-французское культурно-историческое взаимодействие в исследуемый период приобретало различные формы. В дворянской, образованной среде – от открытого позитивного до враждебного и консервативного; в народной культуре негативное отношение находило

---

[257]Сегюр Ф. Французы в России 1812 года по воспоминаниям современников-иностранцев // Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л., 1991.С. 80–81.
[258] Давыдов Д.В. Дневник партизана. СПб., 2012. С.51.
[259] Екатерининские подвижники. Суворов – великий русский полководец. Анекдоты о Суворове // Святая Русь, или Всенародная история великого Российского государства IX–XIX вв. М., 1994. С.411.

отражение в фольклоре: народных песнях[260], пословицах[261], воспоминаниях обывателей[262], исторических анекдотах, собранных Ф.М. Синельниковым[263]. Определяющей архетипической чертой французов как иноземного врага по-прежнему являлась их антихристианская сущность. Активно применяются и обесчеловечивающие недруга зооморфные эпитеты («шаловлив как кошка», «труслив как заяц», «француз как мышь», «вор-собака – басурман» в народных песнях и карикатурах).

Характерными чертами русско-французского взаимодействия в исследуемый период являлись его непрерывность, парадоксальность, интенсивность, постоянность, противоречивость, динамизм, трансформативность, тенденции к конвергенции. Русско-французская коммуникация проходила в контексте светское общество –религиозный народ, галломаны –галлофобы, европоцентристы (в контексте французоцентристы) – почвенники (консерваторы, традиционалисты) – внутри светского общества. Особенности взаимодействия можно оценить с позиций культурвитализма, по мнению Е.А. Попова, это «зоны напряженности», в которых «культурно-органическая система отыскивает свои онтологические источники и фокусирует внимание на тех проблемах, которые связаны с сохранением культурной самобытности… и в целом ее жизненного пространства»[264].

Можно отметить, что для дворянства был характерен диалог как способ коммуникации, который снимает жесткое противостояние Своего – Чужого, так как в его основе находится попытка понять другую сторону (М. Бубер, М.М. Бахтин), сопоставление национальных ценностей и собственная этнокультурная детерминация. Отметим, что подлинный диалог, основанный на взаимопонимании, не всегда имел место, дворяне-галломаны не оценивали французов через Свою национальную этнокультурную установку, а французы не пытались понять русскую культуру, часто использовали клише и стереотипы,

[260] Исторические песни о войне 1812 года // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М., 1987.
[261] Даль В.И. Народ-язык // Пословицы и поговорки русского народа. М., 2000.
[262] Толычева Т. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. М., 1872. Электронный ресурс.
[263]Синельников Ф.М. Анекдоты достопримечательнейших произшествий, случившихся в течение нынешней войны с французами. Ч.1–2. СПб., 1813. Электронный ресурс.
[264]Попов Е.А. Виталистский императив в современных представлениях о культуре. С. 110.

искренне верили в то, что они имеют важную цивилизаторскую миссию. В продолжение идей о русско-французском диалоге отметим его неполноту, ограниченность и частичность, так как с позиций обмена мнениями он состоялся, но с позиции взаимопонимания достигнуть диалога в исследуемый период не представлялось возможным. Исследовательница М.В. Губина также отмечает, что в русско-французском взаимодействии о «симметричности взаимовосприятий говорить не приходится»[265].

Пример частичного диалога культур демонстрирует русское дворянское общество, и отсутствием диалога отмечена традиционная культура.

В то же время существует и иная точка зрения Т.Ю. Загрязкиной, которая констатирует, что диалог все-таки имел место, в форме «реакции на реплику собеседника, на свою собственную реплику, сказанную когда-то раньше, и на свою еще не высказанную мысль. Он подразумевает существование различий, возможно, даже предвзятости и недопонимания, но он также подразумевает точки соприкосновения, взаимную заинтересованность и перспективу»[266]. Отечественная война 1812 г. детерминировала взаимодействие как реальное взаимовлияние между сторонами коммуникации, оставила след в народной традиции, уточнила стереотипы, как о французах, так и о русских.

Особенности культурно-исторического взаимодействия нашли отражение в коммуникативном парадоксе, выраженном формулой «русский парижанин», в соответствии с которым от французского языка и культуры не отказывались даже во время войны, постоянно восхищались и интересовались культурой врага, противника. Культурная галломания сосуществовала и уживалась с политической галлофобией настолько естественно, что данному явлению в XVIII – первой четверти XIX в. никто не удивлялся.

Истории жизни отдельных французов позволяют понять и оценить возможности восстановления диалога, ценностные основания русской культуры, которые помогли французам интегрироваться в Чужую культуру. Приведем

[265] Губина М.В. Особенности образа России и русских в сознании французских современников в 1814-1818 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. С. 53.
[266] Загрязкина Т.Ю. Следы Франции в России…

примеры. До возраста 100 с лишним лет проживал в Саратове бывший капитан наполеоновской армии Никола Савен, которого стали звать на русский манер Николай Савин (1788–1894), он преподавал в городе французский язык. Сын французского военнопленного Ц.А. Кюи стал русским генералом-инженером и видным композитором. Внук французского военнопленного Е.А. Лансере стал известным русским скульптором. Для развития науки в России много сделал профессор К.Ф. Фулье, он родился в Нижнем Новгороде, в семье выходца из Франции, стал профессором Московского университета, создал зоологический музей и т.д.[267].

Ученые, обыватели, служившие в России, не вызывали осуждения, напротив, включались и активно действовали в русской культуре, отношение к ним коррелировалось по принципу: Свои для дворянской культуры «уже не Чужие» в народной культуре. В основе принятия Чужого находилась характерологическая особенность русского народа, ее отметил Н.О. Лосский «Доброта русского народа во всех слоях его высказывается, между прочим, в отсутствии злопамятности… Во время Севастопольской кампании…раненых французов «уносили на перевязку прежде, чем своих русских», говоря: «Русского то всякий подымет, а французик то чужой, его наперед пожалеть надо»[268].

Приведенные выше примеры указывают на то, что для восстановления межкультурной коммуникации или диалога важны терпимое отношение к Чужому, доброжелательность культуры реципиента, существующие традиции, действующие позитивные стереотипы, сформированные галломанией и реальными случаями коммуникации. Таким образом, культурно-историческое взаимодействие было плодотворным, выходцы из Франции оставляли заметные следы в культуре, науке, военной истории России.

Французы служили в русской армии, на флоте, в министерствах, дипломатических ведомствах. Уникальный факт, что во время Отечественной войны 1812 г. французские генералы служили в русской армии. Генерал К.И.

[267] Полякова О.Б. Из истории французской диаспоры в России (XVIII – XIX вв.) // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 10. М., 2011. С.11.
[268] Лосский Н.О. Доброта русского народа // Условия абсолютного добра. М., 1991. С.290.

Потье служил в Сибири, генерал-лейтенант Мишо де Боретур укреплял крепости в Поволжье. Боевой генерал де Скалон принял участие на стороне русской армии в сражении под Смоленском, генерал Э.Ф. де Сен При, сын военного министра при Людовике XVI, сражался в рядах российской армии[269].

В Петербурге, как и в Москве, французы жили в Немецкой слободе на Васильевском острове, в самом центре города, рядом с Невским проспектом, там, где находились модные лавки, парикмахерские, мастерские, кондитерские. Французы были законодателями моды, их атрибутировали как модников и в дворянской, и в народной культуре.

Примечательно, что там, где селились французы, например, в Саратове, слобода по традиции называлась Немецкой, как это уже было в Москве, Санкт-Петербурге. В городской народной культуре действовал то же принцип традиционной культуры, как в отношении любого иностранцы, что они «немые», «немцы» и не говорят по-русски.

Анализ русско-французского культурно-исторического взаимодействия позволил выделить ценностные основания (аксиологическое и культурвиталистское) в архитектонике двух акторов культуры: элитарной и народной. В народной культуре Чужой оценивался через оптику религиозности, традиционализма, в элитарной культуре водораздел проходил по линии консерваторы, либералы, которые формировали противоположные мировоззренческие позиции.

Во-первых, в ходе Отечественной войны «далекие», «неизвестные» французы приобрели конкретные очертания в народной культуре. Война стала источником информации, фактором МКК, который в свою очередь повлиял на трансформацию восприятия Чужого, ценностные установки, формировались новые стереотипы.

Во-вторых, во время войны бонапартизм большей части русского дворянства трансформировался в патриотизм, который позволил

---

[269]Полякова О.Б. Из истории французской диаспоры в России… С. 18–19.

интерпретировать, ресемантизировать (вернуться к прежним смыслам), переосмыслить и обратиться к Своему собственному культурному опыту, консолидировать русское общество.

В-третьих, мы отметили, что элита перенимала французскую культуру, несмотря на политическую конъюнктуру. В дворянской культуре одновременно существовали два лагеря – консерваторы и франкофилы, западники и почвенники.

Консервативная часть дворянства еще более убедилась в своей правоте по отношению к французской культуре. Война только показала истинные намерения французов, различия в системе этических норм, традиций. В целях снижения влияния французской культуры на русскую многие отечественные педагоги и общественные деятели выступали за чистоту родного языка и культуру русской речи. Они считали, что необходимо изучать русский язык и русскую литературу в средних учебных заведениях. При этом сами сохраняли элементы бытовой культуры и языковые привычки, заимствованные у французов. Отказаться полностью от французского не представлялось возможным, что в очередной раз наводит нас на мысль о противоречивом характере русско-французского взаимодействия.

Франкофилы сохранили верность французской культуре, даже в военных условиях. Две линии отношения к французам метафорично сформулировал консерватор С.Н. Глинка – «друзья» и «людоеды».

В-четвертых, мы зафиксировали постоянность, прочность, интенсивность, тенденции к трансформации русско-французского взаимодействия в таких формах, как глубокий интерес, отчуждение, сотрудничество и конфронтация, конвергенция и дивергенция на основе традиционных и либеральных ценностей. Хронология дипломатических отношений в период с 1799 по 1825 г. также демонстрирует интенсивность, непрерывность, стремление к восстановлению связей после прекращения отношений, способность к восстановлению диалога. Вместе взятые – это характеристики живой, динамичной, трансформирующейся, сохраняющей жизнестойкость русской культуры как органической системы (культурвитализм).

Кроме того, отметим, что русско-французское взаимодействие носило элитарный характер до 1812 г. и распространялось от столичного к провинциальному дворянству. Степень и интенсивность распространения французской культуры была неравномерна. Наиболее популярной стала бытовая сфера – мода, этикет, кухня, а только затем политические идеи.

Революционные события 1789 г. и Отечественная война 1812 г. не привели к кардинально негативному восприятию культуры Франции, культурное взаимодействие продолжалось и формировало разнообразные варианты рецепции француза в русской культуре в зависимости от исторического контекста, скрытых смыслов, этапа трансформации. В этой связи предлагается резюмировать, что в основе МКК лежат как геополитические обстоятельства, так и ценностные основания, образовательные, экономические, культурные связи между представителями разных народов, потребность обмениваться ценностной информацией.

В XVIII в. Россия синтезировала культуру своей элиты с французской культурой. Подражание сменялось усвоением, затем частичным, дискретным диалогом, а потом и конфронтацией. Столкновение ценностных систем происходило тогда, когда в национальной культуре срабатывали «защитные механизмы», предохраняющие ее от слишком интенсивного инокультурного воздействия. Регулирующие функции в этом случае выполнялись либо правительством, либо ксенофобами. Французское культурное влияние усилилось в результате общеевропейского признания французского языка в качестве политического, а также в результате широкого распространения произведений французских писателей в интеллектуальной и литературной жизни Европы и России.

Опыт осмысления русско-французского культурно-исторического взаимодействия исследуемого периода выявил жизнестойкие позиции русской культуры, способной сохранить жизненные силы в условиях военных столкновений, противостоять Чужому, вернуться к патриотической парадигме (элитарная культура), а также продемонстрировал позитивные варианты и

возможности восстановления коммуникации в кризисные и переломные этапы. Особое влияние на характер культурно-исторического взаимодействия оказала эпоха 1812 г., она дала творческий импульс развитию России и воздействовала на все слои населения. После окончания войны наблюдался расцвет литературы и искусства, публицистики и мемуаристики о 1812 г. На послевоенный период выпадают идейные искания дворянской молодежи, познакомившейся во время заграничных походов с условиями европейской жизни и разочаровавшейся в судьбе крепостнической России.

Русско-французская коммуникация детерминировала тематику обсуждений и дискуссий в русском обществе, мировоззренческое противостояние, влияла на настроения, связанные с ожиданием перемен, все это находило отображение на страницах отечественной периодики. Главной темой публикаций 1815 г. была судьба Франции[270]. Анализ мемуарной литературы и периодики позволил выделить принципы и механизмы, которые содействовали восстановлению послевоенной МКК: 1) геополитический фактор, изменение политической обстановки, начало и прекращение войны; 2) правительственная политика, которая демонстрировала уважительное отношение к французскому народу, подавала пример и сигнал к дальнейшей коммуникации; 3) положительное отношение большей части русской элиты к французам, возобновление культурной галломании; 4) коммуникативная готовность к дальнейшему взаимодействию с французами, продолжение традиции французского гувернерства после войны; 5) доброжелательное отношение в народной культуре к оставшимся французам; 6) взаимное желание русских и французов возобновить торговые и культурные связи; 7) положительные отношения между коммуникантами в послевоенный период.

Это стало возможным благодаря ценностям (религиозность, терпение, галломания), которые были положены в основу культурно-исторического взаимодействия России и Франции. Культурно-историческое взаимодействие

[270]Сын Отечества. Исторический и литературный журнал. Ч. 19. СПб., 1815. Электронный ресурс.

усиливалось в период военных столкновений, заграничных походов, определяло формы коммуникации, формировало стереотипы, актуализировало проблематику Чужого, изучение опыта МКК в кризисных условиях. Указанные векторы дипломатической и культурной коммуникации России и Франции определили динамику последующих взаимоотношений в конце XVIII– первой четверти XIX в. и трансформацию рецепции Чужого.

Анализ ценностных оснований архитектоники культурно-исторического взаимодействия русско-французских межкультурных отношений выявил черты конвергенции и дивергенции русской и французской культур. При этом мировоззренческой доминантой традиционной культуры оставалось православие, а элитарная культура была представлена двумя противоположными типами мировоззрений – либерально-просветительским и консервативно-охранительным. Данные социокультурные особенности способствовали трансформации ценностно-смысловой системы Чужого. В местах соприкосновения субъектов коммуникации возникали моменты выбора Своего или Чужого. Мы отметили, как приверженность ценностно-смысловым конструктам Просвещения, моде, культуре Франции в элитарной культуре, так и ценностное несовпадение традиционной культуры с французской. Ценности православия выступали универсалиями для народной культуры, что определило отношение к Чужому в зависимости от контекста Чужой или враг, или пленный, или в последствии Другой. В элитарной культуре не было ценностно-смыслового единства, она была представлена двумя противоположными дискурсами, и как следствие, каждый представлял Свой круг ценностей. Общество любителей российской словесности, салон Екатерины Павловны, сестры Александра I, консервативной направленности, патриоты С.Н. Глинка, Ф.В. Ростопчин, А.С. Шишков и другие включали французские идеи Просвещения и воспитания в архитектонику Своей культуры, но утверждали приоритет отечественной истории, литературы, выступали за патриотическое воспитание подрастающего поколения. Либеральный лагерь опирался только на ценности просветительского проекта, оставляя за рамками Свое. Аксиологический дискурс культурно-исторического

взаимодействия зафиксировал постоянное движение смыслов, ценностей, идей акторов взаимодействия, их ценностные стратегии (консервативно-охранительные, либерально-просветительские, православно-традиционные), которые помогали переосмысливать как Свое, так и Чужое. Традиционная культура обладала архитектонической устойчивостью в восприятии ценностно-смысловой оппозиции Свой – Чужой, проявляла жизнестойкость в рецепции Чужого, ориентировалась на Свою традицию. Восприятие просветительских ценностей привело к разъединению элитарной и народной культур, разъединило элитарную культуру изнутри. Спор либералов и консерваторов обнаружил аксиологические противоречия стратегий жизнеустройства русской культуры.

Если обобщить представления об архитектонике культурного пространства в направления «горизонталь-вертикаль», то «под горизонтальным аспектом развития культуры…выступают функционально-динамические процессы…во временном развертывании, а вертикаль – сложнейшая матрица отношений между формами и стратами культуры, субкультурными / контркультурными образованиями, т.е. структурно-морфрологический ее срез»[271]. Относительно нашего исследования в горизонтальной плоскости коммуницировали русская и французская культуры. Русская элита взаимодействовала в едином языковом пространстве, народная культура начала взаимодействие в военных условиях. Вертикальная система координат включала взаимодействие между внутренними формами: православное, католическое, либеральное, консервативное, столичное, провинциальное дворянство, крестьяне, мещане, купечество, православные, раскольники и пр. Вместе они создавали коммуникативный контекст и отвечали на внешние сообщения, которые способствовали трансформации ценностно-смысловой системы Чужого. В элитарной культуре – от Чужого к Своему, в народной культуре – от Чужого к Другому.

[271] Дробышева Е.Э. Архитектоника культуры в аксиологическом измерении: автореф. дис. …д-ра философ. наук: 24.00.01. СПб., 2011. С. 13.

2.2 Значение ценностно-смысловой трансформации Чужого для осмысления русско-французской коммуникации конца XVIII – первой четверти XIX в.

Конец XVIII – первая четверть XIX в. – особый период в развитии русской культуры, начало которому положили реформы Петра I. Главным их последствием стало разделение единой до того русской культуры на две культуры: религиозно-народную и элитарно-светскую. Новообразовавшаяся светская культура, главной тенденцией которой стала европеизация, все больше проникала в образованные слои населения, а религиозная часть культуры осталась характеристикой культуры народной.

Новыми явлениями, отсутствовавшими в русской традиционной культуре, стали библиотеки, общедоступный театр, музеи (первый из них – Кунсткамера), Академия наук, парки, дворцовая архитектура, основными проводниками которых была Франция. Вместе взятое это создавало светскую жизнь русского общества.

Культура, формировавшаяся на фоне неоднозначных политических отношений России и Франции, тоже развивалась как противоречие между «просвещенным» меньшинством (культурной элитой, дворянством) и консервативно настроенным большинством («непросвещенной» массой, купечеством, народом).

Особенностью русской дворянской культуры данного периода является расцвет эпистолярного жанра (письма, мемуары, дневники). Литература и литературная критика, перенявшая идеи французского Просвещения, оказывают влияние на философию, общественно-политическую мысль, искусство, нравственные и религиозные искания.

В целом для России XVIII – первой четверти XIX в. характерны напряженность, динамизм, борьба противоположных тенденций как в общественно-политической, так и культурной сферах.

В русской дворянской и народной среде восприятие француза было различным и зависело от многих условий, в том числе и от конкретных

исторических событий, официальной пропаганды, личного опыта, заинтересованности коммуникантов, стереотипов восприятия и т.д.

В этой связи для реконструкции и рецепции Чужого в работе использовались следующие источники: официальные документы, частная корреспонденция, всевозможные дневники и мемуары. Однако эти письменные свидетельства отражали представления достаточно узкого слоя общества, в основном дворян и мещан, так как более 85% населения России начала XIX в. оставалось безграмотным. Для создания целостной картины восприятия нами также рассматривались такие примеры народного творчества, как анекдоты, высказывания, частушки, народные песни, пословицы. В число источников был включен такой жанр искусства, как карикатура военного времени.

Отношение к Чужому внутри дворянства было избирательным. Столичное и провинциальное, либеральное и консервативное дворянское общество оценивало французов неоднозначно. В народной культуре до 1812 г. восприятие француза обобщено и стоит в ряду с остальными иностранцами.

В первой четверти XVIII в. и до революции 1789 г. французы в русской дворянской культуре воспринимались исключительно как просветители, энциклопедисты, гувернеры. Основными факторами восприятия Чужого являлись благосклонная внешняя политика по отношению к Франции со стороны Петра I, Елизаветы Петровны, Екатерины II, личный пример правителей, которые определяли моду и задавали тон в обществе.

Заграничные поездки русских дворян во Францию, непосредственное знакомство с культурой формировали положительное отношение ко всему французскому. Домашнее воспитание, основанное на знании французского языка, гувернеры-французы в дворянских домах, французские учителя в дворянских корпусах – внутренние факторы, определявшие бытовую галломанию на данном этапе.

Более того, в XVIII в. число французов, проживающих в России, выросло. «По спискам французов, принесших присягу королевской власти в России 1793 г., в Петербурге проживало 786 взрослых подданных французского короля, из

которых 97 были гувернерами (в их числе 12 женщин). Это одна из первых по численности профессия среди французов. Кроме того, большинство французов, проживавших в провинции – около 650 человек на 1793 г. – занималось преподаванием в семьях…Образованные гувернеры чаще всего попадали в семьи аристократии, в то время как малообразованные оседали в семьях среднего и мелкого дворянства, в том числе провинциального…»[272].

По подсчетам Т.Ю. Загрязкиной, «французов» в широком смысле слова (то есть тех, кто относился к франкоязычной культуре, это могли быть выходцы из Эльзаса, Лотарингии) на пике галломании в России было около трех тысяч человек. Например, для сравнения немцев было 12 тысяч человек, но спрос на учителей был настолько велик, что француз любой профессии быстро переквалифицировался в гувернера[273].

В это время для дворянства француз перестал быть абсолютно Чужим, его восприятие коррелируется как Свое – Чужое – Наше («наши французы»). В основном, русское дворянское общество на протяжении второй половины XVIII – начала XIX в. проникнуто настроениями благоговения перед французами, это пик галломании.

Одновременно с идеализированным образом существовало и альтернативное отношение к французам. В «Письмах от Стародума» Д.И. Фонвизин пишет: «…француз пустоголовый, из побродяг самая негодница…вселял в сердца наши ненависть к отечеству, презрение ко всему русскому и любовь к французскому…надменен, хвастлив и неблагодарен…»[274]. Схожие мысли встречаются у А.И. Крылова в произведении «Мысли философа по моде, или Способ казаться разумным, не имея ни капли разума». Автор иронично заметил, что «французские учители многие очень хорошо делают, что питомцев своих учат играть в карты… мы обязаны оными тем снисходительным французам, которые, кончив на галерах свой курс философии, приехали к нам образовать

[272] Ржеуцкий В.С. Французские гувернеры в России XVIII в. Результаты международного исследовательского проекта «Французы в России». Электронный ресурс.
[273]Загрязкина Т.Ю. Следы Франции в России.
[274] Фонвизин Д.И. Разговор у княгини Халдиной. Письмо от Стародума. Москва, февраля, 1788// Сибирь. Журнал писателей России 380/3. 2020 № 3. С.7.

наши нравы»[275]. В литературно-художественных произведениях отмечены оттенки и коннотации восприятия Чужого. Можно отметить, что идеализацию Чужого дополняло критично-ироничное отношение к французу.

В народной культуре в конце XVIII в. образ француза не дифференцирован. Его относят ко всем Чужим. Интересную особенность отметили А.В. Чудинов, Е.С. Березкина, что все французское воспринималось как Чужое, так как принадлежало не столько иностранному, сколько к Чужому миру дворянской культуры – французский язык, французская кухня, французская мода[276]. Народная культура осталась равнодушна к французам, они «немые», то есть не говорят по-русски. Символично и место их заселения, так французская колония в Москве с 1789 г. селились в Немецкой слободе[277].

Революция 1789 г. заставила многих дворня пересмотреть настроения галломании в России, француз больше не мог считаться цивилизованным европейцем, а Франция – центром европейской цивилизации. Екатерина II свела до минимума контакты с Францией, ввоз французских газет, брошюр из Франции был запрещен. В русские порты был запрещен вход судам под французским трехцветным флагом. Все французы, проживающие в России, обязаны были принести присягу «на верность» и дать обещание прервать «всякие сношения с одноземцами…, повинующимися нынешнему незаконному и неистовому правлению»[278]. В дворянском обществе кардинально поменялся дружелюбный тон, показательным в этом отношении стало письмо государственного деятеля В.П. Кочубея к графу С.Р. Воронцову от 10 июля 1794 г.: «Я ненавижу французов более, чем когда бы то ни было, и если Вы меня видали сочувствующим революции, то теперь я весьма сочувствую контрреволюции»[279]. Это одна из

[275] Крылов А.И. Мысли философа по моде, или Способ казаться разумным, не имея ни капли разума. Электронный ресурс.
[276] Чудинов А.В. С кем воевал русский мужик в 1812 году? Образ врага в массовом сознании». С.353. Электронный ресурс.
[277]Загрязкина Т.Ю. Французская колония в Москве // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 3. Электронный ресурс.
[278]Цит. по: Бочкарев В.Н. Екатерина и Франция // Отечественная война и русское общество. Т. I. Электронный ресурс.
[279]Там же.

реакций на произошедшие события во Франции, было также и участие, и сочувствие к французским роялистам, и интерес к революционным идеям.

Во время военных кампаний 1798–1799 гг. в фольклоре впервые появляется образ француза как врага. «Безбожные французы казнили своего короля и начали губить и резать друг друга…французы – народ очень храбрый и искусный на войне…»[280]. В народных солдатских преданиях о переходе Суворова через Альпы французы «нехристи», враги христианской веры, «православное воинство» борется с «безбожным неприятелем»: «…дедушка [Суворов] просит солдат читать молитвы и окрестить себя крестным знамением, чтобы победить хитрого черта, который помогал французам за сто душ наших пленных»[281].

Для того, чтобы не допустить «дух якобинства» и «революционной заразы» в Россию, Павел I запретил все, что напоминало Францию: фраки, круглые шляпы, трости. За иностранцами был установлен надзор. Эти меры должны были устранить влияние «мятежной» Франции[282]. В период 1796–1801 гг. Франция несколько раз меняла дипломатический статус по отношению к России, становилась и противником, и союзником. Политические перемены не изменили в дворянской культуре уважительного отношения к французам. Французским роялистам, пострадавшим от революции, в России оказывали покровительство. Так, в 1797 г. в России приняли принца Конде и до семи тысяч французских эмигрантов, изгнанный претендент на французский престол Людовик XVIII нашел убежище в России и получил годовое содержание 200 тысяч рублей[283]. Эти примеры демонстрируют стабильность культурной рецепции восприятия Чужого относительно политической конъюнктуры.

Изменение внешнеполитического курса России, официальная идеология в отношении захватнической политики Наполеона привели к появлению феномена политической галлофобии. Можно отметить, что восприятие Наполеона в русской культуре вызывало особый интерес и постоянно трансформировалось. В период

---

[280] Екатерининские подвижники. Суворов – великий русский полководец. Анекдоты о Суворове // Святая Русь или Всенародная история великого российского государства IX–XIX вв. С.412–413.
[281]Чудинов А.В. С кем воевал русский мужик в 1812 году? С.354.
[282]Клочков М.В. Павел и Франция //Отечественная война и русское общество. Т. I. Электронный ресурс.
[283]Там же.

1801–1803 гг. Наполеон – непобедимый герой, талантливый полководец, гениальный человек. Героический образ Наполеона распространялся на его непобедимую армию. Французы вызывали подлинный восторг, они просветители, победители, идеологи основ европейской цивилизации. Но войны 1805–1807 гг., агрессивная внешняя политика Наполеона вызвали разочарование в русском обществе и изменили восприятие талантливого полководца и его солдат.

В общей сложности в России были проведены две антинаполеоновские пропагандистские кампании – в 1806–1807 гг. и в 1812–1814 гг. В годы Тильзитского мира негативные высказывания в адрес Наполеона и наполеоновской Франции были строго запрещены. В конце XVIII в. – начале XIX в. антинаполеоновская литература не выходила. Особенность данного периода – комбинация политической галлофобии и культурной галломании дворянства. Отметим, что и в дворянских кругах тоже было противостояние французскому влиянию в лице националистов, консерваторов, галлофобов. Они призывали к патриотизму и переоценке роли французов в русской культуре. Государственный деятель Ф.В. Ростопчин называл Бонапарта «великим проходимцем», критиковал «французолюбцев». Консерваторы критиковали французов, но признавали их просветительскую и образовательную роль. Культура Франции прочно вошла в жизнь столичного и провинциального дворянства. В началеXIX в. в домашних театрах ставили пьесы французских авторов на французском языке, в постановках принимали участие как взрослые, так и дети.

Революционные события Франции способствовали восприятию француза как революционера, якобинца, возмутителя устоев. Этот парадокс охарактеризовал Ю.М. Лотман: «Отношение к Франции было чрезвычайно сложным, особенно в период революции и Наполеоновских войн и связанного с ним патриотического подъема. Здесь сталкиваются восторженное отношение к идеям революции, либеральное стремление отгородить деятелей Просвещения от якобинцев и консервативно-националистическая тенденция объявлять Французскую революцию неизбежным следствием всей французской культуры

(Шишков, Ростопчин)»[284]. Официальная идеология начала конструировать ценностно-смысловое пространство вокруг Наполеона. В 1806 г. духовенство зачитывало в храмах после воскресной литургии объявление Святейшего Синода, в котором Наполеон именовался не иначе как «неистовый враг мира и благословенной тишины… Всему миру известны богопротивные его замыслы и деяния, коими он попирал законы и правду… во время богопротивной революции...»[285].

После заключения Тильзитского мира в 1807 г. политический вектор в отношении Франции вновь изменился. Этот мир привел к сближению России и Франции. Восприятие Наполеона и французов в положительном контексте стало важным с точки зрения официальной идеологии. В период 1808–1810 гг. продавали книги о Франции, французах, Наполеоне с дружественным содержанием. Официальной идеологии был нужен положительный образ союзника. Поэтому в культуре, возможно, различать восприятие Чужого, сконструированное идеологией, конъюнктурное, официальное и то, что рождается в результате непосредственной коммуникации во время войн, торговли, путешествий.

Несмотря на правительственные установки, именно в этот период усиливаются патриотические и консервативные тенденции в понимании Чужого. Это был ответ консерваторов, их позиция. В 1807 г. вышла в свет книга Ф.В. Ростопчина «Мысли вслух на Красном крыльце ефремовского помещика, Силы Андреевича Богатырева», которая обличала увлечение галломанией дворянства. Повесть Ф.В. Ростопчина «Ох, французы!» была написана в этом же году. Француз в книгах Ф.В. Ростопчина представлен нарочито обыденным языком: «да что за народ эти французы! копейки не стоит! смотреть не на что, говорить не о чем. Врет чепуху; ни стыда, ни совести нет… За которого ни примись – либо философ, либо римлянин, а все норовит в карман; труслив как заяц, шалостлив как кошка; хоть не много дай воли, тотчас и напроказит…в французской всякой

[284] Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. С.232.
[285] Цит. по: Василик В. Образ Наполеона Антихриста в русском общественном сознании первой трети XIX века. Электронный ресурс.

голове ветряная мельница, гошпиталь и сумасшедший дом. На делах они плутишки, а на войне разбойники»[286]. В произведениях Ф.В. Ростопчина совпали мировоззренческие линии консервативного дворянства и народной культуры.

Отметим, что объявление Святейшего Синода (1806 г.) и повесть Ф.В. Ростопчина (1807 г.) появляются почти одновременно и формируют негативное восприятие персонализированного и усредненного француза соответственно. В этот период можно наблюдать одновременное раскачивание культурного маятника от галломании к галлофобии в дворянской среде. Дальнейшую оппозицию галломанам составили литературное общество «Беседа любителей российской словесности» (А.С. Шишков, А.Г. Державин) и тверской салон великой княгини Екатерины Павловны. Великая княгиня говорила и писала по-русски хорошо, что было большой редкостью в дворянской среде конца XVIII – началаXIX в.[287]

В продолжение патриотических настроений С.Н. Глинка с 1808 г. начинает издавать журнал «Русский вестник», граф Ф.В. Ростопчин предоставлял средства на его издание. В патриотическом журнале отношение к Западу, особенно к французам, негативное. По мнению основателя журнала, именно французы – враги русской самобытности.

Приведенные выше факты подтверждают наши размышления о том, что рецепция и трансформация Чужого влияет на восприятие собственной культуры, приобщает к мысли об исключительности своей культуры, формирует патриотические настроения.

Народное отношение к Чужому можно проследить по следующему эпизоду, который приводит П.А. Вяземский в своей «Старой записной книжке»: «Когда узнали в России о свидании императоров, зашла о том речь у двух мужичков. «Как же это, – говорит один, – наш батюшка православный царь мог решиться сойтись с этим окаянным, с этим нехристем? Ведь это страшный грех!» «Да как же ты, братец, – отвечает другой, – не разумеешь и не смекаешь дела? Наш

---

[286] Ростопчин Ф.В. Мысли вслух на Красном крыльце. М., 2014. С.423.

[287]Бочкарев В. Н. Консерваторы и традиционалисты в России в началеXIXвека // Отечественная война и русское общество. Т.II.

батюшка именно с тем и велел приготовить плот, чтобы сперва окрестить Бонапартия в реке, а потом уж допустить его пред свои светлые царские очи»[288].

Подобные настроения о Бонапарте и французах звучали и в дворянской культуре. Известный общественный деятель первой половины XIX в. Ф.Ф. Вигель охарактеризовал французов как «несносных»[289]. «Для них забавы потребны, как воздух, им приятны ум и ласковое обхождение… Характер французов давно известен: природа в каждого из них влила много добра и зла и все это переболтала так, что трудно отделить одно от другого»[290].

Известный публицист начала XIX в. Н. Греч отмечал, что для французского народа характерны легкомыслие и притворство, патриот С.Н. Глинка дал следующую характеристику французов: «Французам надобно лишь пить и балагурить. Если им дать вволю кружиться в вихре рассеянности и забавляться погремушками, они перестанут лезть в дипломатические и политические потемки»[291]. Накануне наполеоновского похода в Россию видный политический деятель С. Уваров писал, что «во французах присутствует прекрасная храбрость, невыразимая смесь веселости и отваги, легкость и остроумия, то, чем всегда Франция пленяла русских»[292]. Подобные характеристики можно встретить и у официальных лиц. Так, судья Саратовской конторы Лодыженский жаловался на «легкомысленность народа», на то, что французы оказались не способны к доброму домостроительству и что они «ушли искать счастья…благо французский язык обеспечивал им гостеприимный приют в помещичьих захолустных семьях»[293].

Межкультурная коммуникация трансформировала восприятие французов, добавляла оттенки, создавала творческое пространство для рецепции Чужого. В целом можно отметить, что характеристики восприятия француза русским обществом периода 1807–1812 гг. подтвердили отсутствие некоторой

---

288 Вяземский П.А. Старая записная книжка. Ч.1.
289Вигель Ф.Ф. Записки. München, 2005.С. 327.
290Вигель Ф.Ф. Записки. С. 326.
291Цит. по: Николаева Ю.В. Русские и французы друг о друге. Исторические корни национальных стереотипов // Русская и европейская философия: пути схождения. Электронный ресурс.
292Там же.
293 Цит. по: Загрязкина Т.Ю. Следы Франции в России.

срединности в восприятии Чужого в русской культуре. Официальная идеология, патриотические настроения дворянского общества, политические события, среди которых особое место принадлежало Тильзитскому миру, выступили факторами трансформации Чужого как в дворянской, так и в народной культуре накануне войны 1812 года.

Военные события 1812 г., последующие заграничные походы русской армии оказали влияние на формирование революционно-либеральных настроений в дворянской среде. Непосредственное знакомство с послевоенной Францией влияло на ценностные сдвиги в дворянском обществе, породили определённые надежды на перемены и в первую очередь на отмену крепостного права, что в конечном итоге вылилось в восстание 1825 г.

Отечественная война 1812 г. стала рубежом в трансформации Чужого (француза). Народная культура получила возможность непосредственно оценить Чужого (врага, пленного, французского обывателя, солдата), часть дворянства смогла переосмыслить семантику, значение и роль французов в Своей культуре. В силу привычки от бытовой галломании не отказались, интерес к Франции, французам их культуре в дворянской среде по-прежнему оставался значительным.

Французы вызывали неприязнь и враждебность после нашествия в Россию и захвата Москвы не только у простого народа, но и у дворянства. Таким образом, война способствовала переоценке ценностей, трансформации восприятия француза, обращению к Своему, что было не свойственно большей части русского дворянства.

Князь Ф.В. Ростопчин продолжил патриотическую тему в «Афишах 1812 года, или дружеских посланиях от главнокомандующего в Москве к жителям ее». Он усилил насмешку и критику в адрес французов в этих воззваниях: «ведь солдаты-то твои карлики да щегольки; ни тулупа, ни рукавиц, ни малахая, ни онуч не наденут»[294]. Герой Ростопчина Сила Андреевич Богатырев в пленном французе увидел: «…мелочь, худерба! Любым в курилку играй…настоящий народ

[294] Ростопчин Ф.В. Афиши 1812 года, или Дружеские послания от главнокомандующего в Москве к жителям ее // Мысли вслух на красном крыльце. М., 2014. С.148

заморский». Война позволила увидеть француза без лоска, жалкого, пленного, убогого, но то же время в письме Силы Андреевича Богатырева встречается опасение: «…чтоб пленных-то не разобрали по домам в учители. Вот уж будет беда»[295]. Несмотря на военное время, француз по-прежнему ассоциировался с образованностью, просветительством, гувернерством.

Это наводит на мысль об устойчивости и стабильности культурного восприятия Чужого, которое коррелируется на незначительное время военно-политическими событиями, затем вновь возвращается к ранее созданной устойчивой конструкции.

Несомненно, война 1812 г. внесла определенные модификации и изменила образ просвещенного француза, особенно в женской дворянской культуре. В письмах 1812 г. московской дворянки М.А. Волковой к В.И. Ланской встречаем описание быта французских солдат: «Если желаешь составить понятия об образованнейшем народе, называющем нас варварам, прими к сведению, что во всех домах, где жили французские генералы и высшие чины, спальни их служили чуланами, конюшнями и кое-чем похуже. У Валуевых …так дом отделали, что в нем дышать нельзя…а эти свиньи тут жили», –вспоминала М.А. Волкова в письме из Тамбова от 27 ноября 1812 г.[296] Фрейлина императрицы обращает внимание и на «прелестный характер» французов: «…сержусь на тех, кто заговаривает с французами, от которых дождешься только дерзостей. Когда их отщелкают, они тотчас осядут и становятся низкопоклонными…»[297]. Французы в письмах М.А. Волковой развращенные, порочные «…в скверных книгах их почерпнули мы все дурное»[298].

Московское родовитое семейство Волковых на время войны переехало в Тамбов. Галлофобия охватила дворян, горожан и все сословия этого провинциального города: «…чернь чуть не побила камнями одного немца, приняв его за француза…французский язык изгнан, крестьяне …только услышат, что говорят на иностранном языке, сейчас скорчат грозную гримасу…В

[295]Там же.
[296]Письма 1812 года М. Волковой к В. Ланской. Электронный ресурс.
[297]Там же.
[298]Там же.

Москве…французы не осмеливались показываться на улицах: их побивали камнями … если, забывшись начинали говорить по-французски, мужики спрашивали их, не из тех ли они негодяев, которые грабят Россию и Москву?»[299]. Народная культура в восприятии Чужого в военное время не проявляла дипломатичности и толерантности.

Дворянки М. А. Волкова и В. И. Ланская по традиции вели переписку на французском языке, это объяснялось этикетными нормами времени, вошло в привычку и не вызывало удивления участниц переписки.

Война изменила восприятие француза, дополнила его негативными оттенками, но несмотря на это, французский язык в дворянском обществе не воспринимали как язык врага. Вместе с тем галлофобия носила, скорее, поверхностный, демонстративный характер, так как светское общество сохраняло приверженность французской культуре. Сын потомственной аристократки М.М. Тучковой писал ей письма на французском языке, в то время как его отец погиб на Бородинском поле.

Отметим дифференциацию восприятия французов в дворянской среде. Так, столичный Петербург ориентировался на европоцентричность, Москва демонстрировала приверженность консервативной тенденции, патриотизм и галлофобию. В Петербурге, по воспоминаниям московской дворянки М.А. Волковой, во время войны петербуржцы посещали французский театр. Она пишет в письме от 17 сентября1812 г.: «И на кого смотрите вы? На французов, из которых каждый радуется нашим несчастьям»[300].

Мы согласны с мнением Т.А. Шанской, что во время войны для петербургской аристократии французская культура оставалась «собственной культурой», одним из ее маркеров была родная речь, национальный язык. Даже такие патриоты как А.С. Шишков, Ф.В. Ростопчин, М.А. Волкова дома разговаривали на французском языке. Они писали письма на французском языке,

[299]Там же.
[300]Письма 1812 года М. Волковой к В. Ланской. Электронный ресурс.

в которых ругали французов. Француз в дворянской культуре не стал абсолютно Чужим, даже во время войны.

Круг источников о данном периоде обширно представлен мемуарной литературой дворянства. Например, с 1830 по 1850 г. было опубликовано около сотни дворянских мемуаров[301].

Наряду с анализом литературных источников образованного «меньшинства» в наши задачи входит выявление значения трансформации для русского общества, русско-французской коммуникации. Как воспринимала француза культура «безмолвствующего большинства»? Для данной цели был использован фольклор – тексты устной традиции, созданные народными массами и отражавшими их мировосприятие. Изучение фольклора о войне 1812 г. в данном ракурсе представляется особенно перспективным. Исследователь А.В. Чудинов отметил, что «письменная фиксация произведений народного творчества была поставлена на регулярную основу российскими этнографами и фольклористами именно в первой половине XIX в., когда еще живы были очевидцы наполеоновского нашествия»[302]. Записи фольклорных текстов об Отечественной войне 1812 г., полученные «из первых уст», – от ее современников, представляют мировоззренческую ценность. Еще один жанр фольклора – историческая песня переживала свой расцвет после военных событий.

Анализ фольклора о войне 1812 г. помогает реконструировать представления народной культуры о Чужом, который во время войны всегда враг. Но даже враг может удивлять, восхищать, вызывать уважение.

Анализ источников помогает выявить восприятие француза в среде крестьян, мещан, провинциального духовенства, купечества на основе воспоминаний очевидцев событий. Собирательница рассказов Т. Толычева записала редкие рассказы очевидцев разных сословий. Ей удалось собрать более 30 историй о событиях Отечественной войны. Рассказы эти отличает простота,

[301]Острейковская Н.В. «Невоенная» история войны в записях Е. В. Новосильцевой (Т. Толычевой) // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. 2009. Т. 9, вып. 4. С.67.
[302]Чудинов А.В.С кем воевал русский мужик в 1812 году? С. 337.

искренность, что, в свою очередь, создает картины происходящего, ценностные переживания как русских, так и французов. Народная культура по отношению к Чужому была настроена категорично настолько, что знание французского языка позволяло отграничить Своего от Чужого. Генерал-лейтенант Д.В. Давыдов вспоминал, что во время войны крестьяне принимали их за французов по внешним атрибутам. Он приводит диалог в «Дневнике партизана»: «Отчего Вы полагали нас французами? ... «Да вишь родимый, (показывая на гусарский мой ментик)…бают, на их одёжу схожо». …разве я не русским языком говорю? ... тогда я узнал, что в Народной войне должно не только говорить языком черни, но приноравливаться к ней и в обычаях, и в одежде. Я надел мужичий кафтан, стал опускать бороду…и заговорил с ними языком народным»[303].

В рассказах обывателей представлено разноплановое восприятие Чужого. Очевидцы оценивают французов двойственно. Можно встретить такие характеристики, как мародеры, злодеи, псы, так и жалостливые – «жалко их сердечных… не своею волею шли»[304].

В большинстве историй, в силу военного времени, упоминаются негативные коннотации – мародеры, злодеи; картины грабежа, бесчинства представлены во всех мемуарах очевидцев. Об этом свидетельствует воспоминание дворянки. «Целая толпа ворвалась в монастырь и давай грабить… Это они злодеи, притащили наших вешать: зажигателей…Хватали кто под руку попался…накинули им веревку на шею …у злодеев не дрогнула рука»[305]. Купец А. Д. Сысоев описывал: «Приходили к нам французы …что им попадется, то отымут, и все отдавали свое добро, лишь бы голова на плечах осталась …они с ружьями, да саблями, а мы с голыми руками»[306]. Мещанин П. Кондратьев описывал грабежи и отметил, что в начале французы были шутливого нрава, но

[303] Давыдов Д.В. Дневник партизана. СП., 2012. С.51

[304]Толычева Т. Французы в Горенках // Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. М., 1872. С.54. Электронный ресурс.

[305] Толычева Т. Рассказ дворянки Анисьи Павловны Полуярославцевой. С.53.

[306] Толычева Т. Рассказ Апполона Дмитриевича Сысоева из купеческого звания. С.13.

под конец приуныли: «…не пошло в впрок наше добро. И сам Бонапарт … сидел бы дома, так верней бы было»[307].

Русские крестьяне воспринимали французов как людей веселого нрава, шутников, проказников и любителей вина. Бывшая крепостная крестьянка А.А. Сазонова, как и все очевидцы, вспоминает грабежи, учиненные французами. «Они безжалостно грабили кладовые, сундуки рубили саблями и ловили женщин. Это бесчинство было остановлено догадкой дворового человека, который вынес из погреба вино и закричал: «Мусье, камрад, камъ ля… Как французы увидали вино, бросили женщин…осушили бутылки и принялись уписывать окорок ветчины …Хоть бы псам подавиться этою ветчиной. Нечто ее про них, окаянных, готовили»[308]. Француз воспринимается как вор, грабитель, мародер. В то же время негативная рецепция перекликается с восприятием пленного француза, его уже жалко. Подобное настроение описала жена священника Марья Степановна Никольская: «Как нахлынут бывало неприятели, так своими руками кажется перевешала бы, а возьмут их в плен, так и злоба на них пропадет»[309]. В основе такого отношения к врагу лежат ценностные константы русской культуры (православные ценности, жалость к врагу, терпение). Такие же умонастроения встречаются у многих очевидцев: «А они сердечные, чем виноваты?»[310]. «Вижу куда поволокли бедного француза…»[311]; «…ведь они тоже не звери какие»[312]; «Ведь не своею волею шли, – говорили крестьяне, – нас пошлют, так и мы пойдем. Люди тоже подневольные …Ишь, сердечные, все в крови, да как умаялись. Говорили бабы и угощали их также, Христа ради, чем Бог послал»[313]. В сборнике анекдотов Ф.М. Синельникова описан случай, когда русские солдаты отдают свою кашу пленным французам. Несколько солдат сказали: «Ребята, что нам стоит день не поесть. Уступим наше горячее бедным пленным французам…

---

[307] Толычева Т. Рассказ мещанина Петра Кондратьева. С.22.

[308] Толычева Т. Рассказ Набилкинской богоделенки Анны Андреевны Созоновой, бывшей крепостной Василия Титовича Лепехина. С.30.

[309] Толычева Т. Рассказ попадьи Марии Степановны Никольской.С.37.

[310] Толычева Т. Рассказ Набилкинской богоделенки Анны Андреевны Созоновой, бывшей крепостной Василия Титовича Лепехина. С.32.

[311] Толычева Т. Рассказ дворянки Анисьи Павловны Полуярославцевой.С.14.

[312] Толычева Т. Разкащик ранний священник церкви Филиппа митрополита на 3-й мъщанской, Федор Иванович Левицкий. С. 47.

[313] Толычева Т. Французы в Горенках. С.53–54.

французы не могли скрыть своего удивления…видя в русских воинах такое человеколюбие…»[314].

Представленные свидетельства отличают мотив жалости к врагам, сами очевидцы оказываются в тяжелых военных условиях, но страдания врага вызывают жалость, сострадание к нему. Это свойство жизнестойкой культуры, которая не замыкается на Своих переживаниях, но готова сочувствовать, сопереживать и оказать помощь. Эту особенность отметил Н.О Лосский, когда анализировал ценности русского народа. «Доброта русского человека свободна от сентиментальности, т. е. от наслаждения своим чувством, и от фарисеизма: она есть непосредственное приятие чужого бытия в свою душу. И защита его, как самого себя»[315].

Восприятие Чужого (француза, врага) в рассказах обывателей первой четверти XIX в. не всегда однозначно негативное, что свидетельствует о его трансформации из Чужого в Другого (то есть не такого, который был ранее) вследствие непосредственного, массового контакта.

Обыватели отмечали храбрость француза: «молодец, бравый такой», «дрались храбро нечего сказать, молодцы…». Очевидцы вспоминали и веселый нрав, и шутливость французов: «…веселый народ нечего сказать… Раз встретился мне француз: ехал верхом и каску держал в руке, а на голове у него кокошник. Едет, подбоченясь, … а сам смеется»[316]. В воспоминании мещанина Петра Кондратьева упоминается шутка французов: «Шутники такие были. Принесли бочонок спирта и отца угощают, а сами переглядываются. Отец не стал пить: «Это говорит не добре». Расхохотались они, что русский-то догадался»[317].

Анализ рассказов обывателей демонстрирует две тенденции, с одной стороны, это всегда негативное восприятие француза-завоевателя, захватчика, но с другой стороны – понимание того, что эти французы «люди подневольные», к пленным французам русские проявляли сострадание, милосердие и сочувствие.

---

[314]Синельников Ф.М. Анекдоты достопримечательнейших произшествий. Ч.1. С. 61–62.
[315] Лосский Н.О. Доброта русского народа // Условия абсолютного добра. М., 199. С.291.
[316] Толычева Т. Рассказ Апполона Дмитриевича Сысоева из купеческого звания. С.16.
[317] Толычева Т. Рассказ мещанина Петра Кондратьева. С.22.

Двойственность культурной антитезы Свой – Чужой преобразуется в троичность Свой – Чужой – Другой (не такой, как ранее).

Непосредственная коммуникация формировала образ Чужого в народной культуре. Эти рассказы представляют интерес с точки зрения МКК, так как в них зафиксировано восприятие как Чужого, так и самих рассказчиков.

В воспоминаниях упоминается о том, что пленные французы оставались и «век у нас свековали», хорошо выучили русский, были хорошими работниками, следовательно, становились Другими: «Здоровенный старик, иного молодого за пояс заткнет, как его имя не знаю, все зовут его Французом, и все его любят. Добрый он такой, и веселый», – вспоминал священник Федор Иванович Левицкий[318].

Рассказы очевидцев о 1812 г., собранные Т. Толычевой, представляют воспоминания духовенства, купечества, мещан, крестьян. Их истории объединяют одинаковые настроения в отношении к Чужому – от неприязни (воры, злодеи, грабители, псы) до жалости, когда враг становится пленным («сердечные», «жалко их»). Отношение к французу коррелировалось в случае преобразования статуса Чужого. В условиях военного времени в народной культуре жестко действовала граница в отношении Чужого – враг, и соответственное к нему отношение, до перехода врага за границу– пленный. Никто не вспоминал про злодеяния французов, если они попадали в плен. «Кто в женском капоте, кто подвязал уши полотенцем, кто в поповской ризе, у иного одна нога босая, другая в сапоге…сердце сжалось над ними»[319].

Традиционная культура принимала французов, оставшихся после войны, и включала их в круг своего общения по принципу «….и все его любят»[320]. Культура народа демонстрировала быстрое восстановление доброжелательного отношения к врагу после войны, основанное на благосклонности, сердечности,

---

[318]Толычева Т. Разкащик ранний священник церкви Филиппа митрополита на 3-й мъщанской, Федоръ Иванович Левицкий.С.48.
[319] Толычева Т. Рассказ Апполона Дмитриевича Сысоева из купеческого звания. С.15.
[320] Толычева Т. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. С. 48.

приветливости, «душевной мягкости русского человека, одинаково часто встречающейся и у простолюдина, и во всех слоях общества»[321].

В народной культуре образ француза трансформировался по принципу модели Свой – Чужой – Другой. Иногда Чужой оставался Чужим, враждебным без компромиссов. Очевидцы 1812 г. вспоминали: «…мы малолетки… распустили слух, что французы народ драчливый и что по сему их надо бить, где бы только они ни встретились…»[322]. В одном из писем Ф.В. Ростопчин упоминает, что «народ бодр и зол на французов. Вчера на немецком рынке прибили француза за то, что он дурно говорит по-русски»[323]. По воспоминаниям финляндского студента Э.Г. Эрстрема, проживавшего летом 1812 г. в Москве: «иноземцам весьма оказалось опасно даже выходить на улицу. Едва кто-либо услышит нерусскую речь, либо обнаружит говорящего по-русски плохо, тотчас возникает опасность, что такового сочтут французом»[324]. Среди русского народа армия Наполеона воспринималась как армия дьявола. В солдатской переписке И.Н. Скобелев называет Наполеона «чернокнижником Бунапартом», французских солдат – «колдунятами»[325].

Война 1812 г. была одним из тех масштабных событий, которые затронули, прямо или косвенно, всё российское общество и нашли отражение во всех формах духовной культуры. Впервые в истории страны борьба с врагом стала делом не только армии, но и всего народа. Российское общество, будучи социально неоднородным, продемонстрировало беспрецедентный по тем временам всеобщий патриотизм. Все социальные группы общества воспринимали войну как общенациональное бедствие, с которым можно справиться только «всем миром». Поэтому практически все современники, оставившие воспоминания об Отечественной войне 1812 г., единодушно вспоминали единение общества в целях защиты Отечества. Интеграция русского общества трансформировала в том

---

[321]Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. С.289.
[322] Кашин А.Г. Соликамск в 1812 году и пленные французы // Пермские губернские ведомости. 1869. № 20-21. С. 9. Электронный ресурс.
[323]Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников. (1812–1815 гг.). СПб., 1892. С.60. Электронный ресурс.
[324] Цит. по: Ростопчин Ф.В. Мысли вслух на Красном крыльце. С. 60.
[325]Агронов Л.И. Восприятие событий Отечественной войны русским простонародьем. Электронный ресурс.

числе внутренние коммуникации между элитарной и народной культурой, выявила общие точки соприкосновения и сближения.

Однако общенациональные патриотические настроения, конечно, не могли привести к нивелированию мировосприятия людей, принадлежавших к разным сословиям. Каждое сословие формировало собственное восприятие Чужого. На основе этой рецепции оценивало и социум, и людей этого социума. Аксиологические сословные различия наиболее ярко проявились в ходе войны по отношению к пленным французской армии.

Для дворянства французы были врагами только на поле боя, военнопленных же наполеоновской армии воспринимали почти как жертв войны, достойных сожаления и участия. Это можно объяснить беспрецедентным влиянием французской культуры, которое дворянское общество испытывало на протяжении XVIII – первой четверти XIX в. Народное сословие не испытывало к поверженным врагам такой безграничной симпатии.

Считается, что в русском народе основными чертами были религиозность, жертвенность, аскетичность (по Н.А. Бердяеву)[326]. Однако многие исследователи русского национального характера, включая современных, разделяют мнение Г.П. Федотова, который считал, что схема русской личности – эллипс с двумя разнозаряженными центрами, между которыми развертывается постоянная борьба – сотрудничество: смирение, терпимость, высокая степень толерантности, с одной стороны, и нетерпимость, переходящая в фанатизм – с другой[327].

Русский философ Н.О. Лосский также писал о доброте как основополагающей черте характера русского народа, но при этом отмечал страстность русских людей, крайние формы которой – максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость, исступленная религиозность и непримиримый нигилизм[328].

Исследовательница М.Е. Захарова дополнила, что «толерантность горожан и крестьян не была аналогом христианской заповеди «возлюби врага своего … не

[326] Бердяев Н.А. Душа России // Судьба России. М., 2007. С.63–64.
[327] Федотов Г.П. Письма о русской культуре //Судьба и грехи России: в 2 т. Т. 1. СПб., 1991. С. 172.
[328] Лосский Н.О. Доброта русского народа С. 289–290.

было и целенаправленной жестокости в обращении с бывшими врагами. Однако мнение о природном добродушии и ″милости к падшим″ как чертах русского характера – всё же миф, который легко опровергается и мемуарами, и документами времён Отечественной войны 1812 года»[329].

Можно частично согласиться с выводами М.Е. Захаровой, что во время Отечественной войны в народной культуре к противникам не было беспрецедентной жалости, напротив, широко транслировались примеры беспощадного отношения к врагам. Подвиг старостихи Василисы Кожиной запечатлен в художественном образе в «летучих листах» (карикатуре) 1812 г. Надпись на листе гласит «Французов, как мышей словила в западню; Не будь их дух в Руси, я всех предам огню»[330]. Ее подвиг описан в историческом анекдоте «Старостиха Василиха командует французами»[331].

Народная культура воспринимала и творчески перерабатывала смыслы Чужого в форме пословиц, поговорок, народных песен. В них француз смешной, побежденный, трусливый. С 1812 г. в арсенале народной культуры появились такие пословицы: «Пуганый француз и от козы бежит», «Голодный француз и вороне рад», «Француз боек, а русский стоек», «Замерз, как француз»; «Замороженный француз», «На француза и вилы ружье». Пословицы собраны и представлены в словаре В.И. Даля[332].

Довоенные пословицы обращали внимание на внешний вид француза: «У француза ножки тоненьки, душа коротенька», «Француз – кургуз», то есть недостаточного роста, высоты. «Французский ветер (ветрогон)» – ветреный, непостоянный, ненадежный человек[333]. После войны народное творчество сместило акценты восприятия француза с внешних на внутренние характеристики. Это стало возможным, так как война создавала ситуации

[329] Захарова М.Е. Влияние Отечественной войны 1812 года на культуру российской провинции (по материалам Пензенской губернии): дис. … канд. культурологии: 24.00.01. Саратов, 2014.С.187.
[330] Подарок детям в память 1812 года. Азбука. Электронный ресурс.
[331] Синельников Ф.М. Анекдоты достопримечательнейших происшествий… Ч. 1. С. 59–60.
[332] Даль В.И. Народ-язык // Пословицы и поговорки русского народа. М., 2000. С.343–347.
[333] Там же. С. 343.

непосредственной коммуникации с французом, что отсутствовало в мирное время.

Исторические песни 1812 г. используют те же образы французов, что и ранее созданы военными кампаниями. Француз – враг, а значит, «вор-собака-басурман», грабитель, мародер, французы – «нехристи». В песнях пренебрежительно упоминается «французик», «неприятель-вор-француз», «вор-французик». «Вот он, француз-варвар, Разорил всю кременну Москву!», – слова песни 1812 г. «Ой да отчего же армия растревожилась?»[334] В песнях часто упоминаются такие русские герои, как М.И. Кутузов и казак Платов, которые действуют прямолинейно и бесцеремонно. Так, в песне «Кутузов и французский майор» князь Кутузов: «Уж как бьет – то он майора да по роже»[335].

Исследователь А.В. Чудинов проанализировал интересный феномен времен Отечественной войны 1812 г, связанный с религиозностью русского народа. В одной из песни встречается упоминание о том, что Наполеон обещает казакам:

«С церквей главы сниму,

В церкви коней заведу!»[336].

Французские солдаты, действительно, останавливались на постой в церквях и заводили в храмы лошадей. Для них это была обычная практика, и никакого антирелигиозного смысла в эти действия они не вкладывали. Во французской армии палатки не использовали, и военнослужащие либо устраивали бивуак под открытым небом, либо занимали имевшиеся в наличии нежилые помещения, обычно церкви или монастыри. Такое же поведение было в Западной Европе во время военных кампаний, но поскольку Европа к тому времени во многом была безрелигиозной, то ни у кого эти действия не вызывали возмущения или гнева. Наполеон в ответ на реплику государственного деятеля А.Д. Балашова о набожности русского народа ответил: «Ба, в наши дни нет религиозных»[337]. Французы не учли этого фактора. В России 1812 г. такое поведение

[334] Ой да отчего же армия потревожилась? // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. С.172–173.

[335] Кутузов и французский майор // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. С.168.

[336]Чудинов А.В. С кем воевал русский мужик в 1812 году? С.359.

[337] Цит. по: Куфен Е.А. Французы и русские в конце XVIII – первой половине XIX века: динамика взаимовосприятия культур: дис. … канд. культурологии: 24.00.01. М., 2003. С.53.

рассматривалось как доказательство антихристианской сущности врага. «Очевидно, подобные действия французов произвели на простой люд России весьма сильное впечатление, поскольку в фольклоре о 1812 г. мотив превращения церквей в конюшни звучит практически непрерывно»[338]. Вследствие подобного восприятия врага в исторических песнях постоянно упоминается эпитет «басурман», который ранее использовали только в отношении нехристианских, в основном мусульманских народов:

«Ты не хвастай-ка,

Вор-собака-басурман,

Своим славным Парижом»[339].

В данном примере имеет место факт разрыва коммуникации, ее разъединение и потеря связи, трансформации смыслов в противоположные по значению, и как следствие тотальное непонимание действий оппонентов коммуникации, отсутствие взаимопонимания. Эта ситуация стала возможной, так как было нарушено главное условие «равенство субъектов коммуникации», оппоненты коммуникации предполагают, что их действия логичны и понятны противоположной стороне (Ю. Хабермас)[340].

Ответом на разрыв коммуникации становится негативное восприятие врага. В такой ситуации одна сторона (Чужой) выполняет действие, передает информацию, а вторая воспринимает ее и создает Свои рассинхронизированные семантические конструкции. Например, французская сторона заняла храмы под конюшни (а где еще размещать постой, если рядом свободное помещение?) и наблюдала гневную реакцию русских крестьян, непонятную для французов.

Приведем пример разрыва коммуникаций с точки зрения русской культуры. Британский генерал Роберт Томас, прикомандированный к русской армии, свидетельствует с возмущением, что «недалеко от Вязьмы пятьдесят французов дичайшим образом сожжены заживо. В другой деревне пятьдесят человек живьем

[338] Чудинов А.В. С кем воевал русский мужик в 1812 году? С.360.
[339] Разорена путь – дорожка // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. С.166.
[340] Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. М., 2022. С. 540-542

похоронены…»[341]. Военное время диктовало соответственное отношение к захватчикам. Антихристианская природа врага ставила его вне морали и сострадания, допускала по отношению к нему такое поведение, которое с подобными себе христианином вряд ли бы себе позволил. Жестокое обращение с врагом понятно Кутузову, но непонятно иностранцам, которые рассказывали Кутузову о варварском обращении русских с французами: «Лористон поначалу жаловался на варварское обращение русских с французами», но ему было указано «на невозможность за три месяца цивилизовать нацию, которая почитает неприятеля худшим врагом, нежели грабительская орда Чингиз-хана». Лористон возразил на сие, что «всё-таки здесь есть некоторое отличие». «Может оно и так, – отвечал Кутузов, – но отнюдь не в понятиях народа»[342].

В военных условиях народное творчество находило отражение в анекдотах. В 1813 г. в свет вышла книга, «верноподданнейшего Филиппа Синельникова», который собирал анекдоты. В полном названии заголовка представлено восприятие француза и русского: «Анекдоты достопримечательнейших произшествий, случившихся в течение нынешней войны с французами, или 1) Безпримерныя черты величия, правосудия и благости монарха; 2) Безпристрастное изображение великаго духа, твердаго характера, непоколебимой решительности, глубокомыслия, благоразумия и предусмотрительности российских полководцев; 3) Неподражаемые примеры храбрости, неустрашимости, отважности и терпеливости воинства..: С присовокуплением противоположных свойств и действий французов, как-то: вероломства, лютости, зверства, безчеловечия, ненасытности, безверия, разврата, кровожадности, корыстолюбия, тщеславия, несправедливости, неблагодарности и других пороков и нечестий, отличающих французскую нацию»[343].

Отметим, что исторические анекдоты XIX в. – это поучительные истории, которые отличаются от современной формы изложения. В названиях представлены образы французов и других народов, например «Человеколюбие

---

[341] Чудинов А.В. С кем воевал русский мужик в 1812 году? С. 363.
[342]Там же. С. 365.
[343]Синельников Ф.М. Анекдоты…Ч.1. СПб., 1813. Электронный ресурс.

русского полководца и вероломство французов»[344], «Хитрость англичан и легкомыслие французов»[345]. Также отмечены многие негативные характеристики французов: «Бесчеловечие Наполеона»[346], «Неблагодарность французов»[347],«Безверие и разврат французов»[348], «Французы не всех своих лошадей съели в России»[349], «Церковь, превращенная в театр»[350], «Французы побеждают больше на словах, чем на деле»[351].

Иногда в анекдотах представлены ироничные образы французов. Так, актеры названы «французскими скоморохами»[352]. Армия Наполеона в анекдотах представлена обманутой, голодной, жалкой, жадной. В анекдотах Наполеон назван бесчеловечным, «варваром вселенной» [353]. Анекдот «Воздержанность русских» о крестьянах, которые оценивают поведение французов, их невоздержанность, обжорство, грубые, бесчеловечные поступки. «Говорили: Господи Сусе, Боже. Что за басурманы!...Дивно право как подумаешь, каких учителей Бояре нанимали дорогою ценой»[354].

Русско-французская коммуникация после 1812 г. обогатила русский язык неологизмами, так появились шантропа, шаромыжник, шушера и шваль – все с отрицательным значением. Народная культура посредством словотворчества реализовала один из механизмов освоения Чужого – присвоение, когда «Чужое обращалось в Свое посредством имянаречения»[355].

Яркие образы французов во время войны нашли отражение в карикатурах 1812 г. Н. Теребенева, И. Иванова. В 1814 г. была издана азбука «Подарок детям в память о 1812 году». В карикатурах и азбуке француз трусоват, щеголеват, голоден, «труслив как заяц», но в то же время он и «храбрый галл», также

[344]Там же. С.75–76.
[345]Синельников Ф.М. Анекдоты…Ч. 2. С. 77.
[346]Синельников Ф.М. Анекдоты…Ч.1. С. 114.
[347]Там же. С. 51.
[348]Там же. С. 70.
[349]Там же. С. 63.
[350]Там же. С. 72.
[351]Там же. С. 82.
[352]Синельников Ф.М. Анекдоты. Ч. 2. С. 85.
[353] Синельников Ф.М. Анекдоты. Ч. 1. С. 62.
[354]Синельников Ф.М. Анекдоты. Ч. 2. С. 32.
[355]Шукуров Ш.М. Александр Македонский: метаистория образа // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. М., 1999. С.43.

отмечены внешние особенности французов «огромный самый нос», «широк в плечах», «француз как мышь» попал в западню. В азбуке отмечен хитрый и развращенный француз «Юлит француз всегда, и горы обещает. Но что он делает, лишь юность развращает»[356].

Ироничный тон рисунков поднимал патриотический настрой, карикатурное восприятие француза помогало осознать ценности и величие Своей культуры.

Патриотические настроения и сходные характеристики французов встречаются на страницах журнала «Сын Отечества», в котором французы названы как «народ корыстолюбивый и надменный, не имеющий ни великой мысли, ни глубокого чувства, народ с развращенным и хладным сердцем», «мнимые герои просвещения», «ложные защитники свободы», «варвары девятнадцатого века», «соломенный народ»[357].

В исследовании динамики культур Е.А. Куфен выделила культурные факторы, которые способствуют взаимовосприятию культур и могут трансформировать Чужого: «взаимный интерес наций, наличие положительных оценок…наличие стереотипов восприятия, адекватных национальным особенностям каждой из них (например, русских о французах или французов о русских)»[358].

Она предложила формулу, в которой N – уровень восприятия, a – положительная оценка, i – интерес, s – стереотип. В рамках нашего исследования, отдельные части этой формулы могут быть рассмотрены как культурные факторы трансформации Чужого – авто- и гетеростереотипы, взаимный интерес во время Отечественной войны 1812 г. Вместе взятые, они способствовали более детальному и глубокому восприятию Чужого, помогали увидеть оттенки – «веселые, озорные такие» – говорили обыватели о французах во время военных действий. Это стало возможно только в условиях непосредственной коммуникации.

---

[356]Подарок детям в память 1812 года. Азбука. Электронный ресурс.
[357] Песня к русским воинам, написанная отставным солдатом Никонором Остафьевым // Сын Отечества. 1812. № III. С.127.
[358]Куфен Е.А. Французы и русские в конце XVIII – первой половине XIX века. С.55.

Обобщая изложенное, необходимо отметить, что рецепция француза в русской культуре конца XVIII– первой четверти XIX в. претерпела изменения, и ее можно охарактеризовать парадоксом восприятия Чужого, описанного Б. Вальденфельсом. Так, в эйдетической редукции Чужое включается в архитектонику сущностных структур, поднимающуюся над «Собственным» и «Чужим». При этом Чужесть не является свойством, которое может быть просто приписано некоторой вещи или некоторой личности как таковой. Даже «совершенно чужая природа» обладает своей чуждостью только в отношении к людям и в исторически изменчивых обстоятельствах. В трансцендентальной редукции Чужое включается в некоторый смысловой горизонт, простирающийся от «Собственного» до Чужого. Б. Вальденфельс предложил рассматривать взаимоотношение Чужого и Своего в других категориях, а именно как «притязание –ответ»[359]. «Ответ» характеризуется следующими признаками: 1) сингулярность, то есть уникальность события, которое вводит новый символический порядок, утверждают новые смыслы, порождают новые обстоятельства в истории человека и целых народов (например, Французская революция, Отечественная война 1812 г.); 2) неизбежность; 3) недостижимый постфактум; 4) неустранимая асимметрия, то есть респонзивное отношение «притязание –ответ» не является традиционным диалогом, где стороны исходят из общих целей и правил, а таким диалогом, где участники не сходятся в чем-то общем[360]. Следуя логике Б. Вальденфельса, именно эти факторы определяют парадокс восприятия Чужого.

«Парадокс взаимовосприятия противников» отметила Е.А. Куфен. Он проявился в «сочетании патриотических чувств, национальной гордости с неослабным интересом и своеобразной симпатией между двумя нациями»[361].Согласимся с мнением Е.А. Куфен, что, несмотря на войну, симпатия и интерес к французам превосходили привычное чувство ненависти к врагу.

[359]Вальденфельс Б.Своя культура и Чужая культура. С. 86.
[360]Пахолова И.В. Опыт Чужого в респонзивной феноменологии Б. Вальденфельса // Вестник СамГУ 2008. № 1 (60). С.16.
[361] Куфен Е.А. Французы и русские в конце XVIII – первой половине XIX века… С.80.

Заграничные походы русской армии 1813–1814 гг. послужили дополнительным источником рецепции, уточнения Чужого или трансформации уже существующих стереотипов о французах. Непосредственная коммуникация создавала новые стереотипы[362].

После заграничных походов 1814 г. многие авторы обращали внимание на многочисленные увеселительные заведения во Франции, предполагая склонность французов любого социального слоя к развлечениям и трактирам. Сами же французы ветрены и непостоянны, что является характеристикой всего французского народа. В мемуарах французы непатриотичны, так как 19 марта 1814 г. они встретили союзные войска с любопытством, вместо того, чтобы дать достойный отпор и организовать всенародное сопротивление. Русские офицеры вспоминали: «Я спрашивал, где та очаровательная Франция, о которой нам гувернеры говорили...»[363]. Когда русские войска вошли в Париж в 1814 г., Александр I отменил оскорбительный обряд поднесения ключей города, это была демонстрация уважительного отношения к французской культуре, французам в целом, и к парижанам в частности. Благодаря позиции Александра I поражение Франции и победа России не стали причиной послевоенной конфронтации двух культур. «Военно-политическая проблема была осмыслена философски, как торжество божественного проведения над желанием отдельной личности подчинить себе народы»[364].

Все вместе это создавало ситуацию виртуального (имагинативного) межкультурного паритета, когда русские дворяне верили в то, что они знают Францию, воображаемую, вне сомнения, идеализированную (трансцендентальная редукция). В свою очередь французы тоже думали, что достаточно знают «северных варваров». Итогом виртуального МКК паритета становится либо разочарование, как в ситуации с образом просвещенного француза, либо узнавание новых сторон и новое восприятие оппонента коммуникации, как это было после заграничных походов. Восприятие Франции и француза можно

[362] Губина М.В. Франция в восприятии русских военных: эволюция стереотипов (1814–1818) // Россия и мир глазами друг друга. Из истории взаимовосприятия. М., 2000. С. 136–148.
[363] Муравьев Н.Н. Записки 1814–1815 год // Русский архив. 1886. Вып. 2. С.75. Электронный ресурс.
[364] Куфен Е.А. Французы и русские в конце XVIII – первой половине XIX века… С. 81.

сгруппировать по двум направлениям, представленным в источниках – «земной рай» и «зараза мерзкой французской революции», «негодная Франция»[365].

Этапом критического восприятия француза стали революционные события Франции 1789 г. После них дворянское общество России разделилось на два лагеря. Одни сочувствовали роялистам и тем, кто пострадал от революции, другие сочувствовали тем, кто поддерживал революционные идеи. Ослабление галломании произошло в России в период русско-французских войн 1805, 1806–1807 и 1812–1814 гг., причем особенно ярко это проявилось во время Отечественной войны 1812 г., когда патриотически-настроенный бомонд стал большее внимание уделять отечественной культуре. Следует отметить, однако, что в 1812 г. все важнейшие манифесты к народу император составлял по-французски, а на русский язык их переводил государственный секретарь А.С. Шишков. В дворянской среде стало модно говорить по-русски, окружать себя русской утварью и одеваться в традиционную, стилизованную национальную одежду[366].

В послевоенное время усилению галломании способствовало то обстоятельство, что после 1812 г. в стране осталось много французских пленных, которых охотно принимали в дворянских семьях.

За четверть века в русской культуре восприятие Чужого неоднократно трансформировалось под влиянием внешних и внутренних факторов. Восприятие Чужого отличал динамизм, противоречивое отношение к нему. Данную модель взаимоотношений можно описать как культурный маятник, который создавал разные варианты и инверсии МКК – от галломании до галлофобии и в обратном направлении, либо одновременно сочетая бытовую галломанию и политическую галлофобию.

В первой четверти XIX в. сформировались два суждения, в которых французская культура получила различное прочтение. В основе первого находится европоцентризм, признание универсализма европейской культуры.

[365] Губина М.В. Франция в восприятии русских военных... С.53.
[366] Орлов А.А. «Галломания в России» // Франция и Россия в начале XIX столетия. М., 2004. Электронный ресурс

Следовательно, французская культура в рамках подобной интерпретации воспринимается как качественно более высокий уровень общеевропейской культуры, а французы как олицетворение цивилизации. Доказательство франкоцентризма – франкоязычные тексты политической, законодательной, дипломатической направленности. Вторая интерпретация – «национальная», ее позиция основана на том, что засилье французской культуры и языка – это угроза национальной культуре (манифесты А.С. Шишкова, повести Ф.В. Ростопчина), значит, француз не всегда является воплощением лучших качеств цивилизации.

Национальная и европоцентристская позиции сменяли друг друга, создавали культурное напряжение. Этому способствовали политические события, частные случаи общения, отношения с французскими эмигрантами, семейные связи, интенсивность культурных контактов, этнические стереотипы.

Восприятие француза конца XVIII –первой четверти XIX в. постоянно трансформируется, но при этом сохраняет относительную стабильность. Довоенное восприятие Чужого быстро восстанавливается после прекращения войны.

Этому способствовали следующие факторы:

1.Частичный/неполный диалог. Наше исследование опровергает полноту диалогичности между культурами, так как нарушены основные принципы диалога: взаимопонимание, взаимный обмен, коммуникативная готовность, заинтересованность коммуниканта, обратная связь, уважительное и бережное отношение к оппоненту коммуникации. Проблема взаимопонимания сохранилась в русско-французской МКК, но обмен смыслами, ценностями продолжался и проходил в диалоговом режиме.

2. Галломания, ее российский вариант предполагал копирование, некритичное отношение к французской культуре и языку, его беспрецедентную роль в жизни дворянского общества. Французский язык вытеснил родную речь, способствовал восприятию француза как Своего. Прибавление к русской культуре французского языка нарушило системную целостность культуры, привело к подмене национального языка, изменению ценностей, убавлению роли родной

речи и разрыву коммуникаций между элитарной и народной культурой. Наше исследование подтвердило тезис С.А. Арутюнова о противоречивости взаимодействия между культурами в форме прибавления.

3. Консервативное дворянство призывало переосмыслить роль французской культуры и француза, чтобы обратиться к Своему.

4. Отечественная война 1812 г. стала решающим стимулом, который трансформировал восприятие француза и изменил отношение части европеизированного дворянства к французам как просветителям. Во время столкновения происходили процессы уточнения, дополнения, трансформации Чужого в среде как столичного, так и провинциального дворянства, в среде консерваторов и новаторов. Эти процессы затронули в том числе традиционную культуру, которая приобрела непосредственный опыт коммуникации с французами, что способствовало еще большему подъему патриотизма, убежденности в правоте своей культуры, народному творчеству. Война выступила катализатором, внешним фактором, который трансформировал и создавал новые представления о французах, модифицировал модели восприятия Чужого, способствовал критическому осмыслению.

Мы использовали модели восприятия Чужого, предложенные В.Г. Лысенко. С их помощью определили, что элитарная культура апеллировала к гетеротопической и гуманистической моделям восприятия Чужого, основанных на открытости мироощущения по отношению к Чужому и готовности к коммуникации с Чужим. Народная культура в понимании Чужого демонстрировала принцип эксклюзивизма в моделях антиподов и мифологической, непосредственные коммуникации помогли увидеть в Чужом Другого, с любопытством оценить его, проявить к нему подлинный интерес и сочувствие, сострадание, негодование.

Народная культура конструировала образ Чужого и давала обратную связь в случаях необходимости и реального взаимодействия (военные столкновения, плен, квартирование) – эйдетическая редукция. Столкновение с Чужим убеждало в невозможности перехода за границу и принятия Чужого.

Элитарная культура постоянно обращалась к Чужому опыту, часто идеализировала Чужого, трансформировала в виртуального, вымышленного Своего – Нашего, создавала абстрактного Чужого (гувернерство, мода, галломания) – трансцендентальная редукция. В такой ситуации принятие Чужого приводило к отчуждению от Своего и аббеpативному ощущению понимания Чужого.

В процессе межкультурной коммуникации были определены обобщающие факторы трансформации Чужого: внешняя политика (политические); влияние императорского двора на образ жизни дворян, сословную принадлежность (культурные), степень вовлеченности в межкультурную коммуникацию, заинтересованность, культурную локацию (столица/провинция).

Ценностно-смысловая трансформация Чужого в русской культуре конца XVIII –первой четверти XIX в. под воздействием внешних и внутренних факторов добавляла или исключая те или иные характеристики, возвращалась к прежней рецепции. Этот внутренний процесс изменял русско-французскую межкультурную коммуникацию за счет встраивания в нее новых смыслов, стереотипов, ценностей, конструкций освоения Чужого. Многолетние подражание и изменчивость политической ситуации деформировали формы русско-французской МКК и определили противоречивость Чужого исследуемого периода. Чужой находится в конкретной системе коммуникаций. В зависимости от политических, культурно-исторических условий, этапа трансформации на первый план выдвигаются доминирующие паттерны культуры и бинарная оппозиция Свой – Чужой трансформируется в многовариантные тройственные формы.

Проведенное исследование позволило сделать вывод о значении ценностно-смысловой трансформации Чужого для осмысления русско-французской межкультурной коммуникации конца XVIII– первой четверти XIX в.

Мы выделили следующие группы значений:

1. *Консолидирующее – патриотическое.* Отечественная война 1812 г. заставила переосмыслить влияние просвещенной Франции на русское общество.

Француз, переставший быть Чужим в дворянской культуре, становится общим врагом. Это заставило русское общество объединиться. Исследователи единодушны в оценке событий 1812 г. в вопросе о консолидации сил русского общества. «Россия продемонстрировала беспримерный духовный подъем народа, его патриотизм, его жертвенность во имя Родины. Без усилий, героизма и долга русского мужика и солдата, ратника-ополченца и горожанина, небогатого дворянина и армейского офицера, аристократа и купца, без самого государства, и, наконец, без великого подвига русской женщины история страны, континента и, видимо, всего мира, была бы иной. Почти полумиллионная армия Наполеона прекратила свое существование, Россия и Европа были освобождены»[367]. Патриотизм становится следствием объединения сил русского общества[368]. Патриотизму старались следовать не только в мировоззренческом контексте, дворянство старалось проявить его в бытовых мелочах. «…у нас в Пензе…старались выказать патриотизм. Дамы отказались от французского языка. Многие из них почти все оделись в сарафаны, надели кокошники и повязки…Что касается до… мужчин…Губернатор…нарядился …также в казацкое платье…Слуг своих одел он также по-казацки…»[369]. В идеологической сфере произошло заметное событие – открытие патриотического журнала «Сын Отечества» в 1812 г.

2. *Семантическое*. Ценностно-смысловая трансформация Чужого сопряжена с модификацией смыслов, появляется возможность наполнить новым содержанием прежние смыслы или вернуться к прежним после конфликтов (ресемантизация). Например, после Отечественной войны 1812 г. враг вновь становится просветителем, гувернером, воспитателем, что подтверждают примеры биографий писателей (Ф.М. Достоевский, Ю.М. Лермонтов, Л.Н. Толстой).

3. *Ценностно-информационное*. Трансформация Чужого – процесс сбора, переработки и накопления информации о Чужом, который попадает в Свою

[367] Лимонов Ю.А. Россия в западноевропейских сочинениях первой половины XIX века // Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л.,1991. С.3.
[368] Бескровный Л. Вся Отечественная война 1812 года. Полное изложение. М., 2017. С. 226.
[369]Вигель Ф.Ф. Записки. С. 180.

культуру. Собранная информация маркирует Чужого по различным критериям (ценностно-смысловой, бытовой и пр.). Например, в русско-французской коммуникации положительное отношение дворянства к Чужому вызывало непонимание в народной культуре. Бытовые примеры, мода, пищевые привычки нагляднее демонстрировали расхождение, специфику в элитарной и народной культурах. Эту особенность подчеркнул А.В. Чудинов: «французское» воспринималось как «чужое» не столько потому, что было «нерусским», сколько потому, что принадлежало к «чужому» миру – миру европеизированной культуры господствующего класса, противостоявшего миру традиционной народной культуры … кардинальные различия культурных практик дворян и крестьян дают основание говорить о двух параллельно существовавших мирах»[370]. В ходе коммуникации происходило взаимное узнавание ценностей культур.

4) *Креативное, культуротворческое*. Ценностно-смысловая трансформация Чужого в осмыслении русско-французской коммуникации стала поводом для обывательской, творческой рефлексии. Это нашло отражение в художественных формах (мемуарах, УНТ, карикатурах, прикладном искусстве), появлении неологизмов времен Отечественной войны 1812 г., которые сохранились в русском языке до настоящего времени. Освоение Чужого в дворянской культуре, противостояние Чужой традиции в народной культуре требовали творческого импульса.

5. *Воспитательное.* Ценностно-смысловая трансформация Чужого проходила в разных сферах, самой распространенной в дворянской культуре было воспитание и образование. Французские гувернеры обучали, приобщали к Своей культуре, тем самым способствуя переосмыслению как Своего, так и Чужого. Восприятие Чужого в военном конфликте, его трансформация воспитывала чувство гордости за Свою культуру, убеждало в исключительности Своей традиции. Ю.М. Лотман отметил: «За несколько месяцев Отечественной войны русское общество созрело на десятилетия»[371]. После войны, оставшиеся в России

---

[370]Чудинов А.В. С кем воевал русский мужик в 1812 году? С. 353.
[371]Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин: биография писателя. СПб., 2015. С. 7.

французы, воспитывали своим примером, утверждали уникальность и особые ценности русской культуры (терпение, традиционализм, желание к примирению).

6. *Проверка жизнеспособности и жизненных сил культуры*. Ценностно-смысловая трансформация Чужого в русско-французской коммуникации актуализировала Свою систему жизненных ценностей и сил культуры. По мнению Е.А. Попова, «жизненные силы – это фундамент, статика культурной системы, но вместе с тем это и реальные источники происходящих в ней изменений, составляющих ее социодинамику…Жизненные формы позволяют совсем иначе взглянуть на культуру – не с позиции признания ее исключительного участия в конструировании социальной реальности..., а с точки зрения органицизма, проводящего аналогии культурного развития с эмансипацией живой, органической системы»[372]. В русско-французской коммуникации конца XVIII – первой четверти XIXв. в различных формах (галломания, галлофобия, частичная ксенофобия, диалог, принятие, отторжение и пр.) происходила трансформация Чужого, которая продемонстрировала жизнестойкость, жизненные силы русской культуры особенно в кризисные моменты военного противостояния с Чужой культурой. Война 1812 г. актуализировала жизненные силы русской культуры, объединила русское общество и продемонстрировала уникальные ценности Своей культуры в ценностно-смысловой системе Чужого.

[372]Попов Е.А. Особенности витального комплекса русской культуры XX – начала XXI вв.: дис. … д-ра философ. наук: 09.00.13. Барнаул, 2006. С. 273.

Заключение

В результате проведенного исследования нами получены данные о восприятии и трансформации Чужого в межкультурной русско-французской коммуникации в конце XVIII – первой четверти XIX в., детерминированные общественно-политическими событиями, бытовыми и культурными связями России и Франции.

В диссертационной работе проведено культурфилософское осмысление Чужого в межкультурной коммуникации на примере рецепции трансформации Чужого в русской культуре конца XVIII – первой четверти XIX в. Методология культурвитализма (Е.А. Попов, Т.А. Семилет) помогла актуализировать МКК как органический, динамический, постоянный процесс.

Восприятие Чужого в русской культуре за четверть века трансформировалось как в элитарной, так и народной культуре под влиянием внутренних (этнические стереотипы, отношение к французам, внутрикультурные коммуникации) и внешних (война, дипломатические отношения, заграничные походы) факторов.

В МКК конструируется оппозиция Свой – Чужой и преломляется в формы от Своего до Чужого/Иного/Другого/Нашего, которые фиксируют изменение как внутри самой оппозиции, так и внутри культуры, в которой она проявляется.

Диссертационное исследование зафиксировало такой феномен, как разрыв коммуникации, противоречия восприятия Чужого. Мы отметили многомерность культуры вследствие пересечения ее многочисленными семиотическими пространствами. Это дало возможность отметить виртуальную, имагинативную, предполагаемую возможность понимания ценностно-смысловой системы Чужой, в части нашего исследования это восприятие элитой французской культуры указанного периода.

МКК дает возможность более внимательного отношения к Своей культуре. Восприятие Чужого в кризисные времена консолидирует общество, обращается к патриотизму. Это подтверждают примеры нашего исследования, Отечественная война 1812 г. выступила катализатором русско-французской коммуникации и

заставила русское дворянство пересмотреть отношение к отечественной культуре и традициям, побудила народную культуру к непосредственным коммуникациям с французами, создала условия для творчества.

На примере русско-французского взаимодействия конца XVIII – первой четверти XIX в. удалось проследить восприятие и трансформации Чужого.

Рецепция Чужого показала как его динамику, так и относительную стабильность и возможности возвращения к прежнему восприятию после завершения конфликтов. В процессе межкультурной коммуникации различные культурные миры, в том числе Свой и Чужой, становятся взаимопроникаемыми по отношению друг к другу, что создает ситуации диалогичности, полилогичности или конфликтности.

Было уделено внимание моделям отношения Своего – Чужого в МКК. В процессе исследования были обнаружены следующие позиции: 1) Свое – Чужое – Наше («наши французы»); 2) Свое – Чужое – Другое (не такое, как ранее); 3) Свое – Иное (непонятное, которое противостоит и своему, и чужому) – Чужое; 4) Другой/Чужой – Свой.

В логике исторического развития конца XVIII – первой четверти XIX в. можно выделить три принципиальные коммуникативные парадигмы в отношении Чужого:

1. Позитивная модель организации взаимодействия с ценностно-смысловой системой Чужого. В нашем исследовании примером этого выступает галломания как форма восхищения и преклонения перед Францией.

2. Нейтральная модель в форме бездействия. К ней можно отнести равнодушие народной культуры по отношению к Чужому до определенного исторического момента. Эта модель неустойчивая и всегда стремится сменить вектор в положительную или отрицательную сторону. Ключевыми событиями, которые определяют смену мировоззренческого направления, ценностей являются войны, официальная идеология, культурные конфликты, народная дипломатия.

3. Враждебная, или негативная модель. Относительно нашего исследования – галлофобия, которая во время войны принимала крайние формы, такие как погром французских магазинов, оскорбление и пр.

В результате диссертационного исследования выделены ценностные и виталистские основания русско-французской межкультурной коммуникации конца XVIII – первой четверти XIX в. Были отмечены такие черты, как динамизм, противоречивость, непрерывность, прочность, кардинальные изменения от галломании к галлофобии, от обожания к критическому осмыслению, устойчивый интерес к французской культуре в дворянской среде даже во время Отечественной войны 1812 г. и незначительный интерес народной культуры к французам до войны. Отмечена элитарность распространения французской культуры, неравномерность соприкосновения с традиционной народной культурой.

Определены культурфилософские основания исследования МКК: информационное, интериоризационное, семиотическое, культургенетическое, аксиологическое, понимающее, диалогическое.

В нашей работе мы предложили ценностно-смысловое направление концептуализации, которое оставляет за рамками излишнюю политизированность Чужого, присутствующую в современном дискурсе. Оно позволяет соотнести статику и динамику рецепции Чужого, опираясь на ценностно-смысловые константы, отделить аксиологически осмысленное восприятие Чужого от того, которое подвержено резким трансформациям и, как следствие, не имеет интенции к сохранению. Ценностно-смысловая рефлексия фиксирует столкновение, соприкосновение аксиосфер, положительный опыт динамики взаимодействия и выхода из конфликта.

Анализ ценностных оснований архитектоники культурно-исторического взаимодействия русско-французских межкультурных отношений выявил черты конвергенции и дивергенции русской и французской культур. При этом мировоззренческой доминантой традиционной культуры оставалось православие, а элитарная культура была представлена двумя противоположными типами

мировоззрений – либерально-просветительским и консервативно-охранительным. В русской культуре происходит сдвиг от галломании к галлофобии и в обратном направлении.

Восприятие Чужого трансформировалось в зависимости от факторов влияния и демонстрировало противоречивость, полифоничность, неоднозначность, дифференциацию восприятия в различных типах даже дворянской культуры (провинциальное, столичное петербургское, московское консервативное). За четверть века происходили неоднократные изменения под влиянием политических (война, дипломатия, официальная идеология, заграничные походы) и культурных (стереотипы, этноцентризм, взаимный интерес, наличие положительных и негативных оценок) факторов. На каждом этапе доминирующие паттерны модифицировались (победители, просветители, модники, гувернеры, враги), одновременно сохранялась стабильность в восприятии Чужого. В народной культуре восприятие Чужого актуализируется во время непосредственных масштабных контактов (враг, противник, пленный, жалкий, шутник, озорник, бойкий).

В МКК зарождаются новые формы восприятия Чужого (в нашем исследовании – это одновременное существование двух исключающих друг друга форм культурной галломании и галлофобии), возможны новые интерпретации прежнего опыта общения, возвращение к прежним смыслам после конфликта (ресемантизация).

Данный исторический опыт можно использовать при анализе современной культурной ситуации, культурного стратегирования. Он может быть полезен при изучении культурных конфликтов как опыт понимания того, что можно найти позитивные варианты коммуникации в кризисные периоды взаимодействия с учетом изменчивости политической ситуации и стабильности восприятия ценностно-смысловой системы Чужого.

МКК демонстрирует на практике, что культурное равенство не представляется возможным, поскольку доминируют этноцентристские оценки и

опыт рецепции Чужого не достижим – это всегда будет Своя интерпретация Чужого.

Полученные результаты позволяют утверждать, что культурфилософское исследование Чужого в МКК представляет перспективное направление в науке, которое дополняет и сближает уже имеющиеся методологические подходы изучения проблемы Чужого, позволяет обобщить ряд теоретических исследовательских позиций, в значительной степени уточнить и развить некоторые идеи и положения, высказанные ранее многими зарубежными и отечественными учеными.

Следует отметить, что указанная проблема чрезвычайно сложна и требует многочисленных специальных проработок. Вместе с тем она отличается исключительной актуальностью, а поэтому может быть избрана в качестве ориентира дальнейшего исследования.

Библиографический список

1. Агронов Л.И. Восприятие событий Отечественной войны русским простонародьем. URL: http://museum.ru/museum/1812/Library/Agronov1/. (дата обращения 19.02.2019).

2. Азаренко С.А., Рузавин Г.И., Флиер А.Я., Бернштейн В.Л., Александров П.С. Коммуникация. URL: https://gtmarket.ru/concepts/7132. (дата обращения 25.12.2022).

3. Алиев Р.Т., Авторханов Д.М. Эволюция подходов к проблеме Другого/Чужого: от философского осмысления к феномену Другого/Чужого как объекту историко-культурного дискурса. Ч. 2 // Философия и культура. 2018. № 6. С. 48–57. URL: htpp// evolyutsiya-podhodov-k-probleme-drugogo-chuzhogo-ot-filosofskogo-osmysleniya-k-fenomenu-drugogo-chuzho. (дата обращения 25.12.2022).

4. Антропологические и аргументологические основания межкультурной коммуникации: сборник статей. СПб., 2020. 164 с.

5. Апель К.-О Коммуникативное сообщество как трансцендентальная предпосылка трансформации социальных наук // Трансформация философии. М.: Логос, 2001. С. 193–237.

6. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. 247 с.

7. Арутюнов С.А. Культуры, традиции и их развитие и взаимодействие. Люистон : Эдвин Меллен Пресс, 2002. 386 с.

8. Ахиезер А.С. Введение. Нравственные основания российской истории // Россия: критика исторического опыта. Новосибирск, 1997. С. 49–93.

9. Баева Л.В. Толерантность: идея, образы, персоналии. Астрахань: Изд. дом Астраханский ун-т, 2009. 216 с.

10. Баева Л.В. Подвойский Л.Я. Этика и культура толерантности Астрахань: Изд. дом Астраханский университет, 2012. 192 с.

11. Балакина Е. И. Диалог как способ превращения «чужого» в «своё» // «Своё» и «чужое» в культуре. Барнаул; Рубцовск: Изд-во Алт. ун-та, 2011. С. 73–82.

12. Балакина Е.И. Метаморфозы диалога в системе культуры и искусства. Барнаул: Алтайский дом печати, 2014. 275 с.

13. Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 381–393.

14. Бахтин М.М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 337 с.

15. Белов А. Б. Проблема обратной связи в общении: обзор психологических исследований. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-obratnoy-svyazi-v-obschenii-obzor-psihologicheskih-issledovaniy/viewer. (дата обращения 21.02.2022).

16. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Эксмо, 2007. 591 с.

17. Бескровный Л. Вся Отечественная война 1812 года. Полное изложение. М.: Алгоритм, 2017. 226 с.

18. Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М.: Прогресс: Гнозис, 1991. 176 с.

19. Библер В.С. От науконаучения к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1990. 413 с.

20. Бойцов М.А., Ильин В.В. Отечественная война 1812 года и эпистолярное наследие современников (первая треть XIX века) // Отечественная война 1812 года и русская литература XIX века. М., 1998. 277 с.

21. Бондарева А.А. О риторическом потенциале дихотомии «Свой – Чужой» // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2019. Т. 29, вып. 3. С. 471–476.

22. Бочкарев В.Н. Екатерина и Франция // Отечественная война и русское общество. Т.I. URL: http://museum.ru/1812/Library/Sitin/book1_04.html. (дата обращения 12.02.2019).

23. Бочкарев В. Н. Консерваторы и националисты в России в н. XIX века // Отечественная война и русское общество. Т.II. URL: http://museum.ru/1812/Library/sitin/book2_08.html. (дата обращения 12.01.2023).

24. Бубер М.Я и Ты. М.: Высшая школа, 1993. 173 с.

25. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: Ин-т русской цивилизации, 2009. 464 с.

26. Буцан А.С. К истории русско-французского культурного диалога // Вестник МГУКИ. 2012. № 6 (50). С. 90–93.

27. Быстрова, Ю.М. Русско-французские культурные связи в к. XIX– начале XX вв.: автореф. дис. …канд. ист. наук: 07.00.02. Саратов, 2010. 26 с.

28. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // СОЦИО-ЛОГОС. М.: Прогресс, 1991. С. 39–50.

29. Вальденфельс Б. Своя культура и Чужая культура. Парадокс науки о Чужом // Логос. 1994. № 6. С.81–90.

30. Василик В. Образ Наполеона Антихриста в русском общественном сознании первой трети XIX века. URL: https://pravoslavie.ru/34380.html. (дата обращения 06.02.2022).

31. Вебер А. Тип культуры и его измерения // Кризис европейской культуры. СПб.: Университетская книга, 1999. С.101–106.

32. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 804 с.

33. Верещагин В.А. Русская карикатура. Отечественная война. 1812 год. СПб.: Сириус, 1912. 180 с.

34. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Опасность галломании // Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005. С.376.

35. Верховская Ж.А. Межкультурная коммуникация как фактор социокультурных изменений: дис. … канд. культурологии: 24.00.01. М., 2006. 174 с.

36. Ветчинова М.Н. Поборники отечественного просвещения о влиянии французского языка на культуру русской речи во 2-ой половине XVIII – начале

XIX вв. // Русская речь в современном вузе: материалы Третьей международной научно-практической интернет-конференции. Орел: Орловский государственный технический университет, 2006. С. 298–300.

37. Ветчинова М.Н. Диалог культур России и Франции: исторический аспект. URL: https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/008-02oF3t7Xx.pdf. (дата обращения 18.09.2020).

38. Вигель Ф.Ф.Записки. ImWerdenVerlag München, 2005. 327 с.

39. Виндельбанд В. Дух и история. Избранное. М.: Юристъ, 1995. 687 с.

40. Власова И.В., Власова Т.В. Межкультурная коммуникация: основные направления исследования в поликультурном мире // Язык. Культура. Общество. Материалы научной межвузовской научно-практической конференции. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2018. С.56–60.

41. Вознюк Е.Б. Межкультурный диалог как фактор развития культуры в период глобализации: автореф. дис. … канд. культурологии: 24.00.01. Чита, 2012. 23 с.

42. Волкова М.А. Грибоедовская Москва: в письмах М.А. Волковой к В.И. Ланской, 1812–1818 гг. М., 2013. 460 с.

43. Волкова М.А. // Письма М. Волковой к В. Ланской. URL: http://museum.ru/1812/library/Letters/index.html. (дата обращения 12.03.2020).

44. Востриков А.В. Взаимодействие русской и французской культур в российской городской среде (1701– 1796 гг.): автореф. дис. …канд. ист. наук: 24.00.01. Казань, 2009. 23 с.

45. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. М.: Республика, 1994. 367 с.

46. Вяземский П.А. Старая записная книжка. Ч. 1. URL: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0060.shtml. (дата обращения 09.02.2020).

47. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм, 2003. 542 с.

48. Гартман Н. Этика. СПб.: Фонд Университет: Владимир Даль, 2002. 707 с.

49. Герасимова И.Е. Дискурс межкультурной коммуникации // Языки и культуры: материалы Международной научно-практической конференции / Костромской государственный университет, Гуманитарный институт Северо-Восточного педагогического университета. Кострома, 2019. С. 120–126. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41750160_27268807.pdf. (дата обращения 09.02. 2020).

50. Гирц К. Интерпретация культур: пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 560 с.

51. Глас рускаго // Сын Отечества. 1812. № II. С.47. URL: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl60000095059?page=27&rotate=0&theme=white. (дата обращения 09.02.2020).

52. Глинка С.Н. Из записок о 1812 годе. URL: http://museum.ru/1812/Library/glinka1/index.html. (дата обращения 09.02.2020).

53. Глинка Ф.Н. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием Отечественной и заграничной войны 1812 по 1814 год. URL: http://museum.ru/1812/Library/glinka2/index.html. (дата обращения 09.02.2020).

54. Говорунов А.В. Диалог культур: от понимания к непониманию // Антропологические и аргументологические основания межкультурной коммуникации. СПб., 2020.С.64–77.

55. Громова О.Г. Взаимодействие российской и западноевропейской культур в период начала формирования русского литературного языка (конец XVII – первая треть XVIII вв.): дис. … канд. культурологии: 24.00.01. Кемерово, 2004. 166 с.

56. Громова О.Г. Самоидентификация и конвергенция культур //Культура как предмет комплексного исследования. Кемерово, 2000. С. 30–34.

57. Губина М.В. Франция в восприятии русских военных: эволюция стереотипов (1814–1818) // Россия и мир глазами друг друга. Из истории взаимовосприятия. М., 2000. С. 136–148.

58. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Кристалл, 2001. 638 с.

59. Гумилев Л.Н. От Руси к России. СПб.: Кристалл, 2002. 352 с.

60. Гуревич П.С. Проблема целостности человека. М., 2004. 178 с.

61. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука: Ювента, 1998. 315 с.

62. Давыдов Д.В. Дневник партизана. СПб.: Азбука, 2012. 379 с.

63. Даль В.И. Народ-язык // Пословицы и поговорки русского народа. М.: ЭксмоПресс, 2000. С.343–347.

64. Данилевский Н.Я. Почему Европа враждебна России? Европа ли Россия? // Россия и Европа. М.: Де Либри, 2016. С.39–111.

65. Дзялошинский И.М., Дзялошинская М.И. Язык вражды в российских СМИ: как создают образ врага. Чебоксары, 2019. С. 189–202.

66. Дробышева Е.Э. Обоснование концепта «Архитектоника культуры» в аксиологической парадигме // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2009. Вып. 2. С. 145–150.

67. Дробышева Е.Э. Архитектоника культуры в аксиологическом измерении: автореф. дис. …д-ра философ. наук: 24.00.01. СПб., 2011. 41 с.

68. Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). СПб., 1882. 691 с.

69. Егоров В.К. Ещё раз об оппозиции «Свой – Чужой» // Коммуникология. 2020. Т. 8, №1. С. 138–154.

70. Екатерининские подвижники. Суворов – великий русский полководец. Анекдоты о Суворове // Святая Русь или Всенародная история великого российского государства IX–XIX вв. / составлена по источникам Костомарова, Соловьева, Забелина и редким сочинениям Татищева и по древним рукописям Константином Соловьевым. М.: Современник, 1994. С. 405–421.

71. Жукова О.И. Самость, ее типология и место в самоопределении человека: автореф. дис. …д-ра философ. наук: 09.00.11. Томск, 2010. 45 с.

72. Загрязкина Т.Ю. Следы Франции в России // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. №3. URL: http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-fra/zagryazkina-sledy-francii-v-rossii.htm. (дата обращения 21.03.2021).

73. Загрязкина Т.Ю. Следы Франции в России // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. №4. С. 32–45.

74. Захарова М.Е. Влияние Отечественной войны 1812 года на культуру российской провинции (по материалам Пензенской губернии): дис.… канд. культурологии: 24.00.01. Саратов, 2014. 214 с.

75. Знай русских! Сборник анонимных стихотворений: Акростих на новый 1813 год. М.: Университетская типография, 1813. 16 с. URL: https://www.prlib.ru/item/333739. (дата обращения 06.02.2022).

76. Зубова М.В. Межкультурная коммуникация как фактор глобализации // Межкультурный диалог и вызовы современности: другость и инаковость в своем и родном: сборник научных статей по материалам Международной научной конференции. Орел: Модуль К, 2019. С.181–186.

77. Иванов А.В. Феномен духовности человека: проблемы интерпретации // Человек: философская рефлексия. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 7–10.

78. Иванов А.В., Журавлева С.М. Духовность и ее атрибуты // Вестник КемГУКИ. № 57. 2021. С. 14–23.

79. Ившин В.С. Социокультурный конфликт: борьба с галломанией и генезис русского консерватизма.URL:https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/63597/1/978-5-7996-2408-8_2018_34.pdf. (дата обращения 06.02.2022).

80. Илиополова К.С. Противоречие «Свой – Чужой» в социокультурной коммуникации: социально-философский анализ: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11. Ростов-на-Дону, 2010. 148 с.

81. Имыкшенова Н.Б. Язык заимствований в процессе культурной диффузии (на материале русско-французского диалога XVIII – начала XX в.): автореф. дис. …канд. культурологии: 24.00.01. Улан-Удэ, 2007. 21 с.

82. Истомина О.Б. Диалог в условиях диспозиций «Свой – Чужой». URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dialog-v-usloviyah-dispozitsii-svoy-chuzhoy/viewer. (дата обращения 19.09.2022).

83. Исторические песни о войне 1812 года // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М.: Правда, 1987. С. 165–174.

84. Йоас Х. Креативность действия. СПб.: Алетейя, 2005. 320 с.

85. Йоас Х. Возникновение ценностей. СПб.: Алетейя, 2018. 312 с.

86. Каган М. С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. М.: Политиздат, 1988. 319 с.

87. Каган М.С. Цивилизация в культуре и культура в цивилизации // Теоретическая культурология. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга : РИК, 2005. С.168–177.

88. Казакова Е.А. Теоретические подходы рассмотрения дуальности «Свое – Чужое» // Философия и методология науки. Вестник Челябинского государственного университета. 2014. №11 (340). Вып. 32: Философия. Социология. Культурология. С. 120–125.

89. Кассин Ю.В. Трансформация способов восприятия чужих культур в процессе культурных контактов (на отечественном материале): дис. … канд. культурологии: 24.00.01. М., 2007. 176 с.

90. Кассирер Э. «Трагедия культуры» // Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарика, 1998. С.112–140.

91. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М.: Правда, 1988. 544 с.

92. Кашин А.Г. Соликамск в 1812 году и пленные французы // Пермские губернские ведомости. 1869. №20–21. С. 9. URL: http://museum.ru/1812/Library/Kashin/index.html. (дата обращения 21.03.2022).

93. Кашкин В.Б. Парадоксы границы в языке и коммуникации. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2010. 382 с. (Аспекты языка и коммуникации. Вып. 5).

94. Керн А.П. Воспоминания о Пушкине. URL: http://az.lib.ru/k/kern_a_p/text_0020.shtml. (дата обращения 21.03.2021).

95. Клочков М.В. Павел и Франция // Отечественная война и русское общество. Т. I. URL: http://museum.ru/1812/Library/Sitin/book1_05.html. (дата обращения 27.03.2021).

96. Ковалева М.В. Феномен культуры в русской религиозной философии к. XIX – начала XX века: автореф. дис. …канд. философ. наук: 09.00.13. Курск, 2009. 23 с.

97. Колесников А.С. Философская компаративистика и диалог культур // Россия и Грузия: диалог и родство культур. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С.185–205.

98. Кондаков И.В. Архитектоника русской культуры: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01. М.: Московский педагогический государственный университет, 1998. 74 с.

99. Копцева Н. П. Проблема истины в философском познании: дис. … д-ра филос. наук: 09.00.01. Иркутск: ИГУ, 2000. 384 с.

100. Костюк О.В. Межкультурная коммуникация в процессе глобализации современного мира: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.13. Ставрополь, 2002. 170 с.

101. Крамаренко О.Л. К вопросу об определении понятия «межкультурная коммуникация» // Человек в информационном пространстве: сборник научных статей XVI Всероссийской с международным участием междисциплинарной научно-практической конференции. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2019. С. 422–427.

102. Красильникова М.Б. Пространственно-временное измерение русской культуры переходных эпох. Рубцовск: Рубцовский индустриальный институт, 2013. 187 с.

103. Красильникова О.С. Парадокс восприятия «Чужого» в русской культуре первой четверти XIX в. (на примере образа француза в войне 1812 г.) // Общество: философия, история, культура. 2020. № 9. С.134–138.

104. Крылов И.А. Мысли философа по моде, или Способ казаться разумным, не имея ни капли разума. URL // http://az.lib.ru/k/krylow_i_a/text_0150.shtml. (дата обращения 27.03.2022).

105. Куликова Л.В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультур. Красноярск: РИО КГПУ, 2004. 196 с.

106. Курбан Е.Н., Красношлыкова М.В. Межкультурное взаимодействие и межкультурная коммуникация: к определению аспектов. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnoe-vzaimodeystvie-i-mezhkulturnaya-kommunikatsiya-k-opredeleniyu-aspektov/viewer. (дата обращения 19.09.2022).

107. Кутузов М.И. Письма, записки. М.: Воениздат, 1989. 591 с.

108. Куфен Е.А. Французы и русские в конце XVIII – первой половине XIX века: динамика взаимовосприятия культур: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. М., 2003. 200 с.

109. Лапин Н.И. Человек и культура его взаимодействий с обществом в прошлом, настоящем и будущем России (продолжая традиции осевого поколения) // Вопросы философии. 2021. № 5. С. 5–16.

110. Латыпова Э.Р. Основы построения межкультурного диалога // Современные парадигмы лингвистических исследований: методы и подходы: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Уфа: Башкирский государственный университет, 2018. С. 60–64.

111. Латышева Ж.В. Идеи философии диалога как основа межкультурной коммуникации // Мир-Язык – Человек. Владимир, 2022. С.124–130.

112. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. М.: Издательство политической литературы, 1991. 367 с.

113. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – н.XIX века). СПб.: Азбука, 2015. 608 с.

114. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука, 2016. 448 с.

115. Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин: биография писателя. СПб.: Азбука, 2016. 288 с.

116. Лукьященко Е.И. Свой и Чужой. Этноцентризм // Вестник КРСУ. 2018. Т.18, № 7. С. 41–45.

117. Луман Н. Общество общества. Общество как социальная система. Медиа коммуникации. Эволюция. М.: Логос, 2011. 640 с.

118. Лысенко В.Г. Познание чужого как способ самопознания (попытка ксенологии) // Вопросы философии. 2009. № 11. С. 61–77.

119. Малиновский Б. Научная теория культуры. М.: ОГИ, 2005. 184 с.

120. Маслянка Ю.В. Смысл и «бес-смысленное время». Проблема смысла жизни в современной философии. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2009. 214 с.

121. Маслянка Ю.В. Проблема смысла жизни: философский и художественный аспекты // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. 2018. № 3: Философия. Т. 1. С. 3–11.

122. Марков Б.М. В поисках другого // Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. С. 5–27.

123. Марков Б.В. Антропологические императивы межкультурной коммуникации // Антропологические и аргументологические основания межкультурной коммуникации. СПб., 2020. С. 11–28.

124. Межкультурная коммуникация: современная теория и практика (Материалы VII Конвента РАМИ сентябрь 2012 г.): М.: Аспект Пресс, 2013. 288 с.

125. Межкультурная коммуникация в современном мире: монография / А.В. Жукоцкая, С.В. Черненькая, С.Б. Кожевников, Е.Г. Тарева, Г.М. Гогиберидзе. М.: МГПУ, 2018. 99 с.

126. Межуев В.М. Философская идея культуры // Теоретическая культурология. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга: РИК, 2005. С.114–124.

127. Межуев В.М. Российская цивилизация // Теоретическая культурология. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга: РИК., 2005. С. 196–209.

128. Мильчина В. А. Репутация французов: «вредные» и «полезные» // «Французы полезные и вредные»: надзор за иностранцами в России при Николае I. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 87–91.

129. Мильчина В. А. Французские варвары, русские парижане и еврейские гаучо. URL: http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-fra/milchina-francuzskie-varvary.htm. (дата обращения 21.09.2022).

130. Минаков А.Ю. У истоков русского национализма. Граф Федор Васильевич Ростопчин/ Русский вестник. URL: http://www.rv.ru/content.php3?id=10542. (дата обращения 27.03.2022).

131. Миронов А.С. Аксиосфера русского эпоса и ценностный выбор его героев (культурфилософский анализ): дис. …д-ра философ. наук: 24.00.01. Волгоград, 2021. 426 с.

132. Миронов В.В. Глобальное коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры //Философия и метаморфозы культуры. М., 2004.С.79–109.

133. Миронов В. В. Трансформация культуры в пространстве глобальной коммуникации. СПб.: СПбГУП, 2019. 60 с.

134. Могилевич Б.Р. Межкультурная коммуникация в системе социологического знания: дис. … д-ра социол. наук: 22.00.01. Саратов, 2010. 323 с.

135. Муллагалиева Л. «Свой – чужой» в аспекте межкультурной коммуникации // Государственная служба. 2008. № 3 (53). С. 138–142. URL: http://ido-rags.ru/?p=5950. (дата обращения 06.02.2021).

136. Мусина Л.М., Мустафина Д.Н. Межкультурная коммуникация: идентификация современных вызовов // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. №4. URL: https://sfk-mn.ru/PDF/18FLSK420.pdf. (дата обращения 06.02.2021).

137. Мускаблит Ф.Г. 1812 год в карикатуре. М.: Будильник, 1912. 50 с.

138. Муравьев Н.Н. Записки 1813 год // Русский архив 1886. Вып. 1. С.7–57.

139. Монина Н.П. Сотериологические векторы русской культуры // Культурное пространство Русского мира. 2021. Т.5. № 3 (19).

140. Монина Н.П. Культурогенез русской и западной цивилизаций: диахронический социокультурный подход // Культурное пространство русского мира. 2018. № 2(6). С. 20–26.

141. Монина Н.П. Специфика внешней идентификации русской и западной цивилизаций: отечественный дискурс // Общество: философия, история, культура. 2022. №1 (93). С.95–98.

142. Назарчук А.В. Учение Никласа Лумана о коммуникации. М.: Весь Мир, 2012. 248 с.

143. Наместникова И.В. Межкультурная коммуникация как социальный феномен: дис. …д-ра философ. наук: 09.00.01. М., 2003. 320 с.

144. Нигосян Н.М. Конструирование образов «Свой», «Чужой», «Другой» в СМИ // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2010. Вып.3. С.232–238.

145. Николаева Ю.В. Образ Наполеона в русской книге первого десятилетия XIX в. как отражение русско-французских отношений // Великая Французская революция, империя Наполеона и Европа. СПб.: Санк-Петербургский университет, 2006. С. 56–58.

146. Николаева Ю.В. Русские и французы друг о друге. Исторические корни национальных стереотипов // Русская и европейская философия: пути схождения. URL: http://anthropology.ru/ru/text/nikolaeva-yuv/russkie-i-francuzy-drug-o-druge- istoricheskie-korni-nacionalnyh-stereotipov. (дата обращения 10.02.2021).

147. Норов А.С. 1812 Бородинское сражение. Воспоминания. URL: http://museum.ru/1812/Library/Norov/index.html. (дата обращения 18.09.2020).

148. О сожжении библиотеки графа Бутурлина // Сын Отечества. 1812. № II. С. 77–76. URL:

https://viewer.rsl.ru/ru/rsl60000095059?page=48&rotate=0&theme=white. (дата обращения 06.06.2022).

149. Орлов А.А. «Галломания в России» // Франция и Россия в начале XIX столетия. М.: ГИМ, 2004.С.20–29. URL: https://statehistory.ru/4648/Gallomaniya-v-Rossii--konets-XVIII---nachalo-XIX-v/. (дата обращения 06.02.2021).

150. Острейковская Н.В. «Невоенная» история войны в записях Е.В. Новосильцевой (Т. Толычевой) // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. 2009. Т. 9, вып. 4. С. 67–70.

151. Павлищева О.С. Воспоминания о детстве А. С. Пушкина (со слов сестры его О.С. Павлищевой) // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Художественная литература, 1985. Т. l. С. 29–39.

152. Павловская А.В. Межкультурная коммуникация в глобальном мире: новые подходы // Межкультурная коммуникация в новой эпохе: теория и практика. М., 2019. С. 6–18.

153. Павловская А.В. Взаимодействие культур в международном образовании: к вопросу о проблемах межкультурной коммуникации в глобальном мире // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 2. С.52–65.

154. Павловская А.В. «Гастрономические войны» в свете проблем межкультурной коммуникации // Коммуникативные коды в межкультурном пространстве как средство формирования общегуманитарных компетенций человека нового поколения. М., 2022. С.439–449.

155. Пахолова И.В. Социокультурный опыт «чужого»: дис. ...канд. философ.наук: 09.00.11.Самара, 2010. 173 с.

156. Пахолова И.В. Опыт Чужого в респонзивной феноменологии Б. Вальденфельса //Вестник СамГУ. 2008. №1 (60). С. 11–18. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-chuzhogo-v-responzivnoy-fenomenologii-b-valdenfelsa/viewer. (дата обращения 06.02.2022).

157. Песня к русским воинам, написанная отставным Фанагоринского гренадерского полка солдатом Никонором Остафьевым// Сын Отечества. 1812. №

III. С.127–128. URL: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl60000095059?page=69&rotate=0&theme=white. (дата обращения 06.02.2020).

158. Пельтцер М.А. Русская политическая графика Отечественной войны 1812 года и ее влияние на Европу // Россия и Европа: дипломатия и культура. Вып. 4. М.: Наука, 2007. С.119–149.

159. Пешков А.И. А.С. Шишков и традиция русского консерватизма XIX века // Серия «Symposium», Христианская культура на пороге третьего тысячелетия, Вып. 5. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С.58–60.

160. Перепелкин Л.С. Проблема «Иного» в российской жизни: феномен социальных границ и объект национально-культурной политики. СПб.: Алетейя, 2018. 113 с.

161. Пиков Г.Г. «Люди культуры» на Востоке и Западе как продукт культурной рецепции // Идеи и идеалы. 2017. № 2 (32), т.2. С.99–107.

162. Пиков Г.Г. Европейцы XIII века о Монгольской империи и Чингисхане // Terrahumana. Общество. URL: https://www.terrahumana.ru/arhiv/11_02/11_02_15.pdf. (дата обращения 06.02.2021).

163. Платон. Софист. URL: http:// http://az.lib.ru/p/platon/text_sofist.shtml. (дата обращения 06.06.2021).

164. Подарок детямъ въ память 1812 года. Азбука. URL:http://www.raruss.ru/treasure/page2/2256-terebenew-abc.html. (дата обращения 19.02.2021).

165. Полякова О.Б. Из истории французской диаспоры в России (XVIII – XIX вв.) // Россия и Франция. XVIII – XX века. Вып. 10. М.: Весь Мир. 2011. С.9– 31.

166. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Социокультурная трансформация: варианты интерпретации, диагностика опыта России // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 1, ч. 2. С. 405–421.

167. Попкова М.Д. Проблема границы в культуре XX века. URL: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/17561/1/fkpp_2010_017.pdf. (дата обращения 21.01. 2022).

168. Попкова М.Д. Культура XX века: кризис самоидентичности и проблема границ //Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 22 (276). С. 41–44.

169. Попкова М.Д. Проблема понимания в современной культурной ситуации // Гуманитарная дипломатия: личность, социум, мир, права человека. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2015. С. 261–267.

170. Попкова М.Д. Коммуникация в пустоте // Культурологические чтения – 2016. Екатеринбург: УрФУ, 2016. С.140–148.

171. Попов Е.А Виталистский императив в современных представлениях о культуре // Известия Алтайского государственного университета. 2004.№ 2 (32). С. 107–110.

172. Попов Е.А. Основные тенденции образования жизненных форм в пространстве культуры // Известия Алтайского государственного университета. № 2 (36). 2005. С. 90–96.

173. Попов Е.А. Особенности витального комплекса русской культуры XX – начала XXI вв.: дис. …д-ра философ. наук: 09.00.13. Барнаул, 2006. 290 с.

174. Поршнев Б.Ф. Вторжение вещей // О начале человеческой истории. М.: ФЭРИ -В, 2006. С.589–604.

175. Промыслов Н.В. Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 254 с.

176. Пушкин А.С. Рославлев // Избранные сочинения: в 2 т. Т.2. М.: Художественная литература, 1978. С. 429–438.

177. Пушкин Л.С. Пушкин Биографическое известие об А.С. Пушкине до 1826 года // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. l. М.: Художественная литература, 1985. С. 49–57.

178. Равочкин Н.Н. Исследование социальной реальности методами философской феноменологии // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2020. № 2(26). С.115–124.

179. Равочкин Н.Н. Значение когнитивных установок и ценностных ориентаций в процессах интерпретации и реализации социальных идей // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2021. № 4 (18). С.14–26.

180. Равочкин Н.Н. Социальные идеи: опыт феноменологического анализа // Kant. 2022. № 1 (42). С.146–152.

181. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. 413 с.

182. Рикер П. Я сам как Другой. М., 2008. 416 с.

183. Россия и Наполеон. Отечественная война в мемуарах, документах и художественных произведениях. М., 1912. 403 с.

184. Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1991. 719 с.

185. Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М.: Русская книга, 1992. 336 с.

186. Ростопчин Ф.В. Мысли вслух на Красном крыльце. М.: Институт русской цивилизации. 2014. 695 с.

187. Ржеуцкий В.С. Французские гувернеры в России XVIII в. Результаты международного исследовательского проекта «Французы в России». URL: http://annuaire-fr.narod.ru/statji/FE2011/Rzheutsky2011.pdf. (дата обращения 09.02.2021).

188. Ржеуцкий В. С. Московские французы в 1812 году и создание образа врага // История: электронный научно-образовательный журнал. 2012. Т. 3. Вып. 4 (12). URL: http://history.jes.su/s207987840000405-4-1-ru. (дата обращения 09.02.2021).

189. Ржеуцкий В.С. История французского землячества в России в XVIII – начале XIX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2003. 553 с.

190. Романова А.П., Якушенков С.Н., Лебедев В.И., Топчиев М.С. Феноменология Чужого в контексте культурной (этноконфессиональной) безопасности // Человек. Сообщество. Управление. 2011. №1. С. 44–56.

191. Романова А. П., Хлыщева Е. В., Якушенков С. Н., Топчиев М. С. Чужой и культурная безопасность. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 215 с.

192. Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1991. 719 с.

193. Румянцев О.К. Манеры целеполагания как проекты времени культуры // Теоретическая культурология. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга: РИК, 2005. С.44–66.

194. Румянцев О.К. Грани Эроса // В перспективе культурологии: повседневность, язык, общество. М.: РИК, 2005. С.373–382.

195. Русская карикатура эпохи Отечественной войны 1812 года. М.: Исторический музей, 2012. 46 с.

196. Русское и французское коммуникативное поведение. Вып. 1. Воронеж: Истоки, 2002. 136 с.

197. Садохин А.П. Межкультурная компетентность: сущность и механизмы: дис. … д-ра культурологии: 24.00.01. М., 2009. 324 с.

198. Сазонова Л.И. Сказание о Наполеоне-Антихристе: старообрядческий вариант антинаполеоновского мифа // Славяноведение. 2012. № 2. С. 42–61.

199. «Свое» и «чужое» в культуре. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2011. 523 с.

200. Свое среди чужого, чужое среди своего: сборник статей. М.: Форум, 2016. 263 с.

201. Сегюр Ф. Французы в России 1812 года по воспоминаниям современников-иностранцев // Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л., 1991. С.80–82.

202. Седых А.П., Седых Н.В. Гастрономическая коммуникация как диалог культур: русские и французы.

URL:http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/20379/1/Sedykh_Gastronomicheskaya.pdf. (дата обращения 27.03.2021).

203. Семилет Т.А. Особенности методологии культурвитализма // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2-1 (78). С.218–220.

204. Семилет Т.А. Культурвитализм – концепция жизненных сил культуры. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 142 с.

205. Сидорина Т.Ю. Человечество между гибелью и процветанием: (Философия кризиса в XX в.). М., 1997. 241 с.

206. Силантьева М.В., Шестопал А.В. Межкультурная коммуникация в свете современных модернизационных процессов: «мягкая сила» культурных модуляторов // Межкультурная коммуникация: современная теория и практика. Вестник МГИМО Университета. 2012. № 5(26). М.: Аспект Пресс, 2013. С. 10–17.

207. Силантьева М.В., Глаголев В.С., Тарасов Б.Н. Философия межкультурной коммуникации // Международные процессы 2017. Т.15. № 2 (49). С.64–76.

208. Синельников Ф.М. Анекдоты достопримечательнейших произшествий, случившихся в течение нынешней войны с французами. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1813. Ч.1. 138 с. URL: http://1812.rsl.ru/materials/books/184/?sphrase_id=18801&timezone_id=124. (дата обращения 06.06.2021).

209. Синельников Ф.М. Анекдоты достопримечательнейших произшествий, случившихся в течение нынешней войны с французами. Ч.1. СПб. 1813. 138 с. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1813. Ч.2. 133 с. URL: http://1812.rsl.ru/materials/books/191/?sphrase_id=18801&timezone_id=124/. 199. (дата обращения 06.06.2021).

210. Синявина Н.В. Аксиосфера современного российского общества: культурологический анализ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 16 (811). С. 264–272.

211. Сорокин П.А. Социокультурная динамика // Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 435–488.

212. Степанов Ю.Г. В тени Наполеона… Журнал «Сын Отечества» о Франции и французах в 1815 году// Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.URL: /v-teni-napoleona-zhurnal-syn-otechestva-o-frantsii-i-frantsuzah-v-1815-godu%20(1).pdf. (дата обращения 21.03.2022).

213. Соколов А.С. В центре внимания межкультурное взаимодействие // Диалог со временем. 2020. № 72. С. 418–421.

214. Степанов Ю.С. «Свои» и «Чужие» // Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. С. 124–143.

215. Степанянц М.Т. Знание и вера: многообразие культурных подходов // Вопросы философии 2007. № 2. С.3–13.

216. Степанянц М.Т. От европоцентризма к межкультурной философии // Вопросы философии. 2015. № 10. С.150–162.

217. Стернин И.А., Шилихина К.М. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж, 2001. 110 с.

218. Степин В.С. Глобализация, диалог культур и поиск новых стратегий развития // Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. С. 261–276.

219. Столович Л.Н. Красота. Добро. Истина: Очерк истории эстетической аксиологии. М.: Республика, 1994. 464 с.

220. Струнина Н.В. Стереотипы в межкультурной коммуникации и их критическое осмысление // Вестник Саратовского областного института развития образования. 2021. №1 (25). С.99–102.

221. Тангалычева Р.К. Теоретико-методологические основания исследования межкультурной коммуникации в условиях глобализации: дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01. М., 2015. 371 с.

222. Тер-Минасова С.Г. Глобальная деревня или Вавилонская башня: языковая и межкультурная коммуникация // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2004. №1. URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/globalnaya-derevnya-ili-vavilonskaya-bashnya-yazykovaya-i-mezhkulturnaya-kommunikatsiya/viewer. (дата обращения 27.03.2022).

223. Тер-Минасова С.Г. Другому как понять тебя? // Когнитивные исследования языка. 2021. №2(45). С.96–104.

224. Толычева Т. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. М.: Универ. тип. (Катков и К), 1872. 54 с. URL: http://1812.cl121865.tmweb.ru/materials/books/501/?timezone_id=126. (дата обращения 06.02.2020).

225. Тюгашев Е.А. Гуманизм и социальная философия // Идеи и идеалы. 2013. № 4 (18) Т.1. С.98–105.

226. Тюгашев Е.А., Попкова Т.В. Этнокультурогенез философской мысли: наблюдения Г.Д. Гачева // Идеи и идеалы. 2016. № 3 (29). Т.2 С. 3–11.

227. Федотов Г. П. Судьба и грехи России: в 2 т. Т. 1. СПб.: София, 1991. 350 с.

228. Фельде В.Г. Оппозиция «свой – чужой» в культуре: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.13. Омск, 2015. 152 с.

229. Фергюсон Н. Цивилизация: чем Запад отличается от остального мира. М.: АСТ: CORPUS, 2014. 544с.

230. Философия коммуникации: проблемы и перспективы. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013. 260 с.

231. Фонвизин Д.И. Разговор у княгини Халдиной. Письмо от Стародума. Москва, февраля, 1788 // Сибирь. Журнал писателей России 380/ 3. 2020. № 3. С. 3–9.

232. Фотиева И.В. Принципы диалога культур: Россия и Монголия // Вестник алтайской науки. 2014.№4 (22). С. 441–442.

233. Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альпина Паблишер, 2019. 256 с.

234. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности: Том первый: Рациональность действия и социальная рационализация. Том второй: К критике функционалистского разума. М.: Весь Мир, 2022. 880 с.

235. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. 194 с.

236. Хантингтон С. Борьба между цивилизациями // Тойнби А., Хантингтон С. Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. М.: ТД Алгоритм, 2016. С. 177– 266.

237. Холова Л.А. Трансформация образа Чужого в социальной реальности постсоветского пространства: дис. … канд. философ. наук. Астрахань, 2022. 147 с.

238. Черняк Н.А. Онтология Чужого: постановка проблемы. URLhttps://cyberleninka.ru/article/n/ontologiya-chuzhogo-postanovka-problemy/viewer. (дата обращения 27.03.2022).

239. Чимаров С.Ю. Исторический опыт воинского и духового подвижничества православных священнослужителей в Отечественной войне 1812 года //Управленческое консультирование. История и культура. 2012. № 2. С. 219–227.

240. Чудинов А.В. С кем воевал русский мужик в 1812 году? Образ врага в массовом сознании. URL: http://annuaire-fr.narod.ru/statji/FE2012/Tchoudinov.pdf. (дата обращения 02.06.2022).

241. Чудинов А.В. «Русский якобинец» Павел Строганов. Легенда и действительность // Новая и новейшая история. 2001. № 4. С. 42-70. URL: http://istorja.ru/articles.html/russia/chudinov-a-v-russkiy-yakobinets-pavel-stroganov-legenda-i-deystvitelnost-r580/ (дата обращения 14.10.2022).

242. Чуешов В.И., Белокрылова В.А, Мякчило С.А., Семенова В.Н., Чуешов К.В. Антропологические и аргументологические основания межкультурного взаимодействия и диалога культур // Антропологические и аргументологические основания межкультурной коммуникации. СПб.: Книжный дом, 2020. С.28–64.

243. Чучин-Русов А.Е. Конвергенция культур. М.: Магистр, 1997. 40 с.

244. Шанская Т.А. Восприятие французской культуры русским дворянством, первая четверть XIX века: дис. …канд.ист. наук: 07.00.02. Казань, 2001. 273 с.

245. Шахаева Е.В. Феномен межкультурной коммуникации: системное описание существующих дефиниций (аналитический обзор) // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2018. № 24. С.60–62.

246. Шварц Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствие национальных различий // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2008. Т. 5, № 2. С. 37–67.

247. Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. 413 с.

248. Шипилов А.В. «Свои» и «Чужие» в динамике: пример Рима // Человек. 2017. № 3. С.77–91.

249. Ширалиева Н. О. Культурные связи Франции и России в XX веке: дис. … канд. ист. наук: 07.03.00. М., 2004. 136 с.

250. Широкова М.А. Роль исторической памяти в формировании российской культурной идентичности (на примере концепции славянофилов) // Политическое пространство и социальное время: власть символов и память поколений. Симферополь: Ариал, 2022. С. 359–363.

251. Шишков А.С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. URL: http://az.lib.ru/s/shishkow_a_s/text_1803_rassuzhdenie_o_starom.shtml. (дата обращения 02.06. 2021).

252. Шохин В.К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М.: Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 2006. 455 с.

253. Шпенглер О. Введение. Идея судьбы и принцип каузальности // Закат Европы. М.: Мысль, 1993. С. 128–201.

254. Шубарт В. Европа и душа Востока. М.: Эксмо, 2003. 480 с.

255. Шувалов В.П. Немощь Аттилы (властитель глазами германцев) // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. М.: Алетейа, 1999. С. 259–277.

256. Шукуров Р.М. Введение или предварительные замечания о Чуждости в истории //Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. М.: Алетейа, 1999. С. 9–33.

257. Шукуров Р.М. Имя и власть на Византийском Понте (чужое, принятое за свое) // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. М.: Алетейа, 1999. С. 194–237.

258. Шукуров Ш.М. Александр Македонский: метаистория образа // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. М.: Алетейа, 1999. С. 33–62.

259. Эзри Г.К. Проблема межкультурной коммуникации в философской экспликации // Этнопсихология: Актуальные проблемы современного мира. Благовещенск, 2015. С. 210–216.

260. Эмин Ф.А. Письма Эрнеста и Доравры. URL:https://ru.wikisource.org/wiki/. (дата обращения 06.06.2021).

261. Якупов П.В. Коммуникация: определение понятия, виды коммуникации и ее барьеры // Социальные структуры, институты и процессы. С.261–266. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikatsiya-opredelenie-ponyatiya-vidy-kommunikatsii-i-ee-bariery/viewer. (дата обращения 20.03.2022).

262. 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М., 1987. 516 с.

263. Beebe S.A. Business & Professional Communication: Principles and Skills for Leadership.Boston, MA: Allyn & Bacon, 2010. 432 p.

264. Beebe S.A., Beebe S.J., Ivy D.K. Communication: Principles for a lifetime. Boston: Allyn and Bacon, 2007. 483 p.

265. Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M.H., Dasen P.R. Intercultural Communication // Cross-Cultural Psychology. Research and Applications. Cambridge University Press. P. 407–413.

266. Geertz C. Available light: anthropological reflections on philosophical topics. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 2000. 271 p.

267. Goodall H.L. Business and Professional Communication in the Global Workplace. 3-nd ed. Cengage Learning, 2009. 310 p.

268. Griffin E. A first look at communication theory. 6 th edition. Boston: McGraw-Hill, 2006. 100 p.

269. Gudykunst William B. Asian American ethnicity and communication. Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications. 2001. 244 p.

270. Gudykunst William B. Theorizing About Intercultural Communication. Sage Publication, Inc 2005. 480 p.

271. Hall E. The silent language. An anchor book publishe D B Y Doubleda, 1959. 244 p.

272. Hall E. Beyond culture. Garden City, N.Y.: Anchor Press, 1976. 256 p.

273. Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. Online Readings in Psychology and Culture. 2011. 2(1). Там же. Режим доступа: URL: https://doi.org/10.9707/2307-0919.1014. (дата обращения 25.12.2022).

274. KimY.Y. Cross-Cultural Adaptation // Oxford Research Encyclopedia of Communication. 22 Aug. 2017. Accessed 2 Jan. 2020. Там же. Режим доступа: URL: https://oxfordre.com/communication/view/10.1093/acrefore/9780190228613.001.0001/acrefore9780190228613-e-21. (дата обращения 25.12. 2022).

275. Neuliep J. Intercultural Communication: A Contextual Approach (5th edition). Thousand Oaks: CA: Sage, 2012. 190 p.

276. Nishimura S., Nevgi A., & Tella S. Communication style and cultural features in high/low context communication cultures: A case study of Finland, Japan and India // Renovating and developing subject didactics. Proceedings of a subject didactic symposium in Helsinki on Feb. 2, 2008. Part 2. (pp. 783–796). URL: https://studylib.net/doc/7248624/japan-%E2%80%93-india-%E2%80%93-finland--high-vs.-low-context-cultures. (дата обращения 25.12. 2022).

277. Pavlovskaya A. How to deal with the Russians: Guidebook for businessmen. Transl. by Amanda Calvert. Moscow: Moscow univ. press, 2003. 78 p.

278. Pavlovskaya A. Culture Shock! Russia: A Survival Guide to Customs and Etiquette. Marshall Cavendish; 2nd edition, 2011. 310 p.

279. Pavlovskaya A. National Identity in international education revisiting problems of intercultural communication in the global world // Training Language and Culture. 2021. T.5. № 1. P.20–26.

280. Piller I. Intercultural Communication: A Critical Introduction (2nd edn.), Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. 166 p.

281. Sorrels K. Intercultural Communication: Globalization and Social Justice. Thousand Oaks: CA: Sage, 2013. 112 p.

282. Ter-Minasova S. Challenges of Intercultural Communication: A View from Russia // Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication 2017. №4. P.9–19.

283. Thorne S.L. Artifacts and Cultures-of-Use in Intercultural Communication. Language, Learning & Technology. Vol. 7. No. 2. 2003. P. 38–67.

284. Young, K.S. Business and Professional Communication: A Practical Guide to Workplace Effectiveness. Waveland Press, Inc., 2012. 237 p.